

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1889.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Письма католика въ журналѣ „L'Union Chretienne“ съ отвѣтами на нихъ о. Владиміра Гетте. <i>И—на</i>	316—342
Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ последняго полу-столѣтія (продолженіе). <i>А. Шостъана</i>	343—376
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Основныя черты ученія объ Абсолютномъ (окончаніе). Профессора Кіевской духовной академіи <i>П. Ланицаго</i>	234—246
Характеристика археологій (продолженіе). <i>А. Бяляева</i>	247—280
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер. д. № 16.

1889.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ся изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьв. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой

Пісте: вооб'єн.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Сентября 30 дня 1889 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ПИСЬМА КАТОЛИКА

ВЪ ЖУРНАЛЪ „L'UNION CHRETIENNE“

съ отвѣтами на нихъ о. Владиміра Гетте.

Въ журналѣ «L'Union Chretienne» за н. г. помѣщенъ рядъ католическихъ писемъ къ редактору этого журнала, о. Владиміру Гетте. Письма эти представляются намъ на столько интересными, что мы желаемъ познакомить съ ними нашихъ читателей, въ буквальномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ. Авторъ этихъ писемъ, не пожелавшій печатно открыть своего имени, несомнѣнно человѣкъ убѣжденный, и добрый католикъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ не маскируется; онъ излагаетъ воззрѣнія современныхъ ему католиковъ съ полною искренностію и съ полною вѣрою въ ихъ истинность. Онъ очень хорошо сознаетъ, что высказывая подобныя воззрѣнія, онъ становится въ противорѣчіе не только съ современнымъ движеніемъ научной мысли, но и съ христіанскими убѣжденіями, существующими въ другихъ церквахъ, особенно же въ церкви Восточной, по его мнѣнію, несомнѣнно схизматической. И, однако же, онъ употребляетъ всѣ усилія отстоять свои убѣжденія, доказать ихъ истинность и просвѣтить ими заблуждающихся схизматиковъ. Онъ призываетъ самихъ читателей «L'Union Chretienne» быть судьями и посредниками въ его разногласіи между нимъ, католикомъ, и о. Владиміромъ Гетте. Эта сила убѣжденія, эта вѣрность своимъ воззрѣніямъ невольно вызываетъ серьезное вниманіе къ автору этихъ писемъ, хотя бы

читатель совершенно не соглашался съ ними. Скажемъ даже больше. Если бы подобныя возрѣнія усвоилъ католической церкви писатель православный, или вообще не принадлежащій къ оградѣ римской церкви: то это можно было-бы признать за клевету; по крайней мѣрѣ, въ этихъ возрѣніяхъ всегда можно было-бы предполагать значительную долю преувеличенія и искаженія. Но когда вы видите, что ихъ такъ смѣло и безъ всякаго стѣсненія высказываетъ самъ же католическій писатель, несомнѣнно искренній и несомнѣнно убѣжденный; тогда въ этихъ возрѣніяхъ нельзя сомнѣваться; тогда глубокое различіе между двумя церквами, церковію западною и восточною, выступаетъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Затѣмъ, уже дѣло ума и совѣсти читателя судить объ этомъ различіи такъ или иначе. Въ этомъ состоитъ, по нашему мнѣнію, существенный интересъ предлагаемыхъ нами въ русскомъ переводѣ писемъ католическаго писателя. Что же касается отвѣтныхъ на нихъ писемъ о. Владимира Гетте; то, какъ все выходящее изъ подъ пера этого писателя, такъ и эти письма отличаются обширными богословскими познаніями, трезвостію сужденій и глубокою вѣрностію духу православной Церкви. Безъ сомнѣнія, все это должно признать результатомъ глубокаго изученія исторической жизни разныхъ церквей какъ путемъ научнымъ, по памятникамъ, такъ и путемъ непосредственнаго наблюденія, т. е. общенія съ членами различныхъ церквей. Полемическіе приемы и католическаго писателя, и о. Владимира Гетте не оставляютъ желать ничего лучшаго; споръ ведется между писателями взаимно уважающими другъ друга, не смотря на различіе своихъ убѣжденій. Первое письмо принадлежитъ г. католику.

Письмо къ редактору «L'Union Chretienne».

Господинъ Редакторъ!

Вы держитесь точки зрѣнія, чуждой мнѣ, — чуждой ученію церкви, къ которой вы нѣкогда принадлежали и къ которой я всегда принадлежалъ. Но позвольте мнѣ въ формѣ писемъ

обратиться къ вамъ съ изложеніемъ ученія католическаго въ томъ видѣ, какъ я его понимаю. Само собою разумѣется, что вы сохраняете право возражать мнѣ; пусть уже ваши читатели судятъ, на чьей сторонѣ истина.

Итакъ, я начинаю безъ всякихъ предварительныхъ объясненій:

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Въ нѣдрахъ самого католицизма возбужденъ великій споръ между тѣми, которые безъ всякаго изысканія и безъ всякихъ колебаній держатся всѣхъ постановленій ихъ религіи, и тѣми, которые допускаютъ ихъ подъ условіемъ своего расположенія къ нимъ (*bénéfice d'inventaire*); между тѣми, которые точно исполняютъ многочисленныя предписанія, палагаемая на нихъ церковію, и тѣми, которые держатся ихъ, смотря по ихъ удобству.

Говорятъ: времена перемѣнились; нравы смягчились; разумъ сталъ болѣе просвѣщенъ; узаконенія сдѣлались болѣе терпимыми; философія и науки разсѣяли множество заблужденій, разрушили множество предрасудковъ: почему же католическая религія не хочетъ поддаваться этому всеобщему движенію прогресса?

Итакъ, желаютъ, чтобы католическая религія была исправлена, обновила свои законы и сообщила имъ форму мірскаго духа; требуютъ, чтобы каноническія книги—эти произведенія Духа Святаго—были пересмотрѣны, исправлены и приведены въ согласіе съ новыми идеями; предполагаютъ сократить нѣкоторыя практическія постановленія, унизительныя или трудныя, исполненіе которыхъ не кажется уже необходимымъ и стоитъ въ противорѣчій съ нашими правами.

И кто же требуетъ этого? этого требуютъ католики, признающіе себя преданными своей религіи, но которые, подпадая вліянію новой философіи, кажется, забываютъ основныя начала своей религіи, и намѣренно или безсознательно вступаютъ въ формальное противорѣчіе съ божественными поста-

новленіями, хотя громко исповѣдуютъ ихъ вѣчную ненарушимость.

Такимъ образомъ, благовременно будетъ представить предъ ихъ глаза соображенія, опирающіяся на свидѣтельства и на тексты, которыхъ авторитетность они не отвергаютъ, и, затѣмъ, показать имъ:

Что терпимость въ отношеніи къ религіи, признаваемая за прогрессъ въ дѣлѣ смягченія нравовъ, по-просту есть результатъ ослабленія вѣры, есть плодъ атеизма гражданскихъ и политическихъ установленій, есть необходимое послѣдствіе свободы исповѣданій;

Что упрощенія и облегченія, вошедшія со времени революціи въ практику религіозныхъ обязанностей, уменьшили среди католиковъ расположенность къ обычаямъ, освященнымъ временемъ, и что времена могутъ перемѣняться;

Что такъ какъ принципъ католической церкви и папства происхожденія божественнаго, то отсюда, естественно, слѣдуетъ ихъ единство и ихъ непогрѣшимость; что, слѣдовательно, галликанская схизма, равно какъ и схизма греческая, есть дѣйствительная ересь; ибо раздѣляя двѣ нераздѣлимыя силы, главу и тѣло, духовное и мірское, она наноситъ ущербъ всемогуществу Божію въ лицѣ непогрѣшимыхъ представителей Его на землѣ;

Что воспитаніе юношества уже не согласно болѣе съ откровеніемъ. Совершаясь по образцу языческому, оно обременяетъ духъ познаніями свѣтскими (profanes), часто противорѣчащими ученію откровенному, и выпускаетъ изъ учебныхъ заведеній людей болѣе съ философскимъ направленіемъ, чѣмъ католическимъ;

Что безъ св. Преданія человѣческая совѣсть не можетъ имѣть истиннаго понятія о добрѣ и злѣ, или истиннаго понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Предоставленная себѣ самой, или лишенная этого божественнаго наученія, она не можетъ узнать догматовъ о первородномъ грѣхѣ, о паденіи человѣка, объ искупленіи, покаяніи и пр., безъ каковыхъ догматовъ нѣтъ ни религіи, ни добродѣтели;

Что церковь не можетъ согласиться съ человѣческими по-

становленіями, которыя, покровительствуя диссидентскимъ культурамъ предъ лицомъ культа истиннаго, этимъ лишаютъ послѣдній культъ безраздѣльнаго вліянія на нравы, и, помѣщая всѣ культы въ одномъ святилищѣ, этимъ заставляютъ скоро забывать ихъ въ христіанскомъ мірѣ.

Вотъ вопросы, подпадающіе теперь спору, рѣшеніе котораго, однако-же, содержится въ каноническихъ книгахъ. Достаточно простаго изложенія ученія этихъ книгъ относительно того, что въ самомъ строгомъ смыслѣ признается правомысленнымъ, чтобы противопоставить это ученіе ложнымъ католикамъ, которыхъ вѣра приспособляется къ ихъ ослабѣвшему расположенію къ ней, и чтобы напомнить имъ, что религія католическая, апостольская и римская есть совокупность преданій, законовъ, догматовъ, такъ тѣсно связанныхъ между собою, что касаться или оспаривать одну какую-либо часть ихъ, значитъ разшатывать или отвергать всѣ части. Одинъ Богъ можетъ отмѣнять то, что устанавливаетъ, одинъ Онъ можетъ давать новый законъ на мѣсто ветхаго, и одинъ Онъ можетъ посылать истолкователей этого закона, а именно: апостоловъ, папу и соборы. Такимъ образомъ, вѣрующіе, зная этотъ единственный источникъ истины, мудрости и спасенія, должны отвергать всѣ противорѣчивые споры, какъ нечестивые и опасные, и не должны забывать того повелѣнія, которое Богъ высказалъ евреямъ устами Моисея, устанавливая свои законы: «ты не долженъ ничего прибавлять къ нимъ, и не долженъ ничего отнимать отъ нихъ».

Пусть политическія партіи допускаютъ взаимныя уступки; пусть приобрѣтаютъ королевскія жалованныя грамоты; пусть открываютъ избирательныя камеры, для установленія наследственнаго пэрства, для введенія равенства всѣхъ предъ закономъ на ряду съ благородными сословіями; все это дѣла человѣческія и переменчивыя; эклектизмъ возможенъ въ политикѣ, но онъ не возможенъ въ религіи.

Каждый народъ охотно подчиняется той системѣ управленія, которая ему наиболѣе нравится во многихъ отношеніяхъ, хотя бы система эта оставляла желать лучшаго въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Поэтому-то, народъ и создаетъ

свои проекты измѣненія или отмѣненія того или другаго, смотря по потребностямъ времени, когда наступаетъ это время. Но католическая религiя есть совокупность установленій совершенныхъ, опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ. Она нарушила бы свой божественный принципъ, если бы допустила какое-либо видоизмѣненiе въ нихъ, если бы низошла до уровня вѣка, до соглашенiя съ мiрскими идеями, и пошла бы на буксиръ прогресса. Уже давно ей говорятъ: пожертвуйте намъ мiрскою властiю церкви и мы признаемъ ея непогрѣшимость, предоставьте намъ свободу культовъ, и мы превозгласимъ религiю большинства; допустите академическое образованiе, и мы будемъ терпѣливыми къ вашимъ iезуитскимъ коллегiямъ, къ вашимъ монастырямъ, къ вашимъ школамъ и пр., и революцiонеры приобрѣли все это. Переходя отъ уступокъ къ уступкамъ, католицизмъ кончилъ тѣмъ, что превратился въ культъ, подобный другимъ культамъ, — культъ, почитаемый по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, если захотятъ этого, но въ эти дни — чуждый жизни повседневной, къ величайшему удовольствию свободныхъ мыслителей; потому что они знаютъ, что почва, похищенная у религiи, пригодна для философiи.

Такимъ образомъ, церковь, сокровищница откровенныхъ законовъ, непогрѣшимая истолковательница писанiй, мало по малу увидѣла свои вѣчныя и ненарушимыя права расхищаемыми, уменьшаемыми, уничтожаемыми посредствомъ свѣтской власти, которая, похищая у нея церковные суды, академiи, общественное воспитанiе, вмѣстѣ съ тѣмъ лишила ее нравственнаго и интеллектуальнаго управленiя обществомъ.

Болѣе того. Законъ, подъ влiянiемъ философiи, сталъ атеистическимъ, съ точки зрѣнiя неразличенiя между преступленiемъ, совершеннымъ противъ религiи, и преступленiемъ обыкновеннымъ, — и сталъ такимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что не дѣло человѣка мстить за неправду, совершенную въ отношенiи къ Богу.

Приведемъ примѣръ.

Я обращаюсь къ католику и спрашиваю его: какое различiе вы находите между крестомъ и карманными часами?

— «Странное сближеніе! То вещь священная, а это—вещь мірская».

— «Послушайте, однако же, воръ въ толпѣ другихъ входитъ въ церковь, замѣчаетъ серебряный крестъ на алтарѣ, мимоходомъ захватываетъ его, прячетъ подъ своимъ плащомъ и спѣшитъ продать. Въ то же время другой воръ, при помощи подобранныхъ ключей, входитъ въ комнату, изъ которой жилецъ ушелъ, разламываетъ мебель, похищаетъ часы и спѣшитъ заложить ихъ въ ссудной кассѣ (Mont-de Piété). Оба вора задержаны: Какъ будутъ судить ихъ?»

— «Смотря по важности преступленія».

— «Хорошо! Но на вашу взгляды, кто изъ нихъ болѣе преступенъ?»

— «Конечно первый».

— «Воръ креста?».

— «Да».

— «Итакъ, онъ долженъ быть строже наказанъ?»

— «Безъ сомнѣнія».

Это сужденіе принадлежитъ доброму католику, но плохому законовѣду; потому что юристы судятъ теперь иначе. Атеистическій законъ не знаетъ ни священныхъ, ни мірскихъ предметовъ, онъ старается только разузнать о способѣ, посредствомъ котораго воръ совершилъ преступленіе; совершилъ ли онъ его при посредствѣ простаго похищенія, или съ помощію взлома; воръ часовъ, совершившій преступленіе при этихъ, отягчающихъ вину, обстоятельствахъ, будетъ наказанъ болѣе строго, чѣмъ воръ креста.

Вотъ что случилось съ религіею, съ уничтоженіемъ законовъ о святотатствѣ, установленныхъ церковію. Предметы священные, отнесенные къ категоріи предметовъ мірскихъ, могутъ уже возбуждать хищническіе инстинкты воровъ безъ опасенія подвергнуться за это болѣе строгому наказанію; а между тѣмъ, нѣкогда подобныхъ воровъ сожигали живыми. Тѣмъ не менѣе, законъ противъ святотатства, проектированный правительствомъ реставраціи въ 1825 году, былъ утвержденъ, не смотря на нѣкоторыхъ философовъ-законовѣдовъ, доказывавшихъ, что законъ смѣшиваетъ неправду въ отно-

шеніи къ Богу, Который недоступенъ для человѣческихъ оскорбленій, съ оскорбленіемъ общества, каковое оскорбленіе одно только и должно быть преслѣдуемо. И все же законъ этотъ находилъ малое примѣненіе, и новые революціонеры изгладили его, затѣмъ, изъ кодекса 1830 года. Съ тѣхъ поръ ни одно правительство не имѣло мужества восстановить его.

Съ того момента, когда люди не признаютъ себя болѣе обязанными какимъ-либо особеннымъ почтеніемъ въ отношеніи предметовъ культа, они, естественно, освобождаютъ себя отъ почитанія и того, что эти предметы выражаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря свободѣ культовъ, церковь вынуждена была терпѣть то, что предъ ея собственнымъ лицомъ оспаривали откровенныя истины, проповѣдывали нарушеніе ея постановленій, осмѣивали ея обряды, и когда она протестовала противъ этого положенія дѣлъ, то кричали о ея нетерпимости, какъ будто бы она должна была оставаться безстрастною предъ лицомъ безнаказаннаго нарушенія божественныхъ законовъ, какъ-будто бы она должна безъ всякихъ жалобъ позволять разбивать религіозное единство и видѣть, какъ враждебные культы создаютъ свои алтари подлѣ ея алтарей.

Что сказали бы вы о судебной власти, которая равнодушно позволяла бы совершать предъ своими глазами убійство, или воровство? И, однако же, вотъ положеніе, въ которое поставлена церковь при посредствѣ презрѣнія къ непогрѣшимой власти, которою Богъ облекъ ее для управленія и для поддержанія уваженія къ ея вѣчнымъ установленіямъ.

Слушая нѣкоторыхъ католиковъ, которыхъ новая философія приводитъ въ краску стыда, представляется, будто только теперь церковь обратно требуетъ своихъ священныхъ и непреложныхъ правъ, будто только теперь она возвышаетъ голосъ противъ ненаказуемости безрелигіозности; но пусть поемотрятъ даже на предшествовавшей вѣкѣ, и они увидятъ, что въ 1757 г., 13 апрѣля, былъ обнародованъ законъ, осуждавшій на смертную казнь каждаго, кто только былъ уличенъ въ составленіи книгъ противъ религіи. Этотъ законъ былъ простымъ лишь воспоминаніемъ древнихъ государственныхъ законовъ, и его-то нападки со стороны философіи вывели изъ употребленія.

Безнаказанность богохульства — вотъ очевидный признакъ ослабленія религіи. Громко увѣряютъ, будто посредствомъ этого хотятъ быть безпристрастными; но тогда, какъ преслѣдуютъ малѣйшее мятежное слово, публично оскорбляющее мірское величіе, позволяютъ громко произносить богохуленія— эти оскорбленія божественнаго величія.

И, однако же, древніе строго наказывали богохуленіе. Іисусъ Христосъ былъ осужденъ, какъ хулитель закона Моисея.

Въ средніе вѣка богохуленіе было уголовнымъ преступленіемъ; 77 новелла Юстиніана примѣняла къ нему смертную казнь; церковно-мірскія постановленія (капитуляріи) подвергали равному наказанію и тѣхъ, которые не доносили объ этомъ. Пій V въ первый разъ наказывалъ подобнаго преступника денежнымъ штрафомъ, во второй разъ— ударами кнута, а въ третій разъ — галерами. Парламенты издавали многія постановленія по этому предмету; богохульника наказывали сожженіемъ, подвергая его предварительно пыткамъ; затѣмъ смягчили наказаніе, и въ 1748 году парижскій парламентъ осуждалъ богохульника на повѣшеніе, вырѣзавши у него прежде языкъ. Наконецъ, въ 1766 году юный Лабаръ былъ обезглавленъ лишь за то, что въ шутку испровергъ крестъ. Эти примѣры доказываютъ, что терпимость ведетъ свое начало только со вчерашняго дня.

Отвѣтъ о. Владимира Гетте на первое письмо католика.

М. Г!

Прежде всего я позволяю себѣ оспаривать названіе *католика*, которое вы усвоите себѣ, будто вамъ принадлежащее въ дѣйствительности. Это названіе принадлежатъ только членамъ той церкви, которая всегда вѣрпла въ апостольское ученіе и всегда исповѣдывала его. Вы же, принадлежацій къ церкви римской, должны знать, что эта церковь во многихъ отношеніяхъ уклонилась отъ апостольскаго ученія; что ея папа одарилъ ее *новыми догматами*; что она болѣе не похожа на

древнюю и первоначальную церковь, представляемую семью вселенскими соборами; и, слѣдовательно, она не есть уже католическая церковь, а есть *папистическая секта*. Впрочемъ, м. г., ради вѣжливости, я оставляю за вами то названіе, которое вы себѣ усвоите, хотя я долженъ протестовать противъ этого во имя *единой католической* и православной Церкви, къ которой я имѣю счастье принадлежать.

Прежде всего, м. г., вы утверждаете, что въ римской церкви существуетъ два теченія, изъ которыхъ одно желаетъ измѣнить ученіе и практику своей церкви, чтобы посредствомъ этого привести ихъ въ гармонію съ извѣстными современными идеями; другое же направленіе стремится не допустить никакого измѣненія; перваго направленія держатся *либеральные католики*, а втораго — *католики непримиримые* (intransigents).

Я думаю, что вы недостаточно точно очертили и тѣхъ и другихъ католиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и тѣ и другіе сочувствуютъ измѣненіямъ, по скольку эти измѣненія имѣютъ своимъ источникомъ папскія опредѣленія, равно признаваемые и тѣми, и другими непогрѣшимыми. Всѣ они одинаково держатся опредѣленій папства. Только либеральные католики стараются истолковать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ; между тѣмъ, какъ непримиримые принимаютъ ихъ во всей грубости ихъ. Такимъ образомъ, существуетъ только легкій оттѣнокъ различія между тѣми и другими. Либеральные католики не суть ужь такіе преданные, какъ вы думаете, друзья научнаго и соціальнаго прогресса; они столько же фанатичны, какъ и непримиримые. Они доказали это, когда находились подъ властію Макъ-Магона. Итакъ, вы неправильно судите о нихъ. Они являются *либеральными* лишь тогда, когда дѣло идетъ о побѣдѣ надъ *непримиримыми*, желающими удержать за собою поле сраженія; а, между тѣмъ, къ этому стремятся и они сами. Между обѣими партіями, такимъ образомъ, дѣло идетъ изъ-за честолюбія, изъ-за преобладанія. Я соглашаюсь съ вами только въ одномъ: мнимые *либеральные* католики болѣе лицемѣрны, чѣмъ непримиримые. *Терпимость*, въ которой вы ихъ упрекаете, существуетъ только для нихъ; они домогаются ея толь-

ко для себя; и отвергаютъ ее, когда не имѣютъ въ ней болѣе нужды.

Вы стараетесь доказать, что схизма галликанская, равно какъ и схизма греческая, есть дѣйствительная ересь; но либеральные католики никогда не были галликанами; они даже не знаютъ, что такое галликанизмъ. И вы, м. г., называющій себя *католикомъ*, вы тоже не болѣе ихъ знаете это. Если бы вы изучили этотъ вопросъ безпристрастно, то вы знали бы, что галликанизмъ былъ только борьбою древняго православія противъ захватовъ схизматическаго папства; что существуетъ только легкое различіе между древнимъ галликанскимъ ученіемъ и первоначальнымъ православіемъ, которое вы называете *греческою схизмою*, не давая себѣ, однако же, труда изслѣдовать, сколь много есть ложнаго и еретическаго въ подобномъ названіи. Церковь каеолическая, православная, восточная, которую вы называете греческою схизмою, никогда не отдѣлялась отъ церкви западной; она старалась только неизмѣнно сохранить ученіе первоначальное, когда папство стало вводить на западѣ новыя доктрины. Да, и на западѣ существовала оппозиція противъ папскихъ захватовъ, и вотъ эту-то оппозицію называли *галликанизмомъ*. Этотъ галликанизмъ, какимъ онъ заявлялъ себя на знаменитыхъ соборахъ Константискомъ и Базельскомъ, былъ, лишь за немногими исключеніями, восточнымъ православіемъ. Съ тѣхъ поръ папизмъ возобладалъ, и галликанизмъ не существуетъ болѣе официально. Люди, называющіе себя *либеральными католиками*, не исповѣдуютъ его болѣе, и знаютъ о немъ столько же, какъ и ихъ братья, пребывающіе въ папизмѣ и называющіе себя непримиримыми. Тѣ и другіе одинаково убѣждены въ папизмѣ. Галликанцы же не желали папства во что бы то ни стало, и тѣ изъ нихъ, которые не могли мириться съ ученіемъ церкви римской, сдѣлались невѣрующими и свободными мыслителями. А само духовенство подпало нападкамъ за свою болѣзнь религіознаго индифферентизма.

Вы утверждаете, что установленіе папства *божественнаго* происхожденія; но этому никто не вѣритъ. Позволяютъ еще распространять это великое безразсудство, но съ нимъ не

соединяютъ уже никакой важности. Вы справедливо говорите, что изъ учебныхъ заведеній выходятъ болѣе философами, чѣмъ католиками. Но это есть необходимое слѣдствіе безразсудныхъ доктринъ, выдаваемыхъ за откровенныя и не выдерживающихъ критики.

Кажется, м. г., что вы уже слишкомъ преувеличиваете значеніе религіознаго чувства, утверждая, что безъ «священнаго преданія» человѣческая совѣсть не могла бы имѣть истиннаго понятія о добрѣ и злѣ? Именно въ этомъ состоитъ преувеличеніе, отвергаемое простымъ здравымъ смысломъ. Совѣсть есть *нравственный разумъ*, дарованный намъ Богомъ, какъ существенное начало нашей природы. Совѣсть заставляеть насъ отличать добро отъ зла, какъ разумъ ведетъ насъ къ познанію истины. Я безъ труда допускаю, что св. Преданіе, сообщаемое намъ истиннымъ христіанствомъ, приходитъ на помощь совѣсти и разуму, но не лишайте же вы и человѣка его дѣйствительно разумной и нравственной природы; иначе, вы однимъ и тѣмъ же ударомъ ниспровергнете и самое откровеніе, котораго нельзя будетъ уже болѣе ни познавать, ни усвоить.

Вы имѣете, м. г., очень высокую идею о церкви, къ которой вы принадлежите. Вы видите въ ней все такъ хорошо устроеннымъ, что нельзя ни къ чему касаться безъ нарушенія гармоніи. Въ ней нельзя ничего ни прибавлять, ни убавлять.

Итакъ, объясните же мнѣ, какимъ образомъ папство *обога- тило* свою церковь догматами и постановленіями, нѣкогда не существовавшими? Одинъ Пій IX создалъ два догмата: о непорочномъ зачатіи и о папской непогрѣшимости, не принимая уже въ расчетъ Sillabus'a, гдѣ онъ догматизируетъ, какъ ни попало. Это факты животрепещущіе, мы сами были ихъ свидѣтелями. Въ виду этихъ фактовъ, какъ можно утверждать, что ваша церковь обладаетъ ученіемъ, къ которому нельзя ничего прибавлять и убавлять?

Вы поступили неосторожно, м. г., когда высказали слѣдующія сужденія: «католическая религія, говорите вы, есть совокупность установленій совершенныхъ, опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ; и она уклонилась-бы отъ своего божественнаго

принципа, если бы позволила себѣ видоизмѣнить все это. Я соглашаюсь съ этимъ, но въ такомъ случаѣ я васъ спрашиваю, зачѣмъ въ самой церкви допущено столько существенныхъ видоизмѣненій сравнительно съ первоначальнымъ христіанствомъ, какимъ оно преподано было апостолами? Вашъ принципъ осуждаетъ вашу церковь.

Вы хотѣли бы, м. г., видѣть свою анти-христіанскую церковь господствующею надъ гражданскимъ обществомъ и налагающею на него свои законы, какъ это было въ средніе вѣка. Но нельзя желать, что бы подобные вѣка возвратились, и нельзя желать этого прежде всего потому, что вы наложили бы на общество, подъ видомъ откровенныхъ истинъ, доктрины смѣшныя и ложныя, изобрѣтенныя или авторизованныя папами; а также и потому, что ваше духовенство злоупотребляло бы своею властію, какъ очень часто злоупотребляло оно этимъ прежде. Истинная христіанская церковь не имѣетъ надобности налагать тяготы. Для возбужденія къ ней уваженія достаточно свободы, соединенной съ проповѣдью истиннаго христіанства.

Вы доходите до требованія суровыхъ законовъ противъ религіознаго преступленія, называемаго святотатствомъ. Я думаю, что вы ошибаетесь. Пусть духовенство заставить себя уважать своими нравами, своими христіанскими и священническими добродѣтелями, и святотатцевъ болѣе не будетъ. Если же отъ времени до времени и будутъ совершаться подобныя религіозныя преступленія; то и тогда любовь будетъ болѣе убѣдительна, чѣмъ пытка. Итакъ, я не держусь вашего взгляда, когда вы сожалѣете о прошлой суровости противъ святотатства. Эти суровыя мѣры были столько же мало полезны для церкви и для вѣры, какъ и безчестныя пытки инквизиціи. вмѣсто всего этого, я сказалъ-бы священникамъ: идите въ міръ творить добро, какъ творилъ его Христосъ, вашъ Господь; и вы не будете имѣть надобности въ пыткахъ для сохраненія вашего ученія и вашей церкви.

Вы одобрительно смотрите на то, что юный Лабаръ обезглавленъ былъ, когда *въ шутку* ниспровергъ крестъ; вы съ *удовольствіемъ* перечисляете ужасныя казни, которымъ нѣкогда подвергались богохульники.

Меня же эти казни приводятъ въ ужасъ, и я продолжаю думать, что Богъ не имѣеть надобности въ казняхъ, налагаемыхъ людьми, для пораженія неправдъ, будто бы оказываемыхъ Богу, но Его недостигающихъ.

Будемте христіанами; будемте проповѣдывать истинное христіанство; будемте осуществлять его въ самой практикѣ,—и мы не будемъ имѣть надобности ни въ пыткахъ, ни въ инквизиціи, для сохраненія уваженія къ нашимъ вѣрованіямъ.

Примите и пр.

Второе письмо католика.

Многіе хотятъ утверждаться на нѣкоторыхъ мѣстахъ Евангелія, что бы во имя Христа провозгласить религиозную терпимость. Подобныя мѣста суть слѣдующія: «Не протився обижаящему, но если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, подставь ему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижаящихъ васъ и гонящихъ васъ» (Мат. 5; ст. 39, 40, 44). Св. Апостоль Павель говоритъ: «не мстите за себя, возлюбленные, но предоставьте гнѣву Божию; ибо написано, Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говоритъ Господь» (Рим. 12; 19).

Но эти мѣста, равно какъ и многія другія, имѣють единственно въ виду поведеніе, котораго долженъ держаться христіанинъ въ (частныхъ) отношеніяхъ къ своему ближнему; но нельзя найти ни одного мѣста, въ которомъ нечестіе и возстаніе противъ Бога были бы предметомъ какого-либо осторожнаго обращенія, или снисходительности (общественной); напротивъ, можно находить подобнаго рода слова: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня».— «Горе тѣмъ, которыми приходитъ соблазнъ!»

Пресловутое *compelle intrare* (заставь войти), которое такъ сильно приводитъ въ негодованіе философовъ, доказываетъ лишь, что Богъ по избытку Своего милосердія желаетъ заставить Своихъ людей *войти* въ лоно Своей церкви, чтобы даровать имъ спасеніе.

Иисусъ Христосъ говоритъ еще: «Я пришелъ не миръ принести, но мечъ, ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ своего отца, свою мать, свою жену, своихъ дѣтей, своихъ братьевъ и своихъ сестеръ, и свою жизнь, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ» (Мат. 10; 34—35).

«Въ какой ни войдете городъ или селеніе, освѣдомляйтесь, кто въ немъ достоинъ; и у того живите, пока не выйдете оттуда».

«А входя въ домъ, привѣтствуйте, говоря: миръ дому сему!»

«Если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ да прійдетъ на него; а если не будетъ достоинъ, то миръ вашъ къ вамъ да возвратится».

«А если кто не прійметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ; то выходя изъ этого дома или изъ того города, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ».

«Истинно говорю вамъ: землѣ Содомской и Гоморрской отраднѣе будетъ въ день суда, нежели городу тому».

«Вотъ я посылаю васъ, какъ овецъ въ средину волковъ: итакъ, будьте мудры, какъ змии, и незлобны, какъ голуби» (Мат. 10; 11—16).

«Кто отвержется Меня предъ людьми, и Я отвернусь его предъ Отцемъ Моимъ, Который есть на небесахъ».

Апостолы высказывали такія же рѣчи, какъ и ихъ Учитель.

«Умоляю васъ, братія, остерегайтесь вводящихъ раздѣленія и соблазны противъ ученія, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ» (Рим. 16; 17).

«Кто будетъ благовѣствовать вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѣма» (Галат. 1; 9).

И онъ увѣщаетъ вѣрующихъ не посѣщать тѣхъ, которые не исповѣдуютъ той же самой вѣры, потому что, говоритъ онъ, нѣтъ общенія между свѣтомъ и тьмою, между Иисусомъ Христомъ и Велеаломъ.

Магометъ, заимствовавшій много изъ Евангелія для составленія своего Корана, тоже говоритъ:

«Человѣкъ нечестивый, по своей гордости осуждающій на-

ше ученіе, какъ ложное, найдеть двери неба заключенными; онъ войдетъ въ нихъ только тогда, когда верблюдъ пройдетъ чрезъ иглиное ушко. Невѣрующіе и признающіе наше ученіе ложнымъ будутъ осуждены на вѣчный огонь»¹⁾.

По примѣру Іисуса Христа, и апостоловъ, отцы церкви, водимые св. Духомъ, должны были бороться, прежде всего, противъ язычества, чтобы искоренить его, а позже должны были бороться еще съ первыми симптомами ереси; имъ часто надобно было для исполненія своей миссіи неповиноваться самимъ императорамъ, когда эти послѣдніе требовали дѣлъ, противныхъ религіи и правамъ церкви. Среди подобныхъ-то обстоятельствъ св. Василій отказался повиноваться приказанію императора Лицинія. Только въ подобныхъ обстоятельствахъ позволительно было возстаніе (*révalte*), и первые христіане были высокими возстанцами. Въ самомъ дѣлѣ, Цельзъ обвиняетъ ихъ въ составленіи сборищъ вопреки запрещенію свѣтскихъ властей, и въ хуленіи боговъ. И это потому, что они не ограничивали свою вѣру только простою и чистою практикою; они присоединяли къ ней и дѣятельную пропаганду.

Странное дѣло! Ложные христіане, увлекающіеся идеями религіозной терпимости, не могутъ удержаться отъ того, чтобы не рукоплескать прекрасной трагедіи «*Полиевктъ*». Но, вѣдь, эта трагедія содержитъ въ себѣ двойное наставленіе: о величественномъ пренебреженіи бѣдствіями этой жизни, соединенномъ съ всецѣлымъ подчиненіемъ свѣтской власти, и въ то же время о горячемъ религіозномъ прозелитизмѣ, доведенномъ до возмущенія. Но извѣстно, что Полиевктъ не съ пустыми руками выходилъ для ниспроверженія языческихъ идоловъ и для порицаній въ лицо ихъ обожателей. И, однако же, тѣ же самые католики встаютъ противъ суровыхъ мѣръ первыхъ епископовъ въ отношеніи къ возникавшимъ ересямъ.

Св. Августинъ писалъ епископу Викентію, донатисту, котораго лишили имущества, по причинѣ его ереси:

«На какомъ основаніи желаете вы, чтобы я возсталъ противъ лишенія васъ имущества,—васъ, отнимающаго у Іисуса

¹⁾ Коранъ, гл. 2, стр. 8; гл. 7, стр. 167.

Христа Его владѣнія? Долженъ ли я препятствовать вашему изгнанію, когда вы усиливаетесь изгнать Иисуса Христа изъ царства, приобрѣтеннаго Его кровію» ¹⁾.

Такимъ образомъ, не только отцы церкви не требовали снисходительности въ отношеніи къ нарушенію божественнаго закона, но они призывали даже притѣсненія, хотя бы эти притѣсненія причиняли смуту; ибо, говоритъ Григорій Великій, если истина не можетъ появиться въ свѣтѣ безъ причиненія соблазна, то лучше надобно вызвать соблазнъ, чѣмъ отдаться ереси ²⁾.

Католики, порицающіе нетерпимость отцевъ церкви, желали бы, чтобы отцы провозгласили свободное изслѣдованіе въ эпоху, когда многіе умы колебались между языческою философіею и евангельскимъ ученіемъ. Но святая ревность епископовъ была вспомоществуема тогда благочестіемъ свѣтскихъ государей, которые вооруженною рукою подтверждали ихъ опредѣленія.

Папа Левъ, святой писалъ императору Θεодосію:

«Что государи исполняютъ свой долгъ, когда подвергаютъ упорныхъ самымъ тяжкимъ наказаніямъ; что строгость служить великимъ подспорьемъ для милосердія церкви, отвращающей отъ кроваваго мщенія; потому что боязнь тѣлесныхъ наказаній часто возвращаетъ людей обратно въ церковь, которой снисходительность и терпимость скоро подверглись бы презрѣнію и послужили бы только къ умноженію преступленій, въ надеждѣ на безнаказанность, если бы только свѣтскій мечъ не заставлялъ уважать и повиноваться людей, при посредствѣ страха» ³⁾.

Θеодосій способствовалъ установленію католическаго единства своимъ эдиктомъ отъ 380 года, въ которомъ говорилось: «мы повелѣваемъ, чтобы всѣ народы, подчиненные управленію нашего милосердія, исповѣдывали только ту религію, которая принесена была въ Римъ божественнымъ апостоломъ

¹⁾ Epit. 48.

²⁾ Бес. на Іезек.

³⁾ Epist. 125.

Петромъ..., которая согласно съ ученіемъ апостольскимъ и евангельскимъ требуетъ, чтобы мы вѣрили въ Единого Бога, Отца, Сына и Св. Духа... Мы новелѣваемъ, чтобы всѣ принимающіе это исповѣданіе, носили названіе католическихъ христіанъ. По нашему опредѣленію всѣ другіе люди должны быть признаваемы пребывающими въ безуміи и безразсудствѣ... Они будутъ наказаны, прежде всего, божественнымъ мщеніемъ, а затѣмъ будутъ подвергнуты наказанію, которое внушитъ намъ небесное вдохновеніе» ¹⁾.

Кодексъ Феодосія, въ самомъ дѣлѣ, объявляетъ смертную казнь отступникамъ, равно какъ и тѣмъ, которые даютъ имъ убѣжище ²⁾.

Законъ Юстиніана провозглашаетъ слѣдующую замѣчательную аксіому: «Все, что дѣлается въ ущербъ божественной религіи, надобно признать ущербомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ» ³⁾.

И юстиніановскій кодексъ тоже содержитъ въ себѣ строгія наказанія противъ нечестія.

Четвертый соборъ Латеранскій, происходившій подъ предсѣдательствомъ папы Иннокентія III, провозглашаетъ, что не только по праву, но и по обязанности надобно преслѣдовать еретиковъ, и что нельзя быть добрымъ католикомъ, не подчиняясь и не повинуюсь этому принципу римской церкви.

Каноническое право наполнено подобными постановленіямъ. Постановленія эти представляются намъ запятанными фанатизмомъ, но это потому, что мы не имѣемъ уже вѣры нашихъ отцевъ; между тѣмъ, постановленія эти находятся въ согласіи съ апостольскимъ преданіемъ. Такимъ образомъ, отцы церкви, епископы и истинные католическіе государи принимали въ руководство эти постановленія съ строгою ревностію.

То же явленіе происходило, когда обѣщаніе, данное еретикамъ, не считалось обязательнымъ для вѣрующихъ; ибо Богъ имѣетъ власть разрѣшать отъ всякой клятвы и вручилъ эту власть церкви.

¹⁾ Tit. 1, кн. XV.

²⁾ Зак. 5—7.

³⁾ Кн. 4.

На этомъ-то основаніи аббать Бержье замѣчаетъ, что въ дѣлѣ съ Іоанномъ Гуссомъ охранительная грамота, дарованная государемъ этому еретику, не отнимала у церковной юрисдикціи власти судить, осудить и предать его казни свѣтскихъ властей; «мы утверждаемъ, — присовокупляетъ ученый богословъ, — что поведеніе императора и собора безупречны; что фанатическій мятежникъ, подобный Іоанну Гуссу, достоинъ былъ казни, которой онъ подпалъ» ¹⁾.

Иногда перетолковываютъ слѣдующія слова св. Людовика: «Человѣкъ свѣтскій (laïc) не долженъ разсуждать о вѣрѣ христіанской; но когда слышитъ порицаніе ея, долженъ насквозь пронзить шпагою животъ порицателя, насколько шпага можетъ пройти».

Философы находятъ эту рѣчь запечатлѣнною жестокимъ фанатизмомъ; и однако же исторія представляетъ намъ Людовика IX образцомъ терпимости и доброты во всѣхъ случаяхъ. Какъ же можно согласить такой характеръ съ подобными рѣчами?

Св. Людовикъ не смотрѣлъ на религію, какъ на общенародную теорію, изъ которой въ практикѣ осуществляютъ то, что нравится, и оставляютъ въ сторонѣ то, что отвергаютъ. Нѣтъ, въ то самое время, какъ онъ черпалъ изъ Евангелія уроки благоволенности и любви, онъ черпалъ оттуда также и строгія наставленія Іисуса Христа и апостоловъ въ отношеніи къ ересямъ. Онъ имѣлъ живое сознаніе о своемъ строгомъ и важномъ долгѣ, къ которому обязывалъ его титулъ христіаннѣйшаго государя; онъ зналъ, что Богъ установилъ двѣ власти: власть духовную, хранительницу Его закона, обязанную объяснять его и предлагать для соблюденія; и власть свѣтскую, вооруженную мечемъ, для его исполненія и, въ случаѣ надобности, для обузданія его нарушенія.

И вотъ, въ силу права, полученнаго имъ отъ Бога, св. Людовикъ признавалъ долгомъ своимъ запрещать всякій печестивый споръ, при всякомъ случаѣ наказывать богохульство и вооруженною рукою выполнять опредѣленія церкви.

1) Dict. theol. *Hérétique*.

Но скажутъ, что эти начала петершимости, неизбежныя при допущеніи какой бы то ни было господствующей религіи, могутъ приводить къ печальному результату преслѣдованія то истины заблужденіемъ, то заблужденія истиною, христіанства язычествомъ, ереси католичествомъ, католичества протестантствомъ и пр. Не было ли бы гораздо лучше съ самаго начала поступать такъ, какъ поступаютъ теперь многія правительства, предоставляя свободу жить бокъ о бокъ всѣмъ доктринамъ, всѣмъ вѣрованіямъ, всѣмъ культамъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы ихъ послѣдователи взаимно не нарушали общественнаго порядка?

Люди, разсуждающіе подобнымъ образомъ, не имѣютъ вѣры, или же не знаютъ своихъ первыхъ обязанностей.

Если Богъ благоволилъ открыться человѣку, то ужели для того, чтобы видѣть свои вѣчные законы поверженными въ тигель человѣческаго произвола? ужели для того, чтобы предоставить ихъ пререканіямъ и безнаказанному нарушенію? Нѣтъ, иначе дѣло сатаны всегда будетъ возвышаться надъ Его собственнымъ дѣломъ; потому что заблужденіе болѣе увлекательно, чѣмъ истина; великолѣпіе и поэтическія преданія язычества всегда будутъ побѣждать стѣснительныя строгости христіанства.

Но Богъ, учредивши Церковь, ввѣрилъ ей двойную миссію, а именно: искоренять идолопоклонство и преслѣдовать ереси; въ то же время Онъ облекъ ее тою непогрѣшимостію, которая позволяетъ ей никогда не примѣнять ошибочно неизмѣнныхъ правилъ правосмыслія.

Въ силу этого божественнаго преимущества, Церковь должна была бороться и должна бороться теперь, какъ и всегда, противъ соединенныхъ, или разрозненныхъ усилій схизмы и философіи, и она должна была, и всегда будетъ должна, разсчитывать на пособіе свѣтской власти для вспоможенія ей въ дѣлѣ исполненія ею своей миссіи. Соображенія дружбы, родства, патріотизма не могутъ извинять преступной терпимости.

Священное Писаніе представляетъ примѣры жертвъ чрезвычайныхъ, заповѣданныхъ Богомъ своему народу, для иско-

ренія его невѣрности. Таковы были извѣстныя убійства нѣкоторыхъ предателей и даже цѣлыхъ народовъ, — убійства, формально заповѣданныя и исполненныя для утоленія гнѣва Божія.

Повелѣніе, данное Аврааму, принести въ жертву своего сына, было простымъ испытаніемъ, которому Богъ хотѣлъ подвергнуть благочестіе патріарха. Но скорое повиновеніе Авраама въ этомъ случаѣ показываетъ, что іудеи не колебались принести Богу въ жертву даже кровь своихъ родственниковъ, какъ сдѣлали это въ послѣдствіи благочестивые левиты.

De leurs plus cher parents saintement homicides (Rasine).

(Святымъ человеко-убійствомъ самыхъ дорогихъ своихъ родныхъ).

И когда левиты убили 23.000 человекъ, то Моисей сказалъ имъ: «вы посвятили руки ваши Господу, убивая вашихъ сыновей и вашихъ братьевъ; благословеніе Божіе почиетъ на васъ».

Иисусъ Христосъ пришелъ прекратить пролитіе крови, принесъ Себя Самого въ жертву: Онъ возжелалъ, чтобы Его мученичество возобновлялось (*renouvelât*) на всякій день, и чтобы вѣрующіе могли вкушать Его тѣло и пить Его кровь подъ видомъ хлѣба и вина.

И однако же сопротивленія въ дѣлѣ распространенія христіанства обязывали епископовъ и государей къ этимъ строгимъ мѣрамъ и къ пролитію крови. Такимъ образомъ, когда ересь поднимала свое дерзкое чело предъ лицомъ установленной церкви и угрожала ниспровергнуть ея алтари, тогда Богъ голосомъ проповѣдниковъ, соборовъ и папъ приказывалъ истреблять схизматиковъ; и подобно тому, какъ Онъ внушалъ крестовые походы противъ невѣрующихъ, такъ Онъ же вооружалъ католическихъ государей противъ альбигойцевъ, вальденцовъ, протестантовъ и другихъ еретиковъ.

Нѣкоторые думаютъ, что избіеніе евреевъ, прежде чѣмъ крестоносцы отправлялись въ свои походы, было какъ бы остаткомъ древнихъ человѣческихъ жертвъ съ цѣлію сдѣлать болѣе успешными предстоящія войны. Въ Швейцаріи, въ замкѣ Шильонъ, и теперь показываютъ камень, на которомъ зарѣзано было 1.000 евреевъ по поводу подобнаго случая.

Но религія не была единственнымъ мотивомъ этихъ казней.

Папы и католическіе государи, вооружавшіе цѣлыя пародности изъ-за вѣры, въ эпоху, когда схизмы обнаруживались повсюду, не могли оставлять своихъ обширныхъ владѣній во власти еврейскихъ торговцевъ, которые пользовались отсутствіемъ крестоносцевъ, чтобы предаваться ростовническимъ занятіямъ въ ущербъ великимъ феодалнымъ собственникамъ, и чтобы скрытыми происками вредить христіанству. Поэтому, церковь позволяла государямъ совершать казни, внушенные горячимъ благочестіемъ; она не считала себя обязанною протестовать противъ этого, и каждый добрый католикъ съ уваженіемъ долженъ преклониться предъ этимъ таинственнымъ молчаніемъ.

Философы вопіютъ противъ ограниченій, коихъ предметомъ служатъ евреи даже и теперь, среди народовъ наиболѣе цивилизованныхъ, на примѣръ, англичанъ и нѣмцевъ.

Поставляя себя на ихъ гуманитарную точку зрѣнія, нельзя ничего сказать противъ этого; потому что, по ихъ воззрѣнію, всѣ люди, къ какой бы религіи и къ какой бы расѣ ни принадлежали, обладаютъ однимъ и тѣми же правами; но откуда происходитъ то, что и католики осмѣлываются составлять одинъ хоръ вмѣстѣ съ философами и требуютъ, и даже достигаютъ, какъ на примѣръ, во Франціи, равенства евреевъ и христіанъ предъ закономъ?

Въ то же время эти же самые католики допускаютъ дѣйствіе первороднаго грѣха, который дѣлаетъ все потомство Адама виновнымъ въ актѣ неповиновенія Богу, и отвергаютъ въ отношеніи къ евреямъ солидарность преступленія болѣе ужаснаго, именно—богоубійства.

Вотъ разногласія между закономъ и религіею, вызванныя революціею 89 года. По какому же праву эманципировали евреевъ? Какой спаситель являлся для искупленія ихъ отъ преступленія ихъ отцевъ? И вы, называющіе себя католиками, какъ можете вы протягивать сердечно руку этимъ рукамъ, до сихъ поръ еще обгареннымъ кровію вашего Бога?

Поэтому то и Іисусъ Христосъ, предвидя борьбу, которую церковь должна выдерживать противъ еретиковъ, сказалъ: «Я не пришелъ принести миръ, но мечъ».

Примите, м. г., и пр.

ОТВѢТЪ О. ВЛАДИМИРА ГЕТТЕ НА ВТОРОЕ ПИСЬМО КАТОЛИКА.

М. Г.!

Въ своемъ второмъ письмѣ вы стараетесь доказать, будто нетерпимость есть неоспоримое ученіе церкви. Если бы вы утверждали это о церкви римской, называющей себя католическою, то я не противорѣчилъ бы вамъ; но вы говорите о церкви христіанской вообще, и мой долгъ заявить вамъ, что вы вполне ошибаетесь.

Вы выступаете изъ того начала, что церковь есть общество внѣшнее, которое, какъ государство, имѣетъ право создавать свои законы и наказывать упорныхъ.

Ваше начало ложное; церковь есть общество чисто-религіозное и всякое ея дѣйствіе должно совершаться только въ области совѣсти. Если бы вы выступили изъ этого основнаго начала христіанства, то вы не истолковали бы Евангелія такъ, какъ вы его теперь истолковали. Вы ограничиваете смыслъ евангельскихъ мѣстъ, относящихся къ мягкости; вы видите въ этихъ мѣстахъ только совѣты, какъ надобно вести себя частнымъ людямъ предъ лицомъ своихъ ближнихъ. Кто далъ вамъ право предлагать такое толкованіе? Не видите ли вы сами, что посредствомъ подобнаго толкованія вы поставяете Евангеліе въ противорѣчіе съ самимъ собою? Зачѣмъ надобно предписывать мягкость въ отношеніи къ частнымъ людямъ и нетерпимость въ отношеніи къ христіанскому обществу, состоящему изъ тѣхъ же частныхъ людей?

Если бы вы выступили изъ этого истиннаго начала, по которому христіанское общество есть исключительно общество религіозное, и его дѣйствіе касается только совѣсти, то вы поняли бы болѣе точно тексты, въ которыхъ вы находите нетерпимость. Безъ сомнѣнія, тотъ, кто не со Христомъ, тотъ противъ Него, и кто производитъ соблазнъ, тотъ заслуживаетъ осужденія. Но какого же заслуживаетъ осужденія? Осужденія духовнаго. Вы злоупотребляете выраженіемъ: *compelle intrare*. Выраженіе это относится только къ бѣднымъ, не осмѣливающимся войти въ прршественную залу; и вотъ,

въ отношеніи именно къ нимъ надобно было употребить настойчивость, равносильную съ ласковымъ принужденіемъ (*douce violence*). Не значить ли злоупотреблять словами Христа, сообщая имъ смыслъ совершенно матеріальный? Когда Христосъ говоритъ, что Онъ пришелъ принести не миръ, а мечъ, что ради Его надобно отказаться отъ всего своего рода, то что означаетъ это? Очевидно, все это означаетъ только то, что добросовѣстному человѣку ничто не должно мѣшать стоять за истину. Когда Христосъ посылаетъ Своихъ апостоловъ на проповѣдь, то повелѣваетъ ли Онъ имъ распространять свою власть при посредствѣ насилія? Нѣтъ. Онъ только заповѣдуетъ имъ просто оставлять домъ, гдѣ они не будутъ приняты. Чѣмъ же Онъ угрожаетъ тѣмъ, которые не захотятъ принять апостоловъ? Осужденіемъ во время *послѣдняго суда*.

Такія то слова вы приводите въ подтвержденіе вашей теоріи нетерпимости! Но эти слова васъ же осуждаютъ.

Равнымъ образомъ, вы злоупотребляете и словами апостоловъ. Св. апостоль Павель хочетъ, чтобы истинно вѣрующій избѣгалъ споровъ и не находился въ единеніи съ людьми, производящими соблазнъ, съ еретиками; но онъ не говоритъ, чтобы этихъ людей надобно было преслѣдовать, или обращаться съ ними съ нетерпимостію. Безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія духовной, вѣрующій не долженъ жертвовать своими убѣжденіями предъ лицомъ невѣрія; но слѣдуетъ ли отсюда, будто невѣріе должно быть предметомъ насилія со стороны вѣрующихъ?

Вы цитируете Магомета въ свою пользу; но приведенныя вами мѣста изъ Корана говорятъ противъ васъ, потому что Магометъ угрожаетъ врагамъ своей религіи только мученіями ада. Вы подтверждаете свою теорію нетерпимости примѣромъ первенствующихъ христіанъ, будто бы возстававшихъ противъ язычествующихъ императоровъ. Но вы ошибаетесь. Христіане никогда не возставали противъ императоровъ. Они сохраняли свою вѣру; они проповѣдывали ее и мужественно переносили мученія изъ-за нея. Вы ссылаетесь на св. Весплія, отказавшагося повиноваться приказаніямъ императора Лицинія. Я не знаю, что могъ бы доказать подобный фактъ въ

пользу вашей нетерпимости? Болѣе того, даже трудно допустить дѣйствительность приводимаго вами факта по той простой причинѣ, что св. Василій былъ рожденъ пять лѣтъ спустя послѣ смерти императора Лицинія. Безъ сомнѣнія, вы хотите сказать, что св. Василій не захотѣлъ принять арианства, чтобы стать пріятнымъ императору Валенту, который былъ послѣдователемъ этой ереси. Я и при этомъ недоумѣваю, что могъ бы доказывать этотъ фактъ въ пользу вашей теоріи нетерпимости? Первенствующіе христіане сами были жертвами нетерпимости со стороны язычниковъ и еретиковъ; они сохраняли свою вѣру и исповѣдывали ее съ силою: но никогда не водились духомъ нетерпимыми предъ лицомъ своихъ враговъ; они руководились нетерпимостію только въ своей совѣсти и въ дѣйствіяхъ чисто духовныхъ.

Вы полагаете, что отцы церкви проповѣдывали нетерпимость, что они зывали къ свѣтской помощи, когда императоры сдѣлались христіанами.

Ваше утвержденіе уже слишкомъ абсолютное. Я согласенъ съ вами, что въ церкви были нѣкоторые епископы и нѣкоторые почтенные люди, требовавшіе отъ императоровъ объявленія себя противъ еретиковъ; но многіе другіе учили, что не должно употреблять насилія въ отношеніи къ нимъ. Отсюда надобно заключить, что въ церкви никогда не было общепринятаго ученія касательно этого пункта. Да и тѣ люди, которые требовали насилія противъ еретиковъ, никогда не заявляли притязанія быть истолкователями божественной воли; они были только истолкователями теоріи, которую, по обстоятельствамъ времени, совѣтывали допустить ради спокойствія христіанскаго общества.

Я не стану болѣе разбирать ни приведенныхъ вами текстовъ изъ свв. отцевъ, ни постановленій, содержащихся въ кодексахъ Θεодосія и Юстиніана; все это безусловно не доказываетъ ничего; и развѣ доказываетъ лишь то, что нѣкоторые императоры, смотря по обстоятельствамъ времени, пользовались насиліемъ въ отношеніи къ еретикамъ, и что они были побуждаемы къ этому выдающимися личностями.

Я могъ бы попытаться объяснить подобныя дѣйствія со

стороны этихъ лицъ поведеніемъ самихъ еретиковъ, которые часто должны были быть признаваемы дѣйствительными возмутителями противъ государства. Я допускаю, что нѣкоторые епископы возбуждали насилія и что нѣкоторые императоры соглашались съ ними въ этомъ отношеніи; но я присовокупляю, что и тѣ, и другіе дѣйствовали только подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, а не въ силу ученія, преподаваемаго Іисусомъ Христомъ и апостолами. Вотъ почему всегда существовали приверженцы терпимости рядомъ съ приверженцами нетерпимости. Христіанское общество, пріобрѣтая покровительство государей, сдѣлалось обществомъ смѣшаннымъ съ государствомъ. Отсюда-то и возникли новыя теоріи, которыхъ не должно смѣшивать съ ученіемъ откровеннымъ и традиціоннымъ.

Преимущественно же на западѣ, и именно со времени возникновенія папства въ IX вѣкѣ, теорія религіозной нетерпимости была признана, какъ истина.

Со времени этой-то эпохи церковь на западѣ стала одно съ государствомъ и теорія нетерпимости сдѣлалась общепринятою. Вы утверждаете это, м. г., и я съ вами соглашаюсь. Но вы заходите уже слишкомъ далеко, когда утверждаете, будто эта теорія находится въ согласіи *съ апостольскимъ преданіемъ*. Вамъ надобно довольствоваться только тѣмъ заявленіемъ, что *нетерпимость*, допускаемая нѣкоторыми епископами и нѣкоторыми государями со времени царствованія Константина и до IX вѣка,—съ этой эпохи стала ученіемъ общепринятымъ въ римской церкви, такъ называемой католической, и что съ этой эпохи церковь эта заявила себя въ мірѣ страшными казнями и войнами, покрывшими кровію всѣ страны, которыя признали верховную власть папства.

Ученіе, которое до IX вѣка было принимаемо извѣстнымъ числомъ высокихъ личностей, сдѣлалось въ римскихъ земляхъ ученіемъ почти общепринятымъ: вотъ и вся истина. Мы отдаемъ вамъ, г. католикъ, это ученіе, равно какъ и вашей церкви, покрытой кровію дѣйствительныхъ или мнимыхъ еретиковъ. Мы съ гордостію противопоставляемъ церковь восточную, всю покрытую своею собственною кровію. Мы пред-

почитаемъ церковь-мученицу церкви, отличающейся нетерпимостію и преслѣдующей.

Вы утверждаете, что благодаря нетерпимости, христіанская церковь смогла побѣдить язычество и ереси. Говоря это, вы подвергаете христіанство самому несправедливому порицанію. Христіанство побѣдило языческій міръ въ эпоху, когда сами Христіане были мучимы во имя принципа, вамъ теперь превозносимаго. Римская имперія была наполнена Христіанами, которые, по выраженію Тертуліана, распроспранились повсюду и оставляли пустыми только капища. Но тогда церковь не обладала никакими принудительными средствами и апеллировала только къ ученію Христа и апостоловъ. Итакъ, вы взводите напраслину на Церковь Христіанскую, утверждая, что будто бы она не могла бы существовать, не проливая крови своихъ враговъ. Магометанинъ, послѣдователь меча, не захотѣлъ бы подвергать свою религію столь тяжелой несправедливости.

Вы взываете къ непогрѣшимости церкви для оправданія нетерпимости, возведенной ею въ принципъ.

Но я уже сказалъ вамъ выше, что ученіе о нетерпимости никогда не было ни откровеннымъ, ни передаваемымъ по преданію, ни непрерывнымъ. Слѣдовательно, непогрѣшимость церкви не опирается на это ученіе. Церковь непогрѣшима только въ томъ одномъ смыслѣ, что она передаетъ во всей чистотѣ ученіе всегда принимаемое и всегда исповѣдуемое, какъ Божественное. Никогда вы не можете доказать, будто вапѣ ученіе, о нетерпимости обладаетъ этими признаками. Слѣдовательно, вы не можете апеллировать и къ непогрѣшимости церкви, которая никогда не высказывала своихъ воззрѣній относительно системъ или ученій, сообразныхъ съ обстоятельствами. Еще менѣе вы имѣете право приписывать Богу заповѣдь о пролитіи крови.

Оставимъ въ сторонѣ примѣры, заимствованные вами изъ Ветхаго Завѣта; это завело бы насъ слишкомъ далеко. Дѣло идетъ о Новомъ Завѣтѣ, и вы не найдете въ немъ ни одного слова, которое оправдывало бы вашу теорію.

Христіанство имѣетъ право, что бы его не смѣшивали съ

другими религіями; его толковники справедливо противопоставляютъ христіанское ученіе ученію другихъ религій. Они имѣютъ право вести борьбу съ доктринами анти-христіанскимъ. И если ложные христіане захотѣли бы стать вліятельными въ истинно христіанскомъ обществѣ, то церковные пастыри имѣютъ право исключить ихъ и поразить *анаемю*, или что то же: *отлученіемъ*. Если же и сами вѣрные нарушаютъ церковные законы, то епископы имѣютъ право налагать на нихъ каноническія эпитиміи.

Таковы права церкви. Каждое общество пользуется подобными же правами.

Но слѣдуетъ ли отсюда, будто церковь имѣетъ право проливать кровь тѣхъ людей, которыхъ признаетъ виновными? Нѣтъ.

Западная церковь отвѣчаетъ: да, имѣетъ. И вотъ она покрыта кровію, и вотъ она каждый день доказываетъ, что Христосъ истинно пророчествовалъ, когда сказалъ: «кто принимаетъ мечъ, тотъ мечемъ погибнетъ».

Примите и пр.

И—нъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОЧНИКИ И ПРЕДМЕТЪ ДОГМАТИКИ

ПО ВОЗЗРѢНІЮ КАТОЛИЧЕСКИХЪ БОГОСЛОВОВЪ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛУ-СТОЛѢТІЯ.

(Продолженіе *).

Центральнымъ и совершеннымъ представителемъ католическаго ¹⁾ преданія является у Шебена «апостольскій престолъ, который, какъ глава и фундаментъ всей учащей церкви, служитъ верховнымъ обнародователемъ и неизмѣннымъ наследникомъ апостольскаго преданія» ²⁾. Онъ сохраняетъ апостольскій залогъ (Depositum) въ точно такой же чистотѣ и съ такимъ же постоянствомъ, какъ и вся вообще католическая церковь. Согласіе съ ученіемъ апостольскаго престола искони считалось и считается несомнѣннымъ признакомъ католичности,—такъ что выраженію «*tenuit et tenet apostolica sedes* или *ecclesia Romana*» справедливо приписывается точно такое же существенное и полное значеніе, какъ и выраженію: «*tenuit et tenet ecclesia catholica*» ³⁾.

Точно такихъ же мыслей держится очевидно и Гейнрихъ, когда выражается напр., такимъ образомъ: «могутъ, конечно, въ отдѣльных частяхъ церкви возникать и распространяться ошибочныя

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. № 17.

1) Изъ самаго хода рѣчи уже видно, что здѣсь слово «*katholisch*» употребляется въ значеніи «вселенскій или общецерковный»; поэтому мы и переводимъ его словомъ «католическій».

2) *Dogmatik*, n. 332.

3) *Ibidem*.

мнѣнія, ложныя направленія, формальныя ереси, но они такъ же не могутъ раззорить самую церковь—столпъ и утвержденіе истины, какъ не могутъ охватить собою апостольскій престолъ, соединенную съ нимъ римскую церковь и совокупность епископата и вѣрующаго»¹⁾. Или еще: «заблужденія въ вѣрѣ и нравовѣніи никогда не бывають признаны или даже только терпимы апостольскимъ престоломъ или совокупностію епископата и вѣрующаго»²⁾.

Въ основаніе такого взгляда на апостольскій престолъ у Шеёбена указывается далѣе на то, что «вся вообще церковь необходимо, по крайней мѣрѣ—*implicite*, содержитъ то, что требуетъ содержать апостольскій престолъ въ силу своего авторитета»³⁾. Въ такомъ значеніи «непогрѣшимого выраженія католическаго преданія» ученіе св. престола является преимущественно тогда, когда оно выражается въ формѣ всеобще-обязательнаго рѣшенія своего представителя—папы, рѣшенія, которое вынуждаетъ согласіе и у всѣхъ остальныхъ членовъ учащей церкви⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, нельзя отождествлять преданія римской церкви съ формальными папскими рѣшеніями: первое служитъ для послѣднихъ только лишь однимъ изъ источниковъ⁵⁾. А такъ какъ надъ этимъ источникомъ, изъ котораго папа—«постоянный охранитель и стражъ всеобщаго преданія»—черпаетъ наставленія для своихъ рѣшеній, «должно бодрство-

¹⁾ Dogmat. Theologie, Bd. II, s. 49.

²⁾ Ibid. И такое-то приравнваніе «апостольскаго престола и римской церкви» ко всей вообще «совокупности епископата и вѣрующаго» встрѣчается у Гейнриха почти на каждой страницѣ.... Пользуемся случаемъ отмѣтить и сопоставить здѣсь совершенно противоположное воззрѣніе католическихъ богослововъ, болѣе либеральныхъ. Изъ нихъ, напр., Кунъ весьма ясно и со всею рѣшительностію высказывается (по одному стороннему поводу) противъ этого мнѣнія о догматической непогрѣшимости собственно Римской церкви. Онъ прямо называетъ «безъ сомнѣнія *ложнымъ*» (*gewiss falsch*) это утвержденіе, будто бы въ Римѣ не получила доступа и силы ни одна ересь,—при чемъ приводитъ въ примѣръ монархіанизмъ. «Правда,—говоритъ онъ при этомъ,—ересь монархіанская не въ Римѣ возникла; но едва только появилась она, тотчасъ же была введена тамъ, распространена и утверждена» (Dogmatik, Bd. II, s. 93—94).

³⁾ п. 332.

⁴⁾ п. 333.

⁵⁾ п. 334. Срав. 336.

вать особенное Провидѣніе Бога»; то на апостольскомъ престолѣ и въ римской церкви находится дѣйствительное нормальное свидѣтельство (Normalzeugniss), которое должно быть разсматриваемо какъ непогрѣшимое выраженіе каѳолическаго преданія ¹⁾. Итакъ, преданіе мѣстной римской церкви образуетъ собою «нормальное преданіе» для всей Христіанской церкви;—однакожь не безусловно, но лишь постольку, поскольку въ немъ выражается то ученіе, которое, по желанію палъ, должно быть принято и содержимо вообще всею церковію ²⁾. Слѣдовательно, въ дѣйствительности римское преданіе является выраженіемъ всеобщаго преданія всѣхъ церквей только въ томъ случаѣ, если въ этихъ остальныхъ церквахъ или совсѣмъ не встрѣчается значительнаго и явнаго противорѣчія, или же, если и есть такое противорѣчіе, то оно не терпится панами. Когда же, напротивъ, такое противорѣчіе существуетъ и терпимо панами, тогда оно, въ соединеніи съ согласнымъ свидѣтельствомъ остальной части церкви, имѣетъ въ свою пользу всѣ обстоятельства для того, что бы быть истиннымъ и подлиннымъ выраженіемъ подразумѣваемаго (habituellem) преданія всей совокупности церквей и въ особенности—преданія апостольскаго престола ³⁾. Гдѣ же—спрашивается—основаніе для того, чтобы преданію римской церкви предпочитать въ упомянутомъ случаѣ противорѣчивое преданіе остальной церкви? Основаніе для этого заключается, именно, въ гармоніи и единеніи этой послѣдней части церкви съ обще-церковнымъ главою—панаю. Въ силу такого единенія эта часть должна быть разсматриваема какъ «болѣе здра-

¹⁾ п. 334.—Подобнымъ же образомъ разсуждаетъ и Гейрихъ. «Такъ какъ апостольскій престолъ,—говоритъ онъ,—есть основаніе церкви и первѣе всего—въ отношеніи вѣры, и такъ какъ съ нимъ необходимо согласуются всѣ правовѣрующіе епископы и христіане, то ученіе и стѣра римской церкви уже сами по себѣ только представляютъ вполне достаточное доказательство апостольскаго преданія». (Vd. II, s. 67)—Перроне, съ своей стороны, довольствуется общею замѣткою, что римская церковь, «quatenus rom. Pontificem Episcopum habet, pars essentialis totius Ecclesiae est» (Vol. VIII, n. 729).

²⁾ п. 334.

³⁾ Ibid.

вая часть церкви—*sanior pars ecclesiae* 1); и только ея consensus принимается въ соображеніе, когда появляется или уже появилось формальное рѣшеніе св. престола, тогда какъ противорѣчащая часть церкви признается уже не только «частью, менѣе здоровою,—*pars minus sana*»,—но и совсѣмъ «отдѣлившуюся, какъ отъ главы, такъ и отъ всего тѣла церкви» 2).

Здѣсь нельзя не обратить вниманія, между прочимъ, на слѣдующее обстоятельство: Шеебенъ всѣми силами старается доказать, что указанный имъ критерій истиннаго преданія, именно—единеніе съ видимою главою церкви—папою, признаетъ *implicite* и Викентій Лиринскій, и что если онъ не трактуетъ о немъ *ex professo*, то главнымъ образомъ потому, что книга его расположена не въ научномъ порядкѣ и поэтому не вполне исчерпываетъ свой предметъ. Здѣсь же 3) онъ утверждаетъ еще, что «*auctoritas sedis apostolicae*» не было неизвѣстно Викентію Лиринскому,—и въ подтвержденіе этого ссылается на 32 гл. его «*Communitorium'a*». Но если мы дадимъ себѣ трудъ провѣрить эти слова нашего богослова, то найдемъ, что они совершенно безоосновательны, и ссылка его на Викентія въ обоихъ случаяхъ несправедлива. Въ указанномъ мѣстѣ своего сочиненія Викентій дѣйствительно приводитъ два свидѣтельства апостольскаго престола, именно—свидѣтельства папы Сикста и его предшественника—Целестина, но дѣлаетъ это вовсе не потому, чтобы признавалъ за ними какое-либо особенное значеніе рѣшающаго авторитета, а просто для большей полноты доказательствъ,—«дабы не показалось», какъ онъ самъ говоритъ, «что въ такой (преизбыточествующей уже) полнотѣ не достигается чего-то» 4). Къ свидѣтельствамъ многихъ отцовъ восточной церкви, поставленныхъ при томъ на первомъ планѣ (гл. XXX—XXXI), онъ присоединяетъ теперь для большей полноты и свидѣтельства отцовъ западныхъ. Далѣе. Утверждая, что Викен-

1) *Ibidem*.

2) н. 338.

3) н. 399.

4) Migne, *Patrol. cursus compl.* tom. L. col. 684.

тій Лиринскій признаеть упомянутый критерій преданія именно *implicite*, нашъ богословъ строить такое умозаключеніе: «Викентій желаетъ, чтобы заблуждающейся части церкви противопоставляли *unitas totius corporis* или *universitas*; а такъ какъ заблуждающаяся часть, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть очень велика, то объ *universitas* должно судить не по величинѣ той части, которая остается вѣрною, а по связи ея съ главою». Но если такова логика католическаго богослова XIX ст., то вовсе не такъ мыслилъ западный церковный учитель V ст. Вотъ что говоритъ онъ, напр., въ началѣ III гл. того же сочиненія своего: «Какъ поступитъ христіанину-каеолнику, когда какая-нибудь частица церкви отсѣчется отъ общенія со всеобщюю вѣрою? Какъ же иначе, если не предпочеть зараженному и поврежденному члену здоровье всего тѣла? А если вновь явившаяся какая-нибудь зараза попытается пятнать не частичку уже только церкви, но всю вмѣстѣ церковь? И тогда онъ долженъ позаботиться пристать къ древности, которая не можетъ уже быть обольщена никакимъ коварствомъ новизны...» ¹⁾ Равнымъ образомъ, и въ другомъ мѣстѣ ²⁾ онъ рекомендуетъ — «поврежденію части предпочитать цѣлость всеобщности, а въ самой всеобщности — непотребству новизны предпочитать вѣру старины, въ самой же старинѣ — безразсудству одного или меньшинства предпочитать во-первыхъ общія, если есть они, рѣшенія всеобщаго собора, а если ихъ нѣтъ, то, во-вторыхъ, слѣдовать самому сподручному, — согласнымъ между собою мыслямъ большинства великихъ учителей...» Едва ли можно яснѣе и раздѣльнѣе указать критерій преданія церкви, чѣмъ какъ это сдѣлалъ Викентій Лиринскій, принимая въ соображеніе различныя историческія обстоятельства церковной жизни; и, однако, ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ онъ не далъ понять при этомъ, что такимъ критеріемъ онъ признаеть «единеніе съ паліюю, какъ главою церкви». Не единеніе съ паліюю, а согласіе съ древностію, —

¹⁾ Migne, col. 640—641.

²⁾ Cap. XXXII, col. 674.

вотъ критерій преданія по Викентію. И напрасно нашъ богословъ старается добратся до мысли Викентія Лирийскаго путемъ своихъ соображеній и умозаключеній; она и безъ того ясна, какъ Божій свѣтъ, только не слѣдовало бы намѣренно закрывать свои глаза предъ нею. Иначе, можетъ статься,—какъ и дѣйствительно оказалось въ настоящемъ случаѣ,—что знаменитому древнему учителю церкви будутъ навязаны такія мысли, которыя якобы были высказаны имъ *implicite*, но которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, потому что онѣ зародились и развились только спустя уже нѣсколько столѣтій послѣ него...

Представленныхъ общихъ положеній Шеибена касательно значенія преданія римской мѣстной церкви и преданія церкви остальной, а также—касательно отношенія того и другаго преданія къ папскимъ рѣшеніямъ, совершенно уже достаточно для того, чтобы на основаніи ихъ заранѣе опредѣлить взглядъ этого богослова на сравнительное значеніе многообразныхъ частныхъ формъ проявленія церковнаго преданія. Ясно, что всѣ разсужденія его объ этомъ будутъ сводиться въ сущности къ тому положенію, что гдѣ папа съ своими рѣшеніями, тамъ и свящ. Преданіе ¹⁾. Ни преданіе мѣстной римской церкви, ни преданіе всѣхъ остальныхъ частныхъ церквей само по себѣ не можетъ имѣть значенія, но получаетъ его уже отъ папскихъ рѣшеній. Отъ этихъ же послѣднихъ могутъ получить полное значеніе, подобающее истинному вселенскому преданію, не только мѣстныя традиціи той или другой частной церкви, не только положенія римскихъ конгрегацій, но даже частныя возрѣнія богословскихъ школъ и даже мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Правда, Шеибенъ увѣряетъ насъ, что преданіе церкви (въ ея отдѣльности отъ папы) удерживаетъ свое полное самостоя-

¹⁾ Къ тому же самому результату, очевидно, клонитъ рѣчь и Перроне, когда старается увѣрить читателя, что только тамъ и есть истинная церковь, гдѣ ап. Петръ въ лицѣ римскаго первосвященника, хотя бы съ этимъ послѣднимъ соглашалась въ ученіи лишь небольшая часть епископовъ, остальные же прямо противорѣчили бы ему. Эти остальные епископы,—замѣчаетъ богословъ,—каковы бы они ни были, всегда будутъ *безглавыми* (*acerphali*) и никогда не составятъ церкви. (Vol. VIII, p. 700, 730).

тельное значеніе, — что папа лично не есть такой же единственный и совершенный носитель преданія, каковымъ онъ является въ качествѣ верховнаго суди въры, что даже апостольскій престолъ и римская церковь не есть единственный каналъ преданія, но только главный каналъ (Hauptcanal) на-ряду съ другими ¹⁾. «Поэтому, — замѣчаетъ онъ съ рѣзкостію, — въ высшей степени глупо и дерзко было (höchst thöricht und frevelhaft) впасть въ уста Пія IX слѣдующее изреченіе: La tradizione sono io = преданіе — это я» ²⁾. Однако, надобно быть слишкомъ легковѣрнымъ, чтобы на основаніи этихъ громкихъ фразъ придти къ заключенію, что богословъ-ультрамонтанинъ дѣйствительно отстаиваетъ полное самостоятельное значеніе церковнаго преданія, въ противоположность папскимъ сужденіямъ. Такое заключеніе было бы очень поспѣшно и неосторожно. Это вполнѣ явствуетъ изъ словъ самого же Шеебена, которыя мы находимъ здѣсь же и которыми онъ, повидимому, хочетъ показать самостоятельность церковнаго преданія. Онъ говоритъ именно: «рѣшительное и постоянное преданіе римской церкви можетъ существовать и имѣть полное свое значеніе, хотя отдѣльный папа и не выражаетъ его во всѣхъ своихъ актахъ, или даже противорѣчить ему въ отдѣльныхъ актахъ, *только не въ актахъ, издаваемыхъ имъ, какъ судьей* (nur nicht in den richterlichen)» ³⁾. Послѣднія слова, подчеркнутыя нами, кажется, даютъ полное право заключать, что Шеебенъ принимаетъ преданію римской церкви самостоятельное значеніе на ряду съ сужденіемъ папы только въ томъ случаѣ, когда это сужденіе не выражено въ извѣстной рѣшительной формѣ, придающей ему догматическое непреложное значеніе ⁴⁾. Коль скоро же сужденіе папы облеклось въ такую рѣшительную форму, тогда, очевидно, и преданіе римской церкви должно утратить свое самостоятельное значеніе; да и самая церковь эта, если она будетъ еще держаться своего пре-

1) n. 337.

2) Ibid. Anm.

3) n. 337. b.

4) Что это за формы, — это мы увидимъ нѣсколько ниже.

данія, отличнаго отъ папскаго сужденія, получить эпитетъ «*minus sana*» и даже будетъ признана отдѣлившеюся отъ главы и всего тѣла церкви.

Но если, такимъ образомъ, оказывается совершенно мнимую самостоятельность преданія римской церкви, которое,—какъ мы видѣли,—служитъ «нормальнымъ преданіемъ» для всѣхъ остальныхъ частныхъ церквей,—то едва ли уже возможно говорить о какомъ-либо дѣйствительно-самостоятельномъ значеніи преданія этихъ послѣднихъ.

Судейскія ¹⁾ рѣшенія папъ должны уничтожить и его. А если такъ, то знаменитое изреченіе: «преданіе—это я» съ полнымъ правомъ можетъ быть вложено въ уста каждаго папы, претендующаго на непогрѣшимость.

Въ справедливости этого убѣдить насъ ближайшее разсмотрѣніе болѣе частныхъ положеній католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія, касательно значенія различныхъ документальныхъ памятниковъ преданія. Первое мѣсто въ ряду этихъ памятниковъ должны занимать, очевидно, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ догматы христіанскіе представляются въ точно опредѣленной формѣ. Таковы, прежде всего, различныя вѣроисповѣдныя формулы (*Bekenntnissformeln*) или символы вѣры; сюда же должно отнести формальныя папскія рѣшенія, отличающіяся самостоятельностью и безусловною непогрѣшимостію, а также—рѣшенія вселенскихъ соборовъ, римскихъ конгрегацій и соборовъ помѣстныхъ,—рѣшенія, непогрѣшимость которыхъ далеко уже не безусловна. Далѣе должно подлежать разсмотрѣнію ученіе тѣхъ же богослововъ о значеніи такихъ памятниковъ преданія, которые, хотя и не представляютъ всегда строго-формулированныхъ догматовъ, однако, имѣютъ особенную важность уже потому, что они отчасти прежде употреблялись, а отчасти даже и теперь употребляются въ общественныхъ собраніяхъ христіанъ,—слѣдовательно, могутъ служить

¹⁾ Если только можно такъ переводить для краткости слово «*richterliche*» прилагаемое въ качествѣ эпитета къ такимъ рѣшеніямъ папы, которыя онъ издаетъ въ качествѣ верховнаго судьи вѣры.

выраженіемъ обще-церковной вѣры; таковы, именно, мученическіе акты, литургіи и вообще вся церковно-богослужебная практика. Затѣмъ, изложимъ также взглядъ ихъ на значеніе сочиненій частныхъ лицъ,—отцовъ церкви, позднѣйшихъ богослововъ, еретиковъ и вообще ученыхъ изслѣдователей въ области церковной исторіи. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и на отношеніе этихъ богослововъ къ различнымъ памятникамъ христіанской древности, которые ближе всего имѣютъ значеніе для археолога,—но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ, по выраженію Перроне, «сильнѣйшіе аргументы для защищенія католическихъ догматовъ» ¹⁾.

А) Что касается самыхъ первыхъ изъ всѣхъ перечисленныхъ памятниковъ, именно, — символовъ вѣры, то, къ сожалѣнію, мы не находимъ у ультрамонтанскихъ богослововъ никакихъ, сколько-нибудь обстоятельныхъ, разсужденій относительно ихъ важнаго значенія для догматики. Такъ, напримѣръ, Шеобенъ ограничивается въ данномъ случаѣ весьма коротенькими отрывочными и неопредѣленными замѣчаніями, все содержаніе которыхъ обнимается только тѣмъ, что символы вѣры представляютъ собою «адекватное проявленіе Преданія» ²⁾, что «искони они называются по преимуществу *regula fidei*» ³⁾, и что, заключаая въ себѣ формулированные догматы, они «употребляются членами и служителями церкви для торжественнаго исповѣданія своего общенія съ нею по вѣрѣ» ⁴⁾. Къ этому богословъ присоединяетъ полный перечень всѣхъ употребительныхъ въ римской церкви символовъ и исповѣданій вѣры съ указаніемъ тѣхъ пунктовъ вѣроученія, которое въ томъ или другомъ изъ нихъ наиболѣе точно раскрыты и формулированы,—при чемъ, разумѣется, первое и главное мѣсто между ними предоставляется такъ называемому символу «апостольскому», какъ «несомнѣнно происходящему отъ апостоловъ въ ос-

1) Vol. IX. Tract. «de locis theol.» P. II. n. 478.

2) Scheeben, n. 322.

3) n. 323.

4) n. 611.

новныхъ своихъ чертахъ»¹⁾. На основаніи всего этого можно съ несомнѣнностію заключать только о томъ, что, по мнѣнію Шеебена, символы вѣры должны имѣть весьма важное значеніе для догматики; можно, пожалуй, догадываться также и о томъ, что богословъ этотъ для того и отмѣчаетъ тѣ символы, въ которыхъ наиболѣе раскрыты извѣстные догматы, чтобы показать этимъ, какими именно символами долженъ пользоваться догматистъ при изложеніи того или другаго члена вѣры. Вотъ все, что можно сказать о взглядѣ ультрамонтанскихъ богослововъ на значеніе символовъ вѣры для догматики.

Относительно католическихъ богослововъ болѣе либеральнаго направленія (Кунъ и отчасти Клее) должно замѣтить, что у нихъ вообще ученію о преданіи дается очень мало мѣста; точно также и въ настоящемъ случаѣ мы находимъ у нихъ простое только упоминаніе о символахъ вѣры, какъ о документахъ божественнаго преданія²⁾. Впрочемъ, Кунъ во II томѣ своей Догматики, излагая исторію догмата о Св. Троицѣ, имѣлъ случай коснуться «апостольскаго» символа и при этомъ высказалъ относительно его смѣлую мысль, нетерпимую ультрамонтанамъ. Именно, онъ рѣшился утверждать, что символъ этотъ называется *апостольскимъ* лишь «по происхожденію его *содержанія*»³⁾, находя, что противъ мнѣнія о непосредственномъ происхожденіи этого символа отъ апостоловъ по самой даже *формѣ* «говорятъ слишкомъ сильныя основанія» (zu starke Gründe)⁴⁾.

Гораздо подробнѣе, хотя и не всегда съ желательною определенностію, разсуждаютъ ультрамонтанскіе богословы о значеніи остальныхъ памятниковъ божественнаго преданія, въ особенности же—о значеніи папскихъ и соборныхъ рѣшеній, и о взаимномъ отношеніи ихъ между собою.

¹⁾ Ibid.—По Гейнриху (Bd. II, s. 74 Anm.), римская редація этого символа имѣетъ *всѣ основанія въ пользу апостольскаго своего происхожденія*.

²⁾ Kuhn, Dogmatik Bd. I, s. 218. Klée, Dogmatik Bd., I, s. 306.

³⁾ S. 90.

⁴⁾ S. 94.

В) Возвеличивъ папу, какъ «отца и учителя всѣхъ христіанъ и главу всей церкви» присвоивъ ему «полную власть пасты всю церковь и управлять ею» ¹⁾, католическій западъ сдѣлалъ, наконецъ, въ наши дни послѣдній рѣшительный шагъ въ томъ же самомъ направленіи. Въ 1870 г. на знаменитомъ соборѣ Ватиканскомъ было торжественно провозглашено слѣдующее: «твердо держась преданія, унаслѣдованнаго отъ начала христіанской вѣры,.... Мы (Nos—разум., слѣдовательно, папа), поучаемъ и опредѣляемъ, что таковъ есть догматъ, истекающій изъ божественнаго откровенія: римскій первосвященникъ, когда говоритъ *ex cathedra*, т. е. когда онъ, исполняя обязанности пастыря и учителя всѣхъ христіанъ, опредѣляетъ въ силу своего верховнаго апостольскаго авторитета, что извѣстное ученіе касательно вѣры или нравственности должна содержать вся церковь,—вполнѣ пользуется, благодаря божественному соприсутствію, обѣщанному ему въ лицѣ святаго Петра, тою непогрѣшимостію, которою Божественный Искупитель благоволилъ надѣлать свою церковь, имѣющую опредѣлять ученіе о вѣрѣ и нравственности, и вслѣдствіе этого такія опредѣленія римскаго первосвященника не подлежатъ измѣненію (*irreformabiles*) сами по себѣ (*ex sese*), а не вслѣдствіе согласія церкви» ²⁾. Само собою разумѣется, что послѣ такого формальнаго опредѣленія догмата папской непогрѣшимости всякій католическій богословъ, — если только онъ хочетъ остаться истиннымъ католикомъ и избѣжать анафемы,—долженъ находить въ папскихъ рѣшеніяхъ, издаваемыхъ *ex cathedra*, одну только непреложную и непогрѣшительную истину. Впрочемъ, богословы ультрамонтанскаго направленія и ранѣе Ватиканскаго опредѣленія держались того же самаго взгляда на эти рѣшенія, какой теперь сдѣлался общеобязательнымъ для всѣхъ католиковъ. Доказательство тому—Перроне. Въ VIII томѣ своихъ «богословскихъ чтеній», изданномъ еще въ 1843 г., онъ рѣшительно утверждаетъ и старается доказать изъ Писанія и Преданія то положеніе, что «римскій перво-

1) Слова Флорентинскаго собора—у Шебева, п. 493.

2) У Шебева, п. 493.

священникъ, издающій опредѣленіе *ex cathedra*, непогрѣшимъ (*infallibilis*) въ дѣлахъ вѣры и нравственности», и что «догматическіе декреты его, даже прежде согласія церкви, совершенно непреложны» (*proorsus irreformabilia*) ¹⁾.

Чтобы точнѣе опредѣлить, — какія, именно, рѣшенія папъ должны признавать за непогрѣшительное выраженіе догматической истины, за рѣшенія *ex cathedra*, — Шеебенъ такъ разъясняетъ приведенный декретъ Ватиканскаго собора: «говорить *ex cathedra* значить для папы формально то же самое, что дѣлать употребленіе изъ верховнаго авторитета, присущаго его престолу (*sedes*), или придавать посредствомъ этого авторитета высшее значеніе нормы своему изреченію, собственно — заставляя говорить этотъ самый авторитетъ» ²⁾. Частнѣе: *объектомъ* папскихъ рѣшеній, изданныхъ съ авторитетомъ апостольской кафедры, служатъ «всѣ тѣ ученія, и только тѣ, которыя такъ касаются вѣры и нравственности, что могутъ и должны быть приняты всею церковію, или какъ предметъ вѣры, или какъ предметъ религіознаго убѣжденія» ³⁾. Впрочемъ, и въ этой области должно считать безусловно-обязательными и непогрѣшимо-истинными «только тѣ положенія или моменты, на властное (*reemptorisches*) утвержденіе которыхъ было направлено намѣреніе судьи» ⁴⁾; напротивъ, все то, что приводится при этомъ для подтвержденія и обоснованія такихъ положеній, — напр., изъясненіе мѣстъ св. Писанія и пр., — не имѣетъ характера строгой непогрѣшимости ⁵⁾. Далѣе. *Формою* непогрѣшимаго папскаго изреченія должно служить именно такое опредѣленіе, которое из-

¹⁾ Tract. «de loc. theol.», pars 1, sect. 11, cap. IV, prop. 1—II.

²⁾ Dogmatik, I n. 496.

³⁾ n. 497. То же см. у Гейнриха (т. II, стр. 249), который добавляетъ: «что сюда же принадлежатъ и *facta dogmatika*, — это понятно само собою». (Anm.).

⁴⁾ n. 507.

⁵⁾ Ibid.—Отсюда слѣдуетъ, однако же, исключить тѣ доказательства изъ св. Писанія и Преданій, которыя представляютъ собою не богословскіе только мотивы и основанія для опредѣляемыхъ догматовъ, но вмѣстѣ служатъ къ разъясненію смысла и значенія ихъ, или же заключаютъ въ себѣ догматически-авторитетное истолкованіе этихъ самыхъ (приводимыхъ для доказательства) мѣстъ Писанія или Преданій. Heinrich, s. 211.

дается папою въ силу его высшаго апостольскаго авторитета, издается имъ какъ пастыремъ и учителемъ всѣхъ христіанъ, и потому *обязываетъ всю церковь* къ принятію той или другой опредѣляемой истины ¹⁾.

Почти такъ же понимаетъ сущность непогрѣшимыхъ папскихъ опредѣленій и Перроне, когда говоритъ: «именемъ опредѣленія, изданнаго *ex cathedra*, обозначается такой декретъ римскаго первосвященника, посредствомъ котораго онъ предлагаетъ что-либо *всей церкви* содержать *de fide* (= какъ догматъ вѣры), или же отвергать какъ противное вѣрѣ, *подъ угрозою* цензуры или анаемы» ²⁾. Мы сказали: «почти такъ же», — потому что не трудно замѣтить, что опредѣленіе каедральныхъ папскихъ рѣшеній, сдѣланное Перроне, значительно *уже* того опредѣленія, которое дѣлается теперь ультрамонтанскими богословами на основаніи Ватиканскаго декрета и которое мы сейчасъ видѣли. А именно: Перроне имѣлъ неосторожность съузить, во-первыхъ, самый предметъ каедральныхъ рѣшеній. Такимъ предметомъ онъ довольно ясно называетъ только *догматическія истины*, которыя церковь должна содержать въ своей вѣрѣ — «*de fide tenendum*»; между тѣмъ, въ Ватиканскомъ декретѣ, — какъ это разъясняютъ намъ Шеобенъ и Гейнрихъ, — «*съ намѣреніемъ* употреблено просто *tenendum*, вмѣсто выраженія — *credendum* или *fide tenendum*, чтобы не ограничивать понятіе каедральнаго рѣшенія и соответствующую ему непогрѣшимость собственно *въ роученіемъ*», и чтобы не исключать изъ области этой непогрѣшимости такія истины, которыя стоятъ вообще въ тѣсной связи съ отверженною истиною ³⁾. Погрѣшивъ, такимъ образомъ, относительно объекта папскихъ рѣшеній *ex cathedra*, Перроне съузилъ, во-вторыхъ, и *форму* ихъ. По его словамъ, каедральное рѣшеніе папы сопровождается «угрозою цензуры или анаемы»; современные же ультрамонтанскіе богословы вовсе не признаютъ этой угрозы существеннымъ признакомъ не-

1) Scheeben, n. 497. Heinrich, Bd. II, s. 249—250.

2) Vol. VIII, n. 726.

3) Scheeben, n. 497. Heinrich, s. 250.

погрѣшмыхъ папскихъ рѣшеній и потому, какъ увидимъ ниже, причисляютъ къ такимъ рѣшеніямъ и тѣ энциклики, въ которыхъ нѣтъ этой угрожающей санкціи.

Но оставимъ Перроне. Взглядъ его на папскія непогрѣшныя рѣшенія, какъ видно, успѣлъ уже нѣсколько устарѣть теперь. Возвратимся, поэтому, къ современнымъ ультрамонтанамъ и продолжимъ изложеніе ихъ воззрѣній.

Что касается внѣшнихъ конкретныхъ формъ папскихъ рѣшеній *ex cathedra*, то онѣ могутъ быть весьма многоразличны ¹⁾. Главнѣйшія изъ этихъ формъ суть слѣдующія:

1) Самую торжественную и величественную форму образуютъ такъ-называемыя догматическія *конституціи* или *буллы*. Сужденія выражаются въ нихъ въ формѣ всеобщаго церковнаго закона, огражденнаго строгими наказаніями. При этомъ совершенно безразлично,—обращены ли онѣ, судя по надписанію, ко всей церкви, или же—нѣтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онѣ имѣютъ одинаково общеобязательное значеніе ²⁾.

2) Близко подходятъ къ описаннымъ конституціямъ такъ-называемыя «окружныя посланія ко вселенской церкви» (*litterae encyclicae ad universam ecclesiam*), короче—*энциклики*, имѣющія догматическій характеръ. Въ нихъ папы въ рѣшительныхъ выраженіяхъ поставляютъ епископамъ въ обязанность—преподавать и усиливать извѣстныя ученія, а также—подавлять и искоренять другія; вѣрующимъ же—держаться первыхъ и отвергать послѣднія. Эти энциклики сходны съ конституціями въ томъ, что имѣютъ точно такое же всеобщее назначеніе; отличаются же отъ нихъ только отсутствіемъ санкціи, угрожающей послушникамъ наказаніемъ. Между собою энциклики различаются смотря по тому, выражаютъ ли онѣ разсматриваемое ученіе въ строгой судейской формѣ, или же въ формѣ болѣе свободной и реторичной ³⁾.

3) Третью группу папскихъ опредѣленій *ex cathedra* составля-

1) Scheeben, n. 507.

2) n. 508.

3) n. 509.

ють всё «апостольскія посланія (*litterae apostolicae*)», которыя уже не имѣютъ торжественности конституцій, а издаются въ формѣ бреве—краткой записки (*in forma brevis*) и бывають обращены не прямо ко всей церкви. Впрочемъ, эти краткія посланія могутъ быть разсматриваемы какъ непогрѣшимыя опредѣленія *ex cathedra* только въ тѣхъ случаяхъ, когда они, подобно конституціямъ, угрожаютъ наказаніемъ за отрицаніе извѣстныхъ ученій, или же, подобно догматическимъ энцикликамъ, опредѣляютъ или осуждаютъ какое-либо ученіе въ строго-судейской формѣ ¹⁾.

4) Наконецъ, папа можетъ говорить *ex cathedra* посредствомъ утвержденія рѣшеній другихъ трибуналовъ: вселенскихъ соборовъ, соборовъ помѣстныхъ и римскихъ конгрегацій ²⁾.

Впрочемъ, взглядъ католическихъ богослововъ на эту послѣднюю форму папскихъ рѣшеній *ex cathedra* мы изложимъ въ подробности нѣсколько ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ объясняютъ богословы—нифаллиблизиты непогрѣшимость папскихъ опредѣленій и признаютъ ли они возможнымъ, чтобы папа издалъ когда-нибудь такое вполне оформленное рѣшеніе, которое содержало бы явную ересь и потому не имѣло бы непреложнаго значенія.—Непогрѣшимость папскихъ рѣшеній *ex cathedra* основывается,—по словамъ Шебена,—не на естественныхъ причинахъ, а на сверхъестественномъ божественномъ соприсутствіи (*assistentia divina*), которое однако есть простое вспоможеніе и потому не заключаетъ въ себѣ ни новаго, прямого откровенія папѣ, ни внушенія въ смыслѣ особаго вдохновенія; напротивъ, оно предполагаетъ и довершаетъ собственное его изслѣдованіе и познаніе ра-

¹⁾ п. 510.—Не смотря однако на указанные признаки,—по сознанію самого Шебена,—трудно бываетъ отличить строго-догматическій характеръ того или другаго посланія отъ простаго увѣщанія или дисциплинарнаго (*polizeilichen*) требованія. Оттого-то Гейнрихъ прямо объявляетъ, что рѣшать вопросъ о томъ, имѣется ли въ какомъ-нибудь извѣстномъ конкретномъ случаѣ дѣйствительно каноническое рѣшеніе, могутъ отнюдь не частныя лица, но только церковный же авторитетъ. (Vd. II, s. 250, Anm. 2).

²⁾ п. 511.—Отсюда уже явствуетъ, между прочимъ, что рѣшенія соборовъ—вселенскихъ и помѣстныхъ—получаютъ непреложное значеніе не сами по себѣ, а только какъ изреченія *ex cathedra* самого папы.

нѣе открытой истины, и только предохраняетъ папу отъ того, чтобы онъ или совсѣмъ не выполнилъ необходимаго изслѣдованія, или ошибся въ немъ, или же по крайней мѣрѣ—отъ того, чтобы онъ привнесъ въ опредѣленіе свое недостаточно обоснованное или ошибочное познаніе» ¹⁾. Это-то божественное соприсутствіе и производитъ то, что папскія рѣшенія непогрѣшимы сами по себѣ, а не вслѣдствіе согласія церкви (*ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*); послѣднее не только не имѣетъ значенія условія и гарантіи для непогрѣшимой истины, но даже совершенно исключается и въ значеніи простаго свидѣтельства въ ея пользу ²⁾. Далѣе, полное и совершенное дѣйствіе этого божественнаго соприсутствія отнюдь не стоитъ въ зависимости отъ личныхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ качествъ самого папы. Этотъ послѣдній можетъ имѣть недостатки того и другаго рода, но это не можетъ вредить непогрѣшимости его изреченій. Когда онъ исправляетъ обязанности судьи, Богъ или совершенно устраняетъ и подавляетъ дѣйствіе этихъ недостатковъ, или же, если и оставляетъ дѣйствіе ихъ во всей силѣ, то вопреки этому, однако, приводитъ папу къ правильному результату,—по извѣстной пословицѣ португальцевъ: «Богъ и по кривымъ линейкамъ пишетъ прямо» ³⁾.

Что касается теперь того вопроса, можетъ ли появиться когда-нибудь такое формальное рѣшеніе верховнаго судьи, которому нельзя было бы приписать достоинства непогрѣшимости и общеобязательнаго значенія,—то Шеобенъ, повидимому, согласенъ дать на это отвѣтъ утвердительный. По его мнѣнію, при нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ рѣшенія верховнаго судьи совершенно не могутъ имѣть своей законной силы. Такихъ возможныхъ обстоятельствъ онъ указываетъ только два (за исключеніемъ тѣхъ состо-

¹⁾ п. 499.

²⁾ п. 501; ср. п. 485.

³⁾ п. 482.—Отсюда можно видѣть, какъ недалеко нашъ богословъ отъ того, чтобы признать папу за какой-то оракулъ и совершенно пассивное орудіе въ рукахъ Бога.

яній челоуѣка, при которыхъ дѣйствія его не подлежатъ нравственной вмѣняемости, каковы—безуміе и опьяненіе). Вотъ, именно, эти обстоятельства: а) когда судья формально и очевидно обнаруживаетъ абсолютное безразсудство (т. е. преступное своеволие, которое должно быть разсматриваемо какъ моральное безуміе),—и в) когда онъ явно дѣйствуетъ только подъ давленіемъ сильнаго внѣшняго принужденія (но не просто какого-нибудь неопредѣленнаго напугиванія). При этихъ обстоятельствахъ судья, очевидно, отрицаетъ или свое судейское достоинство, или же свое убѣжденіе, и потому актъ его является не какъ законный и правильный актъ, а какъ дѣйствіе активной или пассивной тиранинн. Поэтому-то въ такихъ случаяхъ,—по словамъ Шеебена,—и только въ такихъ, можно бываетъ сказать, что извѣстный актъ, хотя матеріально и исходитъ отъ судьи съ претензіею на авторитетъ, но формально не исходитъ отъ его авторитета ¹⁾. Но, какъ оказывается далѣе, Шеебенъ прямо отвергаетъ возможность такихъ исключительныхъ случаевъ, называя ее «совершенно абстрактною и химерическою» ²⁾. Это и понятно, если принять во вниманіе все то, что было сказано выше въ объясненіе самой причины непогрѣшимости папскихъ рѣшеній *ex cathedra* ³⁾.

¹⁾ п. 478.

²⁾ п. 479.

³⁾ Къ этому должно присоединить еще и то, что если бы ультрамонтанскіе богословы допустили даже дѣйствительную, а не химерическую только, возможность появленія погрѣшительныхъ папскихъ рѣшеній съ авторитетною санкціею, то и въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія этихъ богослововъ, отношеніе вѣрующихъ (слѣд., и догматистовъ) къ такимъ рѣшеніямъ не могло бы существенно измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно знать,—кто можетъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ съ полнымъ авторитетомъ доказать, напр., что каковой-нибудь папа, издавая извѣстное рѣшеніе свое, обнаружилъ «абсолютное безразсудство», близко граничащее съ безуміемъ, и что, поэтому, рѣшеніе его не непогрѣшимо и не обязательно?—Исходя изъ инфальIBILИСТИЧЕСКИХЪ началъ, на это можно дать только одинъ отвѣтъ. Вѣдь, суду отдѣльныхъ епископовъ и даже цѣлыхъ трибуналовъ папа отнюдь не подлежитъ (Scheeben, п. 460), потому что, въ противномъ случаѣ, оказалось бы, что «судья подчиненъ своимъ подданнымъ» (п. 481). Да и какъ могло бы собраніе епископовъ провознести непогрѣшимое сужденіе о достоинствѣ папскаго декрета, когда—по яснымъ словамъ Гейприха—«безъ папы не можетъ быть никакаго опредѣлительнаго и непогрѣшимаго рѣшенія» и самал непогрѣшимость

Таковъ взглядъ католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія на непогрѣшимыя папскія рѣшенія, какъ на главнѣйшій документъ догматическаго преданія церкви ¹⁾...

Едва ли надобно выяснять въ подробности,—какими важными слѣдствіями долженъ сопровождаться этотъ взглядъ собственно въ приложеніи къ догматикѣ. Достаточно замѣтить только, что, если существуютъ для современнаго ультрамонтанскаго богослова безусловно-обязательныя правила католической вѣры и мышленія, то всѣ они,—говоря словами Шеебена,—«спеціально и въ послѣдней своей инстанціи заключаются въ верховной и центральной учительской власти папы, какъ Божія канцлера на землѣ, непосредственно заступающаго мѣсто Христа» ²⁾.

церкви имѣть свою послѣднюю и высшую гарантію въ непогрѣшимости ея видимаго верховнаго главы» (Heinrich, Bd. II, s. 257)? Тѣмъ болѣе, конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о судѣ остальныхъ простыхъ вѣрующахъ, какъ бы ученые и провицательны они ни были (см. у Гейприха стр. 211; 250, прим. 2). Поэтому, единственнаго судьею, имѣющимъ право констатировать фактъ безразсудства одного папы, могъ бы быть только другой, столь же непогрѣшимый, папа. Но является дальнѣйшій вопросъ: кто же можетъ поручиться, что и этотъ послѣдній замѣилъ о безразсудствѣ своего предшественника не по какому-нибудь «преступному своеволію» и не подъ вліяніемъ какого-либо «сильнаго аффекта» (напр., по ненависти къ своему предшественнику, или по страху предъ какими-нибудь обстоятельствами и т. под.,—что конечно свидѣтельствовало бы о недостаткѣ полной свободы самоопредѣленія въ папѣ), и что, поэтому, замѣненіе его должно имѣть полную обязательную силу?—Ручательства этого, очевидно, опять таки пришлось бы искать у непогрѣшимаго папы и т. д., и т. д. Словомъ, констатировать фактъ безразсудства папы при ультрамонтанскихъ понятіяхъ о непогрѣшимости церкви представляется рѣшительно невозможнымъ, и богословъ-инфальIBILИСТЪ, хотя бы онъ и допускалъ въ теоріи возможность погрѣшительныхъ папскихъ декретовъ, обязанъ на самомъ дѣлѣ оказывать одинаково безусловное подчиненіе всѣмъ имъ, не позволяя себѣ и думать о какомъ-нибудь критическомъ отношеніи къ нимъ...

1) Мы излагали этотъ взглядъ преимущественно по Шеебену, потому что у него онъ развитъ болѣе или менѣе обстоятельно; но, конечно, это не означаетъ того, что взглядъ этотъ принадлежитъ только этому богослову,—напротивъ, онъ составляетъ общее достояніе (за исключеніемъ развѣ только несущественныхъ мелкихъ частности) всѣхъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія. Таковымъ онъ былъ еще до Ватиканскаго собора, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ сдѣлаться таковымъ послѣ него. Только у богослововъ болѣе либеральнаго направленія мы не встрѣчаемъ папскихъ рѣшеній въ числѣ документовъ, съ безусловною непогрѣшимостію выражающихъ общецерковныя вѣрованія. См., напр., у Куна, 218—219.

2) Dogmatik, n. 399. Между тѣмъ, для того же богослова «церковное преданіе, совершающееся чрезъ magisterium ordinarium (т. е. чрезъ установленное

А если такъ, то первымъ исходнымъ пунктомъ, при изложеніи каждаго члена вѣры, ультрамонтанская догматика должна постав-
лять именно только формальныя рѣшенія римскихъ первосвящен-
никовъ и тѣ церковныя вѣроопредѣленія, которыя запечатлѣны
абсолютнымъ авторитетомъ этихъ послѣднихъ.

Неизлишне при этомъ замѣтить, что въ Догматикѣ Шеибена ¹⁾
можно найти и краткій перечень напскыхъ буллъ, энцикликъ, бреве,
аллокуцій,—словомъ, всѣхъ непогрѣшимыхъ рѣшеній, изданныхъ
римскими первосвященниками *ex cathedra* и потому имѣющихъ
обязательное значеніе для современнаго католическаго догматиста.

С) Обратимся теперь къ воззрѣніямъ католическихъ богослововъ
на достоинство и значеніе опредѣленій вселенскихъ соборовъ.

Извѣстно, что католическій западъ насчитываетъ вселенскихъ со-
боровъ втрое болѣе, нежели православный востокъ. Чтобы объ-
яснить этотъ фактъ, необходимо обратить вниманіе на тѣ условія
и требованія, которымъ, по католическимъ воззрѣніямъ, долженъ
удовлетворять соборъ, что-бы называться вселенскимъ. Между этими
условіями мы встрѣчаемъ у католическихъ богослововъ, съ одной
стороны, такія, выполненіе которыхъ считается признакомъ петин-
наго вселенскаго собора и съ православной точки зрѣнія. Таковы
именно: значительное число присутствующихъ епископовъ; сво-
бодное и внимательное изслѣдованіе предмета; обоснованіе на все-
общей вѣрѣ церкви; наконецъ, единодушное согласіе всѣхъ чле-
новъ собора въ постановленіи рѣшенія ²⁾. Но, съ другой стороны,
у нихъ упоминаются и такія требованія, о которыхъ не знала и
не знаетъ церковь восточная. Таковы, именно, всѣ тѣ требованія,
которыя касаются отношенія собора къ папѣ; въ частности: со-
боръ долженъ быть созванъ папою, или—по крайней мѣрѣ—съ
его согласія и при его содѣйствіи; епископы, явившіеся на со-

обычное учительство церкви), не представляетъ совершенно несомнѣннаго и вполне
достаточнаго свидѣтельства въ пользу каждаго ученія», и, поэтому, не можетъ слу-
жить «абсолютнымъ, т. е. безусловно обязательнымъ и непогрѣшимымъ правиломъ
вѣры и мышленія» (п. 408).

¹⁾ nn. 612—614.

²⁾ Scheeben, nn. 531, 518—519.

боръ, должны приступить къ разсужденіямъ и составленію рѣшеній подъ руководствомъ папы, или же—легатовъ, заступающихъ его мѣсто; наконецъ,—рѣшенія собора должны быть утверждены папою ¹⁾. При этомъ, выполненіе послѣднихъ условій признается у католическихъ богослововъ самымъ существеннымъ и безусловно-необходимымъ признакомъ вселенскаго собора ²⁾,—тогда какъ выполненіе первыхъ, по ихъ мнѣнію, способствуетъ только болѣе совершенному осуществленію идеи собора, но не имѣетъ и не можетъ имѣть существеннаго и рѣшающаго значенія для вселенскаго его достоинства ³⁾. Теперь понятно, почему позднѣйшіе соборы католическаго запада, слѣдовавшіе за общепризнанными семью восточными соборами, должны были получить тамъ высокое достоинство вселенскихъ соборовъ: они, какъ-нельзя лучше, выполняли тѣ самыя существенныя требованія, которыя касались ихъ отношенія къ папамъ.—Съ этой же точки зрѣнія становится понятнымъ и тотъ фактъ, что католическіе богословы приписываютъ позднѣйшимъ западнымъ соборамъ высшее идеальное достоинство сравнительно съ древними вселенскими соборами, бывшими на востокѣ. Такъ, напр., Шеобенъ рѣшительно утверждаетъ относительно первыхъ, что они «гораздо болѣе соотвѣтствуютъ богословской идеѣ вселенскаго собора», нежели послѣдніе ⁴⁾. Говоря же о древнихъ соборахъ, которые осмѣливались называться вселенскими даже и въ томъ случаѣ, когда на нихъ не были выполнены указанныя существенныя требованія, тотъ же самый богословъ не прочь бы объяснить это «амбиціями константинопольскихъ патріарховъ» ⁵⁾. Такимъ образомъ оказывается, что извѣстные 14 соборовъ, про-

1) Ibid. n. 461, 519, 540—545, 534. Существенно то же у Перроне, vol. VIII, sect. II, cap. III, prop. III; равно и у Гейнриха т. II, § 102.

2) Scheeben, n. 534, 540 и слѣд.

3) n. 530—533.

4) Ibid. n. 524.—Возставая, при этомъ, противъ «новѣйшихъ ученыхъ историковъ» («historische Gelehrte»), желавшихъ вознискать древніе соборы надъ позднѣйшими, онъ рѣзко изобличаетъ ихъ за это въ «незнаніи всѣхъ богословскихъ принциповъ и органическаго развитія церкви». Ibidem.

5) Ibid. n. 521.—Такъ, именно, разсуждаетъ онъ о вселенскомъ достоинствѣ константинопольскихъ (I и II) соборовъ, на которыхъ—по его признанію—«совершенно недоставало прямого папскаго содѣйствія» и которые поэтому никакъ

исходившіе въ теченіе послѣднихъ X столѣтій и признанные на западѣ вселенскими, не только имѣютъ равное достоинство съ общепринятыми семью вселенскими соборами, но имѣютъ и значительныя преимущества предъ ними. Конечно, всѣ эти преимущества имѣютъ, такъ-сказать, чисто внѣшній и формальный характеръ; существа же дѣла не касаются, а потому едва-ли и могутъ какъ-нибудь повліять на отношеніе богослова-догматиста къ опредѣленіямъ тѣхъ и другихъ соборовъ. Вѣдь указанная преимущества соборовъ западныхъ нисколько не препятствуютъ восточнымъ соборамъ оставаться истинно-вселенскими; а вслѣдствіе этого и опредѣленія послѣднихъ точно также содержатъ непреложную истину и точно также обязательны для всѣхъ вѣрующихъ (слѣд.—и для догматиста), какъ и опредѣленія первыхъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что самое указаніе на мнимыя преимущества позднѣйшихъ западныхъ соборовъ предъ древними восточными соборами вселенскими,—указаніе, которое мы находимъ у Шеибена, можно разсматривать какъ характеристическую черту возрѣвнѣй новѣйшаго богослова-ультрамонтанина.

Разсмотримъ теперь частнѣе, какъ именно, по представленію ультрамонтанскихъ богослововъ, долженъ относиться догматистъ къ опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ. Въ этомъ отношеніи можно, пожалуй, усмотрѣть нѣкоторое различіе во взглядахъ раннѣйшихъ ультрамонтанъ (какъ Перроне) и позднѣйшихъ (какъ Шеобенъ и Гейнрихъ), и притомъ—различіе, касающееся, повидному, самаго существа дѣла. Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ Перонне: «Такъ какъ вселенскіе соборы,—говоритъ онъ,—представляютъ всю церковь, то легко заключить, что акты ихъ, главнымъ же образомъ—догматическія постановленія, суть торжественныя и публичныя свидѣтельства о той вѣрѣ, которую исповѣдывала церковь, когда обнародывала ихъ. И это тѣмъ болѣе, что соборы, въ противовѣсъ еретикамъ, настаивали по преимуществу на преданіи, или на живомъ ученіи церкви, и настаивали на этомъ гораздо болѣе, чѣмъ на писаніи, которое было пзвращаемо новато-

¹⁾ Говоримъ такъ, разумеется, съ точки зрѣнія католиковъ.

рами и употреблялось ими для подтвержденія своего собственнаго частнаго образа мыслей»¹⁾. «Однако,—прибавляетъ онъ,—ученый долженъ остерегаться, чтобы не смѣшивать того, что было представлено отдѣльными, или даже очень многими отцами собора, съ тѣмъ, что было постановлено на соборѣ общимъ голосомъ (*comuni suffragio*)»²⁾. Изъ этихъ послѣднихъ словъ Перроне можно, повидимому, заключать, что онъ признаетъ безусловную непогрѣшимость и обязательность только за такими постановленіями вселенскихъ соборовъ, которыя единодушно были приняты всѣми отцами, присутствовавшими на нихъ — съ правомъ голоса, — въ противоположность только частнымъ мнѣніямъ, которыя высказывались на соборахъ отдѣльными, хотя бы и многими епископами, но не были приняты всѣми единогласно и потому не имѣютъ общезначительнаго значенія. Если бы Перроне дѣйствительно держался такого взгляда на опредѣленія вселенскихъ соборовъ, то онъ существенно противорѣчилъ бы новѣйшимъ ультрамонтанамъ, которые критеріемъ непогрѣшимости соборныхъ опредѣленій поставляютъ не единодушное согласіе отцовъ собора, а только утвержденіе ихъ папами. Шеебену кажется даже, что мысль о безусловной необходимости единогласія въ догматическихъ соборныхъ опредѣленіяхъ «происходитъ именно изъ отрицанія или непониманія *судейской* дѣятельности вселенскихъ соборовъ, когда ихъ разсматриваютъ только какъ *свидѣтелей*, и именно—какъ свидѣтелей относительно современной имъ всеобщей вѣры»³⁾. Словомъ, по мнѣнію Шеебена, требовать единогласія отъ отцовъ собора при постановленіи окончательныхъ рѣшеній значитъ то же, что извращать самую идею собора. Если бы епископы дѣйствовали на соборѣ только какъ свидѣтели и учителя, то «отъ нихъ должно было бы требовать единогласія»⁴⁾. Но соборъ, по своей идеѣ, долженъ быть не собраніемъ достовѣрныхъ свидѣтелей о церковной вѣрѣ⁵⁾,

1) Vol. IX. Tract. «de locis theol», p. 11. sect. II. n. 433.

2) n. 434.

3) Dogmatik, n. 537.

4) n. 533.

5) Правда, Шеебенъ признаетъ, что отцы соборовъ (преимущественно—древнихъ) дѣйствовали и въ качествѣ свидѣтелей о всеобщей вѣрѣ.—что первый все-

а юридическимъ представительствомъ (Repräsentation) всей *учащей* церкви ¹⁾ для объединеннаго судейскаго или законодательнаго дѣйствія ²⁾. А для того, чтобы соборъ былъ такимъ представительствомъ, для этого требуется не единогласіе всѣхъ епископовъ (которое невозможно, хотя и желательно), а только тѣсное единеніе ихъ съ своимъ главою, верховнымъ и единственнымъ судьей всеобщей вѣры,—папою ³⁾. Самп по себѣ епископы не имѣютъ судейскаго авторитета, но получаютъ его, когда соединяютъ свое сужденіе съ сужденіемъ папы. Въ отношеніи же къ папѣ соборъ является «просто собраніемъ достовѣрныхъ свидѣтелей и компетентныхъ совѣтниковъ», имѣющихъ подчиненное и только вспомогательное значеніе ⁴⁾. Вслѣдствіе такого отношенія соборовъ къ папамъ, рѣшенія первыхъ получаютъ общеобязательное значеніе уже не отъ единодушнаго согласія епископовъ, а отъ согласія и утвержденія папскаго. При постановленіи окончательныхъ рѣшеній согласія епископовъ можетъ и не быть; но коль скоро мнѣніе одной части собора одобряется папою, оно становится окончательнымъ рѣшеніемъ безусловно-обязательнымъ для всѣхъ вѣрующихъ. Равнымъ образомъ—и наоборотъ: рѣшенія соборовъ (предполагая даже и единогласіе присутствовавшихъ епископовъ) «безъ согласія папы не суть верховныя» ⁵⁾; они представляютъ собою

ленскій соборъ даже исключительно ограничился такою дѣятельностію, и что вслѣдствіе этого тогда мало сознавали необходимость и значеніе для соборовъ папскаго содѣйствія. Но признать это явленіе вполне нормальнымъ и законнымъ онъ не соглашается; съ его точки зрѣнія это значило бы «выдавать за единственно-нормальныя и идеальныя формы такія, которыя наиболѣе несовершенны». См. III. 514—516.

¹⁾ Но отнюдь не представительствомъ *всей* церкви вообще; противъ такого пониманія Шеебенъ рѣшительно возстааетъ. См. п. 526. Здѣсь можно было бы видѣть новое различіе между имъ и Церроне, такъ какъ послѣдній говоритъ, что «соборъ представляетъ *всю* церковь»; однакожь, и это различіе чисто отвлеченнаго и къ тому же подозрительнаго свойства; тѣмъ болѣе, конечно, измѣнить практическое отношеніе догматиста къ соборнымъ опредѣленіямъ оно не можетъ.

²⁾ п. 520.

³⁾ п. 534. Срав. тѣ же мысли у Гейнриха § 103.

⁴⁾ III. 536; 460—461; 456.

⁵⁾ п. 461. Даже согласіе папскихъ легатовъ съ голосомъ остальныхъ епископовъ собора не придаетъ постановленіямъ его характера непогрѣшимости, если эти легаты основываются при этомъ «на *общемъ* полномочіи, а не на *спеціальной инструкціи*». п. 540.

«только человѣческія мнѣнія, а не *placitum* Св. Духа ¹⁾); поэтому-то, «всякое соборное рѣшеніе, протпворѣчащее папскому, необязательно ни для кого, не говоря уже о папѣ» ²⁾. Такимъ образомъ очевидно, что Шеебенъ находятъ критерій непогрѣшимости и безусловной обязательности соборныхъ опредѣленій не въ единодушномъ согласіи всѣхъ членовъ собора, а въ одобреніи и утвержденіи ихъ папою. При всемъ томъ, однако, намъ кажется, что нѣтъ вполне достаточныхъ основаній къ тому, чтобы съ рѣшительностію утверждать, что во взглядахъ Перроне и Шеебена по данному вопросу дѣйствительно есть важное, существенное различіе. Дѣло въ томъ, что, за исключеніемъ вышеприведенныхъ словъ, мы не встрѣчаемъ у Перроне какихъ-либо прямыхъ и рѣшительныхъ заявленій о необходимости единодушнаго согласія епископовъ при постановленіи окончательныхъ догматическихъ рѣшеній. Напротивъ, весьма нерѣдко онъ ясно и опредѣленно выражаетъ ту мысль, что, «если папа не утвердитъ собора, или не приметъ его и не будетъ согласенъ съ нимъ, то и соборъ этотъ не есть вселенскій и непогрѣшимый, и рѣшенія его не непреложны» ³⁾. «Соборъ,—разсуждаетъ онъ при этомъ,—считается вселенскимъ и непогрѣшимымъ только тогда, когда онъ представляетъ всю церковь, которой Христосъ обѣщалъ непогрѣшимость. Безъ римскаго же первосвященника, который есть глава всей церкви, никакой соборъ не есть вселенскій или представитель всей церкви, и не можетъ называться таковымъ, потому что онъ является безголовымъ тѣломъ (*corpus aserphalum*); слѣдовательно, безъ утвержденія первосвященника онъ не пользуется никакими этими привилегіями, напротивъ—бываетъ вполне лишенъ ихъ, если ему противорѣчатъ первосвященникъ» ⁴⁾. Равнымъ образомъ, въ случаяхъ разногласія между епископами Перроне рекомендуетъ руководствоваться «правиломъ, которое извѣстно всякому католику», —

¹⁾ п. 472.

²⁾ п. 461; 527.

³⁾ Vol. VIII. Tract. «de locis theol.» pars. I. sect. II. n. 655. Кроме того, раскрытію и обоснованію этой мысли у Перроне посвящена большая часть III главы II отдѣла этого тома.

⁴⁾ Ibid, n. 655.

именно: «Ubi Petrus, ibi Ecclesia» ¹⁾. Согласно съ этимъ правиломъ «церковь заключается въ той части епископовъ, въ которой находится Петръ или римскій первосвященникъ, — будетъ ли число этихъ епископовъ, согласныхъ съ Петромъ, большее или меньшее» ²⁾. Отсюда уже вполне ясно, что и для Перроне критеріемъ непогрѣшимости и всеобщей обязательности соборныхъ опредѣленій служить, собственно, не единодушное согласіе епископовъ, а только согласіе папы. Это и естественно, потому что для истиннаго и послѣдовательнаго ультрамонтанина всегда было и будетъ аксіомою положеніе: «гдѣ папа, тамъ и церковь», тамъ и непреложная истина.

Итакъ, мы можемъ теперь установить то положеніе, что, по общему воззрѣнію католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія, безусловно непогрѣшны и обязательны для всѣхъ вѣрующихъ (слѣдовательно—и для догматиста) именно тѣ опредѣленія вселенскихъ соборовъ, которыя приняты и утверждены папами.

Далѣе. Перроне различаетъ въ этихъ опредѣленіяхъ два момента: «объектъ» и «мотивъ» ³⁾. Это значитъ, что въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ должно признавать безусловно-истиннымъ только самый предметъ вѣры, самый догматъ, утвердить который они имѣютъ въ виду,—въ противоположность тѣмъ основаніямъ, которыя приводятся при этомъ въ его пользу. Эти послѣднія могутъ быть не вполне достаточны, но это отнюдь не ослабляетъ истинности самаго догмата, утверждаемаго въ соборномъ опредѣленіи. Поэтому, и богословъ можетъ относиться къ первымъ болѣе или менѣе свободно, оставляя послѣдній въ полной неприкосновенности. Для подтвержденія догмата ему позволительно подыскивать другія, болѣе ясныя и разительныя основанія, нежели какія приводятся въ соборномъ опредѣленіи, но онъ не можетъ пзмѣнить самой догматической истины ⁴⁾.

¹⁾ п. 730.

²⁾ п. 700.

³⁾ Vol. IX «De locis. theol.» р. II, п. 435.

⁴⁾ Правда, въ указавномъ мѣстѣ Перроне не раскрываетъ въ подробности, какой именно смыслъ имѣетъ различіе объекта отъ мотива опредѣленія. Но на

Послѣ того какъ мы опредѣлили, такимъ образомъ,—какія постановленія вселенскихъ соборовъ должны считаться непогрѣшимыми и общеобязательными, по воззрѣнію богослововъ ультрамонтанскаго направленія, и что именно въ этихъ постановленіяхъ имѣеть такой характеръ,—намъ остается еще обрисовать, хотя въ немногихъ и общихъ чертахъ, взглядъ этихъ богослововъ на отношеніе соборныхъ опредѣленій къ папскимъ рѣшеніямъ *ex cathedra*. По признанію самого Шебена, вселенскій соборъ, утвержденный папою, былъ бы непогрѣшимъ въ своихъ опредѣленіяхъ даже и въ томъ случаѣ, если бы самъ папа и не обладалъ даромъ самостоятельной непогрѣшимости *extra concilium* (помимо собора, въ силу одного только своего авторитета) ¹⁾. Основаніе для такой непогрѣшимости вселенскаго собора, въ ея отдѣльности отъ непогрѣшимости папы, всегда можно было бы находить въ извѣстномъ обѣтованіи Христа Спасителя—присутствовать въ собраніи вѣрующихъ, сошедшихся во имя Его (Матѣ. XVIII, 20) ²⁾. Теперь же, включая непогрѣшимость папы, соборы имѣють уже двоякую гарантію непогрѣшимости ³⁾; и вслѣдствіе этого, если рѣшеніе папы само по себѣ есть *judicium plenum*, то рѣшеніе папы и собора вмѣстѣ есть *judicium plenissimum* ⁴⁾. Но это преимущество соборныхъ опредѣленій предъ папскими рѣшеніями *ex cathedra*, эта высшая степень полноты ихъ сводится въ концѣ концовъ только къ большей степени внѣшней торжественности ихъ ⁵⁾; и если пользоваться сравненіемъ для болѣе нагляднаго выясненія этой мысли, то папскія рѣшенія всего лучше сравнить съ простою и обыкновенною рѣчью, когда говорятъ одни только уста; рѣшенія же соборовъ и папы — съ рѣчью воодушевленнаго оратора, при

основаніи другихъ мѣстъ (напр., н.п. 454, 458), гдѣ также рекомендуется это различіе, мы можемъ думать, что поняли мысль богослова вполне вѣрно. Подобное же различіе мы видѣли у Шебена, когда шла рѣчь о папскихъ рѣшеніяхъ *ex cathedra*.

¹⁾ Dogmatik, B. I, n. 549.

²⁾ n. 550.

³⁾ n. 552.

⁴⁾ n. n. 512, 549, 554.

⁵⁾ n. 556.

чемъ говорить и все тѣло ¹⁾. Но какого-нибудь существеннаго преимущества предъ единоличными папскими рѣшеніями рѣшенія вселенскихъ соборовъ имѣть не могутъ: авторитетъ послѣднихъ не выше авторитета первыхъ ²⁾.

D) Изложимъ теперь ученіе ультрамонтанскихъ богослововъ о достоинствахъ и значеніи декретовъ римскихъ конгрегацій и помѣстныхъ соборовъ, какъ такихъ документовъ, въ которыхъ хранится истинное ученіе католической вѣры. Скажемъ о тѣхъ и другихъ въ отдѣльности.

Конгрегаціи кардиналовъ при папѣ несутъ на себѣ, главнымъ образомъ, чисто полицейскія обязанности; ихъ долгъ—слѣдить за чистотою вѣры и нравственности католиковъ; поэтому, и декреты ихъ появляются преимущественно въ формѣ богословскихъ цензуръ, въ которыхъ разсматриваются и осуждаются иногда цѣлыя сочненія, а иногда отдѣльныя положенія ученыхъ богослововъ, признанныя противными и вредными для вѣры и нравственности ³⁾. Осуждая ложныя ученія, эти конгрегаціи выражаютъ ученіе истинно-католическое,—и въ такомъ случаѣ имъ принадлежитъ весьма высочій авторитетъ, такъ какъ они дѣйствуютъ отъ имени и авторитета самого папы ⁴⁾. Впрочемъ, этотъ авторитетъ ихъ постановленій бываетъ различенъ, смотря по тому, въ какой именно формѣ выражается папское согласіе съ ними. Обыкновенно декреты конгрегацій издаются просто только «подъ надзоромъ папы и послѣ доклада ему (*facta relatione*), слѣдовательно,—съ его вѣдѣнія и при простомъ одобреніи» ⁵⁾. Такіе декреты «не непогрѣшмы» ⁶⁾; тѣмъ не менѣе они имѣютъ такія сильныя данныя

¹⁾ п. 557. Отсюда — *полезность и относительная необходимость* вселенскихъ соборовъ и ихъ рѣшеній, безъ ущерба для непогрѣшимости св. престола п. 560.

²⁾ п. 555. Иначе, конечно, и быть не можетъ, потому что издаются ли рѣшенія отъ лица одного папы, или же отъ лица цѣлаго собора,—въ томъ и другомъ случаѣ они исходятъ изъ устъ одного и того же оратора, съ тѣмъ только различіемъ, что въ первомъ случаѣ этотъ ораторъ говоритъ простою и обыкновенною рѣчью, въ послѣднемъ же — онъ воодушевленъ и съ эффектомъ жестикулируетъ своими членами—епископами.

³⁾ Scheeben, п. 565. Въ непосредственномъ вѣдѣніи этихъ конгрегацій находится и знаменитый «*index librorum prohibitorum*».

⁴⁾ п. 564; 566.

⁵⁾ п. 566.

⁶⁾ п. 567.

въ пользу своей истинности, что «по крайней мѣрѣ за тотъ періодъ времени, когда они падаютъ, имъ безъ всякаго затрудненія можетъ и должно быть оказываемо требуемое внутреннее подчиненіе и согласіе» ¹⁾. Но они становятся «собственными декретами папы или св. престола и получаютъ полную силу закона», когда къ нимъ присоединяется «особый актъ утвержденія или обнародованія со стороны папы» ²⁾. Этотъ актъ формальнаго утвержденія сообщаетъ декрету достоинство непогрѣшимости и дѣлаетъ его общеобязательнымъ закономъ ³⁾. Что касается того, какія именно формы служатъ выраженіемъ этого акта, то объ этомъ, — по словамъ Шеибена,—богословы еще спорятъ. Одно только достоверно, что употребительное выраженіе: «*Sumus sua suprema auctoritate confirmavit et promulgari mandavit*» ⁴⁾—выражаетъ это самое властное (peremptorische) формальное утвержденіе ⁵⁾.

Б) Описанныя конгрегаціи кардиналовъ, составляя съ папою— по выраженію Гейнриха — «какъ бы одну личность», «дѣйствуютъ въ силу папской делегаціи и отъ имени папы, а потому и рѣшенія свои могутъ издавать прямо для всей церкви» ⁶⁾. Гораздо ограниченнѣе кругъ дѣятельности помѣстныхъ соборовъ. Они «дѣйствуютъ въ силу той власти, которая свойственна епископамъ, составляющимъ ихъ, по самому сану ихъ (*potestas ordinaria*), и такимъ образомъ могутъ издавать свои рѣшенія только для своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ» ⁷⁾. Но и здѣсь они могутъ имѣть законный авторитетъ только подъ тѣмъ существеннымъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ п. 566. Изданный такимъ образомъ декретъ удерживаетъ все-таки названіе «декрета конгрегаціи» (а не папы), «коль скоро папскій актъ является только въ формѣ утвержденія декрета конгрегаціи, или въ формѣ приказа обнародовать его, и когда папа не издаетъ его какъ свое самостоятельное рѣшеніе, составленное на основаніи *совета* конгрегаціи».

³⁾ п. 566.

⁴⁾ т. е.: «Святѣйшій (папа) своимъ верховнымъ авторитетомъ утвердилъ и обнародовать повелѣлъ».

⁵⁾ Ibidem. Совершенно такія же сужденія относительно римскихъ конгрегацій см. у Гейнриха, т. II, стр. 530—534.

⁶⁾ Scheeben, п. 564.

⁷⁾ Ibid.

условіемъ, если они совершаются въ «канонической формѣ» ¹⁾. А для этого—по изъясненію Шеибена—«требуется, прежде всего, чтобы они составлялись и дѣйствовали не безъ соизволенія и не противъ воли св. престола, равно какъ и при публикаціи своихъ декретовъ не уклонялись отъ его надзора» ²⁾. Соборамъ, удовлетворяющимъ этимъ требованіямъ, дается одобрение св. престола, которое можетъ выражаться въ двойной формѣ: *in forma simplici* и *in forma solenni*. Въ первомъ случаѣ это одобрение является просто актомъ верховнаго надзирательства и пеходитъ обыкновенно даже не отъ папы, а отъ особой конгрегаціи, назначенной для этого. Это—самая простая и обыкновенная форма папскаго одобренія. Во второмъ случаѣ одобрение содержитъ въ себѣ формальное утвержденіе, посредствомъ котораго св. престоль дѣлаеть декреты собора своими собственными. Это—форма одобренія торжественная и болѣе рѣдкая ³⁾. Только то одобрение, которое бываетъ выражено въ этой послѣдней торжественной формѣ (*approbatio solennis*), сообщаетъ декретамъ помѣстныхъ соборовъ, касающимся ученія вѣры, высокое достоинство непогрѣшимости. Во всякомъ другомъ случаѣ эти декреты не непогрѣшимы, но могутъ имѣть только болѣе или менѣе вѣскія данныя въ пользу своей истинности,—что зависитъ отчасти отъ числа и личнаго достоинства членовъ собора, но еще болѣе—отъ образа и способа ихъ дѣйствія и составленія самыхъ декретовъ ⁴⁾. Для правильнаго измѣренія силы и значенія этихъ данныхъ, слѣд.—и для измѣренія богословской основательности и достовѣрности самыхъ декретовъ, Шеибень рекомендуетъ руководствоваться слѣдующими двумя главными правилами:

1) Декреты помѣстныхъ соборовъ, одобренные апостольскимъ престоломъ *in forma simplici*, имѣютъ наивысшее предположеніе въ пользу своей истинны, близкое даже къ абсолютному, когда они *св. полнѣйшею рѣшительностію* или утверждаютъ какое-либо

1) п. 571.

2) Ibid.

3) Ibid. Сван. тоже у Гейнриха, стр. 528—530.

4) п. 573.

ученіе, какъ католическое ученіе вѣры, или же осуждаютъ ложное ученіе. Такіе рѣшительные и одобренные декреты заслуживаютъ полнаго довѣрія, потому что, если бы извѣстное ученіе не имѣло въ дѣйствительности тѣхъ качествъ, которыя приписываются ему такъ рѣшительно, то этого не могли бы терпѣть ни апостольскій престолъ, ни остальные епископы,—въ особенности, когда дѣло идетъ о такихъ вопросахъ, которые возбуждаютъ всеобщее вниманіе. «Въ этомъ случаѣ,—говоритъ богословъ,—при торжественности и публичности акта самое молчаніе остальныхъ факторовъ учащей церкви должно считаться наравнѣ съ положительнымъ согласіемъ ихъ, и слѣд.—декреты имѣютъ за себя дѣйствительно высшее ручательство» 1).

2) Напротивъ, когда декреты собора, одобренные *in forma simpliciter* утверждаютъ какое-нибудь ученіе, или отвергаютъ заблужденіе, въ простой *ассерторической* или *заявительной* формѣ,—тогда предположеніе въ пользу ихъ истинны бываетъ уже не такъ сильно, какъ въ предшествующемъ случаѣ, и здѣсь можетъ оказывать значительное вліяніе на степень достовѣрности ихъ самое число и достоинство членовъ собора. Подобнымъ именно образомъ, по мнѣнію Шеибена, обстоятъ дѣло «съ соборными декретами древнѣйшаго времени, относительно которыхъ неизвѣстно, были ли они предъявлены св. престолу, и въ отношеніи къ которымъ нѣтъ также никакаго признака неблагорасположенія со стороны св. престола или остальныхъ членовъ учащей церкви» 2). Какъ бы для обоснованія своихъ сужденій, богословъ высказываетъ при этомъ то положеніе, что «едва-ли есть какой-нибудь догматически-важный декретъ, который не былъ бы или отвергнутъ св. престоломъ, или же положительно одобренъ имъ» 3).

Таково ученіе новѣйшихъ католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія о достоинствѣ и значеніи догматическихъ постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и римскихъ конгрегаций 4).

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Въ ест. постановленіи перечисляются и Шеибена стр. 612, 614.

Здѣсь, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію ученія этихъ богослововъ о письменныхъ документахъ догматическаго преданія, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что болѣе либеральные богословы (напр. Кунъ) ничего не говорятъ о необходимости утвержденія папою постановленій вселенскихъ соборовъ. Но въ то же время мы встрѣчаемъ у Куна такое замѣчаніе, по которому въ числу документовъ всеобщей вѣры церковной принадлежатъ акты только «тѣхъ помѣстныхъ соборовъ, которые всѣми приняты и опредѣленія которыхъ относительно ученія одобрены изреченіемъ верховнаго главы (oberhaupt) церкви,—одобрены, какъ согласныя съ ученіемъ римской и всей вообще церкви (напр., акты 2 собора Оранжеваго и древнихъ африканскихъ соборовъ противъ Пелагія)» ¹⁾. На основаніи этого послѣдняго замѣчанія, кажется, можно думать, что, и по мнѣнію Куна, согласіе папы съ соборомъ необходимо для того, чтобы послѣдній могъ быть принятъ всею церковію. А отсюда дальнѣйшій выводъ,—что, если Кунъ и не говоритъ объ утвержденіи папою вселенскихъ соборовъ, то развѣ только потому, что это было бы даже излишне, такъ какъ съ католической точки зрѣнія совсѣмъ не можетъ быть вселенскихъ соборовъ, неодобренныхъ и неутвержденныхъ папою. Называть такіе соборы, неудобившіеся папскаго утвержденія, вселенскими—было бы для католика явнымъ «*contradictio in adjecto*» (чего, однакожь, не замѣчаютъ ультрамонтане, которые, какъ мы видѣли, вдаются въ разсужденія объ утвержденіи вселенскихъ соборовъ папами). Достойно также замѣчанія и то обстоятельство, что не только Кунъ и Клее, но даже и Перроне, который самъ былъ изъ числа кардиналовъ, ничего не зналъ о высокомъ достоинствѣ декретовъ римскихъ кардинальскихъ конгрегацій, какъ такихъ документовъ, въ которыхъ выражается, отъ апостоловъ преданная, вселенская истина и выражается подѣ-часть съ безусловнымъ авторитетомъ непогрѣшимости.

Г) Посмотримъ теперь, какое значеніе приписываютъ католи-

¹⁾ Dogmatik, Bd. I, s. 218—219.

ческіе богословы-ультрамонтане вѣдѣтъ другимъ документамъ, сохранившимъ до насъ божественное Преданіе.

Къ числу такихъ документовъ принадлежатъ, прежде всего, мученическіе акты ¹⁾. По словамъ Перроне, — «древніе и подлинныя акты святыхъ мучениковъ представляютъ для насъ самыя вѣрныя документы догматическаго преданія, изъ которыхъ мы узнаемъ то, что мыслила церковь относительно тѣхъ весьма многихъ членовъ вѣры, которые теперь представляются спорными»... И это потому, что мученики въ своихъ отвѣтахъ мучителямъ изложили то, чему они научились отъ пастырей церкви, и слѣдовательно, они по справедливости считаются самыми надежными свидѣтелями о преданіи и той вѣрѣ церкви, которая процвѣтала въ каждомъ вѣкѣ ²⁾. Особенное же значеніе мученическихъ актовъ, дающее имъ нѣкоторое преимущество даже предъ произведеніями св. отцовъ, Перроне находитъ въ томъ, что въ нихъ излагается такое, именно, ученіе, «какое преподавалось въ частныхъ и публичныхъ собраніяхъ церкви, безъ всякой, такъ-сказать, примѣси частнаго и субъективнаго разъясненія, которое производитъ иногда затрудненіе въ изысканіи подлинной мысли отцовъ» ³⁾. Достоверность мученическихъ актовъ усиливается, по мнѣнію этого богослова, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что самое чтеніе ихъ дозволялось вѣрнымъ только уже тогда, когда они заранѣе были разсмотрѣны и одобрены епископомъ; притомъ, «читались они въ общественномъ собраніи подъ надзоромъ предстоятелей, одобренія которыхъ они не могли бы получить, если бы заключали въ себѣ что-либо несогласное съ принятою вѣрою церкви» ⁴⁾. Въ силу всего сказаннаго, мученическіе акты имѣютъ весьма важное значеніе для догматиста, представляя неопровержимыя доказательства въ пользу нѣкоторыхъ догматовъ, оспариваемыхъ современными еретиками. Въ особенности лжеученія Соцініанъ и Унитаріевъ каса-

¹⁾ О нихъ дѣлаютъ краткія замѣтки и Шебенъ (п. 358, а) съ Гейнрихомъ (с. 78—79); но болѣе подробно говорится о нихъ у Перроне, которому мы и будемъ слѣдовать въ настоящемъ случаѣ.

²⁾ Vol. IX «De locis theol.» pars 11, n. 438.

³⁾ Ibid. n. 432 et not. 3.

⁴⁾ n. 440.

тельно св. Троицы и воплощенія Слова, а также лжеученія протестантовъ касательно почитанія и призыванія святыхъ, почитанія релiquій и проч., находятъ для себя наилучшее опроверженіе въ показаніяхъ мученическихъ актовъ 1).

Г) Не меньшую важность имѣютъ для догматиста и различныя формы свящ. литургій, равно какъ и вся вообще богослужебная практика церкви 2). «Въ литургіи,—говоритъ Перроне,—высказывается голосъ и свидѣтельство всѣхъ церквей, епископовъ, пресвитеровъ, голосъ самой черни (plebis), законы, обычаи, пзреченія, догматы» 3). Поэтому, все то, что «подтверждается согласіемъ всѣхъ литургій, должно быть разсматриваемо, какъ свидѣтельство самой церкви» 4). А между тѣмъ, догматическихъ истинъ, засвидѣствованныхъ литургіями, такъ много, что—по словамъ того же богослова—«едва ли есть какой-нибудь догматъ вѣры изъ числа неповѣдуемыхъ католическою церковію, о которомъ онѣ не свидѣтельствовали бы. Таковы догматы о Троицѣ,... не только о дѣвствѣ Богородицы, но и о непорочности Ея въ зачатіи, о приматствѣ св. Петра и римскаго первосвященника,... наконецъ, о чистилищѣ...» 5). При этомъ изъ многихъ отдѣльныхъ литургій богословъ рекомендуетъ предпочитать ту, «которая принята въ употребленіе въ болѣе знаменитой церкви» 6). Само собою понятно теперь, какія именно литургіи должны имѣть высшій авторитетъ для католическаго богослова, (особенно—если руководствоваться при этомъ не древностію ихъ происхожденія, а только знаменитостію тѣхъ церквей, въ которыхъ онѣ приняты). Литургіи западныя, очевидно, должны быть предпочитаемы литургіямъ восточнымъ, а между первыми главное мѣсто должно принадлежать, именно, римской литургіи 7). Наконецъ, относительно частныхъ

1) Ibid.

2) Объ этомъ Шеобенъ съ Гейнрихомъ также упоминаютъ довольно кратко (Scheeben, n. 356; 2. Heinrich, s. 75—77).

3) Op. cit. pars II. n. 448.

4) n. 443.

5) n. 444 et. not. 6.

6) n. 443.

7) Ibid.

литургіи Перроне даетъ еще такое наставленіе богослову, чтобы онъ остерегался придавать авторитетъ тѣмъ изъ нихъ, которыя содержатъ въ себѣ нѣчто совершенно едничное и парадоксальное, или даже ложное, равно какъ и тѣмъ, которыя въ послѣдующіе вѣка были интерполрованы, или же изобилуютъ недостатками» ¹⁾.

Что касается всей остальной богослужебной практики церковной, то отсюда, по мнѣнію Перроне, можетъ быть заимствовано «постоянное и всеобщее свидѣтельство догматическаго преданія относительно числа таинствъ, о силѣ и особенныхъ дѣйствіяхъ ихъ, о надлежащемъ расположеніи для правильнаго принятія ихъ» и проч. ²⁾: Поэтому, напр., греческіе евхологіи и латинскіе ритуалы (обрядовыя книги) представляютъ сильное опроверженіе протестантской ереси, сократившей число таинствъ только до двухъ ³⁾. Равнымъ образомъ, изъ религіознаго же культа заимствуется непререкаемое свидѣтельство и относительно почитанія святыхъ, почитанія реликвій и изображеній,—что также направляется противъ протестантовъ ⁴⁾. При этомъ Перроне замѣчаетъ, что, говоря о религіозномъ культѣ, онъ разумѣетъ, именно, всеобщій культъ, принятый всею церковію; что же касается частныхъ обрядовъ, принятыхъ въ отдѣльныхъ церквахъ, то они могутъ имѣть значеніе, смотря по своей древности и по знаменитости тѣхъ церквей, въ которыхъ они сохраняются ⁵⁾.

А. Шостъинъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ п. 445.

²⁾ п. 447.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ п. 448.

⁵⁾ п. 449.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ УЧЕНІЯ ОБЪ АБСОЛЮТНОМЪ.

(Окончаніе *).

Единству противоположно множество; будучи противоположно единству, множество образуется, однако, чрезъ повтореніе единства: между множествомъ и единствомъ есть, такимъ образомъ, связь, состоящая въ томъ, что одно другимъ условливается и ограничивается: единство когда повторяется, то переходитъ во множество, и какъ бы теряется въ немъ; множество, когда объединяется, получаетъ характеръ единства и, слѣдовательно, какъ бы перестаетъ быть множествомъ. Отсюда очевидно, что только условное единство имѣетъ связь со множествомъ, ибо только чрезъ эту связь единство и становится условнымъ. Единство безусловное, поэтому, исключаетъ собою множество, и такъ какъ множество происходитъ чрезъ повтореніе единства и въ этомъ состоитъ его связь съ единствомъ, то, слѣдовательно, повтореніе единства безусловнаго недопустимо, а это значитъ, что бытіе безусловнаго единства есть вѣчное, неизмѣнно продолжающееся, безъ раздѣленія на отдѣльные моменты, послѣдовательно повторяющіеся. Но единство имѣетъ связь съ множествомъ и, слѣдовательно, есть не безусловное, а только относительное, не чрезъ одно повтореніе, т. е. не тогда только когда повторяется, но также чрезъ раздѣленіе его на части, заключенныя въ немъ самомъ, при чемъ множество мыслится

*) См. жур. «Вѣра и Разумъ» 1889 г. № 17.

не какъ рядъ повторяющихся единствъ (моментовъ), ничѣмъ несвязанныхъ, такъ что единство при этомъ теряется во множествѣ, но какъ сочетаніе взаимно восполняющихъ разностей, пребывающихъ въ единствѣ, которое, слѣдовательно, не исчезаетъ при этомъ во множествѣ, а только представляется содержащимъ въ себѣ множество. Такъ какъ, однако, единство при этомъ хотя и не исчезаетъ, но является все же зависимымъ отъ сочетанія частей, ибо, при разъединеніи ихъ, единство исчезаетъ, то равнымъ образомъ и единство, содержащее въ себѣ множество, такъ же какъ и единство, переходящее чрезъ повтореніе во множество, т. е. какъ расходящееся *во времени*, такъ и распределенное *въ пространство*, не можетъ быть признано безусловнымъ (Богъ не находится въ пространствѣ, а господствуетъ надъ пространствомъ,—поэтому и говорится, что онъ вездѣ и нигдѣ). Слѣдовательно, безусловное единство не только не допускаетъ повторенія себя, но также исключаетъ раздѣленіе на части, не есть сложное, а простое.

Но какъ понимать эту простоту безусловнаго единства? Такъ какъ при сложномъ единствѣ, состоящемъ изъ частей, части эти *различны*, и чрезъ то только образуютъ множество, то на этомъ основаніи нѣкоторые изъ философовъ въ древности полагали, что въ абсолютномъ единствѣ не должно быть никакого различія, что, слѣдовательно, безусловно единое должно быть безразличнымъ въ самомъ себѣ, что существо его состоитъ въ простомъ тождествѣ и равенствѣ съ собою, исключаящемъ всякія разности. Но о такомъ единствѣ, очевидно, мы не можемъ выразить ничего опредѣленнаго (возраженіе Платона): слова, изъ коихъ состоитъ всякая опредѣленная рѣчь, по различному значенію каждаго изъ нихъ, предполагаютъ соотвѣтственныя разности въ самомъ предметѣ рѣчи. Вотъ почему впоследствии пришли къ тому заключенію, что, будучи безусловно единымъ, Божество непознаваемо и неизреченно, что, слѣдовательно, не чрезъ познаніе, а только инымъ способомъ оно можетъ быть намъ доступно, именно чрезъ непосредственное общеніе и даже сліяніе съ нимъ, ибо такъ какъ Божество въ самомъ себѣ есть простое безразличіе, то чрезъ восхожденіе (умственное, духовное) надъ всѣми разностями конечнаго, раздѣляющими его

отъ Бесконечнаго, только и возможно достигнуть общенія съ Богомъ.

Такое пониманіе безусловнаго единства нельзя признать правильнымъ. Единство безусловное дѣйствительно исключаетъ множество, но не различія, а потому не можетъ состоять въ простомъ тождествѣ, въ безразличіи. Не слѣдуетъ смѣшивать множество, какъ понятіе количественное, съ качественными различіями: послѣднія исключались бы безусловнымъ единствомъ лишь въ томъ случаѣ, если представлять ихъ въ видѣ отдѣльныхъ частей цѣлаго. Но развѣ необходимо представлять качественныя различія такимъ образомъ? Въ древности дѣйствительно представляли различія въ видѣ раздѣльно существующихъ частей цѣлаго, и потому-то либо не допускали въ безусловномъ единствѣ никакихъ разностей (элеаты, неоплатоники), или же отрицали бытіе безусловнаго единства, а допускали только единство относительное, т. е. несовершенное (атомисты, Платонъ). Но какъ о единствѣ выше разъяснено, что безусловное единство не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ количественномъ, такъ и относительно различія слѣдуетъ признать, что нѣтъ необходимости мыслить его какъ множество, т. е. въ смыслѣ количественномъ. И какъ о единствѣ безусловномъ выше было найдено, что таковое единство можетъ быть только духовнымъ, такъ и относительно различія очевидно, что только различіе духовныхъ свойствъ есть такое, которое не только допустимо, но и необходимо признать въ безусловномъ вмѣствѣ съ единствомъ. Различныя свойства духа не существуютъ въ немъ какъ разныя части и не находятся одно подлѣ и внѣ другаго; напротивъ, одно, можно сказать, содержится въ другомъ, такъ что всѣ свойства образуютъ нераздѣльное единство; это потому, что, какъ выше сказано, духъ всѣмъ своимъ существомъ, а не отчасти только открываетъ себя въ каждомъ изъ своихъ коренныхъ свойствъ.

Единство Безусловнаго есть полное и совершенное, какъ единство не случайно ему принадлежащее, но лежащее въ самомъ его существѣ. Таково же, т. е. столь же совершеннымъ, должно быть, очевидно, и различіе духовныхъ свойствъ Безусловнаго. Въ чемъ же именно состоитъ совершенство тако-

ваго различія, или иначе, каково должно быть это различіе, чтобы возможно было его признать наиболѣе совершеннымъ?

При единствѣ существа различіе свойствъ можетъ быть изъяснено прежде всего тѣмъ, что различныя свойства выражаютъ различныя измѣнчивыя состоянія, которыя, потому именно что смѣняются одно другимъ, не нарушаютъ единства существа, такъ какъ то же самое существо переходитъ изъ одного состоянія въ другое, изъ одной формы существованія въ другую. Но такое изъясненіе различія свойствъ въ отношеніи къ Абсолютному недопустимо, ибо Абсолютное неизмѣнимо. Другое изъясненіе различія свойствъ, при единствѣ существа, состоитъ въ томъ, что различіе выводится изъ разности отношеній того же существа къ другимъ существамъ. Но и такое объясненіе къ Абсолютному неприменимо: возможно ли, чтобы различіе свойствъ въ Абсолютномъ было зависимо отъ иныхъ существъ? Совершенное различіе, какъ и единство, должно быть независимымъ и безотносительнымъ; сверхъ того, какъ совершенное, оно должно быть полнымъ. Этимъ требованіямъ удовлетворяетъ только различіе *своихъ личныхъ*. Личностию мы называемъ образъ, или характеръ внутренняго бытія, свойственнаго лишь духу, слѣдовательно, образъ или строй духовной жизни. Будучи внутреннимъ, личное свойство должно быть независимымъ отъ внѣшнихъ перемѣнъ и отношеній; поэтому, только личные свойства таковы, что наиболѣе соотвѣтствуютъ понятію Абсолютнаго существа, какъ совершенно независимаго, пребывающаго въ себѣ и господствующаго надъ всякимъ инымъ бытіемъ. Такъ какъ, далѣе, личность есть образъ бытія наиболѣе обособившагося, т. е. сдѣлавшагося *вполнѣ различнымъ* отъ всякаго иного бытія, то полнота различія также есть черта, принадлежащая только личнымъ свойствамъ; слѣдовательно, и съ этой стороны мы снова приходимъ къ заключенію, что личность представляетъ собою образъ, или характеръ бытія, наиболѣе соотвѣтствующій понятію Абсолютнаго существа. Что различіе личныхъ свойствъ есть самое совершенное, въ этомъ легко убѣдиться чрезъ сравненіе ихъ съ другими различіями. Различіе тѣлъ неорганическихъ есть совершенно внѣшнее, при которомъ самыя тѣла представляются лишь ча-

стями одной общей массы вещества, т. е. лишенными всякой самостоятельности, самобытности. Различіе растеній и животныхъ также несовершенно; ибо различіе родовъ и видовъ (т. е. видовыхъ и родовыхъ признаковъ) лишено единства, такъ какъ родъ и видъ—совокупность индивидуумовъ, различіе же индивидуальное, хотя и отличается единствомъ, но несущественно, такъ какъ каждый индивидуумъ растительнаго и животнаго царства представляетъ собою лишь экземпляръ, т. е. повтореніе видоваго типа,—вслѣдствіе чего индивидуальные признаки имѣютъ характеръ случайности и при опредѣленіи живаго существа обыкновенно не принимаются въ расчетъ. Совершенно инымъ представляется различіе личныхъ свойствъ: съ одной стороны личность отличается отъ родоваго типа совершеннымъ *единствомъ*; съ другой—различіе одной личности отъ другой столь же существенно и непреходяще какъ различіе видовъ или родовъ (ибо личность также бессмертна, какъ бессмертны роды и виды),—этимъ личность различается отъ простаго индивидуума: каждое органическое тѣло есть индивидуумъ, между тѣмъ какъ личная жизнь можетъ быть свойственна только духу. Вотъ почему въ естественной исторіи мы обращаемъ вниманіе на роды и виды,—классификація здѣсь главная задача; въ исторіи же человѣческой насъ интересуютъ также личные характеры дѣятелей. Итакъ, совершенное различіе, т. е. наиболѣе устойчивое (каково внутреннее, духовное, а не внѣшнее, матеріальное) и наиболѣе полное есть различіе личныхъ свойствъ. Поэтому, Абсолютно необходимо мыслить какъ существо личное, обладающее личными свойствами,—въ основѣ которыхъ лежитъ самосознаніе и самообладаніе,—свойствами, наиболѣе между собою различающимися—такъ, какъ различаются между собою лица, почему Абсолютное не только есть личное существо, но притомъ еще существо различающееся въ самомъ себѣ по различію лицъ а вмѣстѣ съ тѣмъ единое по существу. Итакъ, въ Богѣ совершеннѣйшее безусловное единство совмѣщается съ совершеннѣйшимъ, наиболѣе полнымъ различіемъ. Единство существа въ Богѣ, не смотря на свою безусловность, не исключаетъ различія свойствъ, подобно тому и различіе, не смотря на свою полноту, не исключаетъ единства.

Какъ существо личное, Абсолютное уже не есть простое могущество бытія или силы, могущество натуральное, но сверхнатуральное могущество *воли*. Воля божественная, по своему могуществу, неограничена, какъ неограниченно существо Божіе: *она есть всемогущая*. Но неограниченность божественной воли не есть произволь, ибо въ такомъ случаѣ воля божественная была бы несовершенна. Воли божественная все можетъ, но хочетъ она, а потому и дѣйствительно избираетъ и осуществляетъ, всегда только наилучшее, т. е. воля божественная не иначе дѣйствуетъ, какъ съ величайшею *мудростію*, вполне цѣлесообразно. Отсюда, наряду со всемогуществомъ, другимъ личнымъ свойствомъ божественнаго существа, необходимо признать *мудрость*. Наилучшее, избираемое и производимое всегда всемогуществомъ воли Божіей, конечно, заключается не въ чемъ иномъ, какъ только въ блаженствѣ тварей. Блаженство могутъ испытывать только существа чувствующія, живыя. Итакъ, цѣлью, къ которой направляется дѣятельность божественной воли, служить, прежде всего, произведеніе и сохраненіе жизни въ мірѣ. Богъ есть сама жизнь и *источникъ жизни*. Но наслажденіе, заключающееся въ томъ, чтобы жить, свойственно только низшимъ тварямъ: онѣ дѣйствительно не ищутъ наслажденія, довольства, — онѣ стремятся только его *сохранить*, т. е. для нихъ цѣль бытія, или благо, заключается въ самой жизни, которою онѣ уже *обладаютъ*; отсюда само-сохраненіе — законъ ихъ бытія; онѣ живутъ только настоящимъ; будущее для нихъ можетъ имѣть значеніе только какъ продолженіе настоящаго. Человѣкъ же *ищетъ* своего счастья, а не просто находитъ его и обладаетъ имъ; это показываетъ, что благо, ему предназначенное, заключается не въ томъ только, чтобы жить, — погружаться въ наслажденіе настоящимъ, но въ извѣстномъ направленіи жизни, указуемомъ нравственными законами его бытія, въ постоянномъ усовершеніи своихъ силъ чрезъ непрерывную дѣятельность. Поэтому, человѣкъ погрѣшаетъ, когда полагаетъ свое благо въ чувственныхъ наслажденіяхъ, въ животномъ довольствѣ; если только свойственное человѣку исканіе счастья или блага направлено не надлежащимъ образомъ, въ сторону чувственнаго благобытія, то неминуе-

мымъ послѣдствіемъ такого стремленія является пессимизмъ, недовольство жизнію. Человѣкъ предназначенъ къ нравственному совершенству; поэтому, всемогущая и премудрая воля Божія есть не только *благая*, подающая жизнь и довольство всякой твари, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *святая*, повелѣвающая человѣку дѣйствовать не иначе какъ по чувству долга, по закону совѣсти.

Такимъ образомъ, *всемогущество*, *мудрость* и *благость*, нераздѣльная со *святостію*—таковы свойства божескаго существа: *бытіе*, *истина* и *жизнь* въ Богѣ нераздѣльны, составляютъ единое совершеннѣйшее существо. Единство божескаго существа не есть простое безразличіе, но включаетъ въ себѣ всю полноту совершенствъ, ибо всѣ мыслимыя совершенства могутъ быть сведены къ указаннымъ выше свойствамъ Божиимъ: Богъ есть всесовершенная *воля*, всесовершенный *разумъ*; Онъ же есть всесовершенная блаженная *жизнь*.

Но, признавая въ Богѣ абсолютное единство вмѣстѣ съ абсолютнымъ различіемъ, слѣдуетъ ли различіе поставлять въ зависимость отъ единства, или же наоборотъ? Ни то, ни другое, ибо ни единство, ни различіе не было бы совершеннымъ, если бы было условнымъ, зависимымъ, а не абсолютнымъ. Только въ области конечнаго бытія мы видимъ, что или единство господствуетъ надъ различіями и существуетъ какъ бы на счетъ и въ ущербъ различій, или, наоборотъ, разности осуществляются вмѣстѣ съ ослабленіемъ и даже распаденіемъ единства. Въ мірѣ матеріальномъ повсюду господствуетъ величайшее единство, но за то это единство имѣетъ характеръ *однообразія*, ибо заключается въ неизмѣнномъ повтореніи тѣхъ же перемѣнъ и по тѣмъ же всегда неизмѣннымъ законамъ, и, кромѣ того, основою для него служитъ механическая связь частей, вездѣ одинаковаго по своимъ свойствамъ вещества, такъ что разности въ этой области бытія представляются не болѣе какъ внѣшними, несущественными. Наоборотъ, въ мірѣ нравственномъ мы видимъ величайшее разнообразіе, но за то единство представляется здѣсь трудно осуществимою и едва ли достижимою вполнѣ цѣлью. Только существо Абсолютное, какъ всесовершенное, включаетъ въ себѣ величайшее единство вмѣстѣ съ полнымъ и совершеннымъ различіемъ.

Какъ въ Богѣ—разумъ и воля нераздѣльны, истина, благо и жизнь составляютъ одно, такъ и въ ученіи о Богѣ начала теоретическія должны имѣть также и практическое значеніе; положенія догматическія должны заключать въ себѣ основанія и для нравственно практическихъ выводовъ. И точно, въ изложенныхъ доселѣ понятіяхъ о существѣ высочайшемъ, Абсолютномъ, несомнѣнно заключаются принципы, опредѣляющія нравственныя понятія и дѣятельность.

Такъ какъ въ Богѣ величайшее единство не исключаетъ, напротивъ, содержитъ величайшее различіе, то и началами челоуѣческой дѣятельности необходимо признать, съ одной стороны, стремленіе къ единству величайшему, а съ другой—долгъ отстаиванія и соотвѣтственнаго выраженія въ жизни своихъ личныхъ особенностей и дарованій не противныхъ единству. Притомъ, если Богъ есть духъ, то понятно, что и единство и различіе могутъ имѣть величайшее нравственное значеніе только когда имѣютъ свое основаніе въ жизни духовной и служатъ выраженіемъ чисто духовныхъ стремленій. Величайшее духовное единство жизни есть *любовь*. Съ другой стороны, величайшее разнообразіе и полнота духовныхъ дарованій возможны только при *свободѣ* духовнаго развитія. Посему, два есть величайшихъ блага: *любовь* и *свобода*; блага эти относятся между собою какъ средство и цѣль: любовь есть цѣль, а свобода—средство къ этой цѣли. Поэтому, свобода, какъ средство *подчиненное* своей цѣли, подлежитъ ограниченіямъ; напротивъ, любовь, какъ цѣль, свободна отъ всякихъ ограниченій; для любви духовной нѣтъ предѣловъ: она связуетъ прошедшіе, уже отжившіе и перешедшіе въ иную жизнь, роды и племена съ настоящими, а настоящіе съ будущими; только чувственная любовь, основанная на плотскомъ влеченіи и родствѣ, всегда ограничена, но любовь эта можетъ быть названа такъ лишь въ несобственномъ смыслѣ, если, притомъ же, она очищается и возвышается духовнымъ общеніемъ; собственное же ея наименованіе есть—*привязанность, влеченіе, склонность, страсть*. Не только по широтѣ распространенія (любовь простирается на все духовное царство, она связуетъ существа конечныя съ Безконечнымъ), но также по силѣ и крѣпости, любовь—

величайшее благо: любовь все побѣждаетъ, она торжествуетъ надъ всѣми, враждебными ей, силами. Какъ духъ сильнѣе тѣла, такъ любовь могущественнѣе всѣхъ силъ природы. Итакъ, только любовь, состоящая въ служеніи Богу духомъ и истиною, есть единство жизни самое полное и совершенное, равнымъ образомъ только свобода раскрытія духовныхъ дарованій можетъ создать въ царствѣ духа величайшее разнообразіе, притомъ не въ ущербъ единству, но какъ наилучшее средство къ осуществленію его; страсти, влеченія, имѣющія свой корень въ чувственности, разъединяютъ людей, духовныя же стремленія, сколь бы ни были разнообразны, чрезъ взаимное восполненіе и содѣйствіе, только закрѣпляютъ духовный союзъ и общеніе жизни. Изъ любви истекаютъ и къ торжеству любви направлены всѣ обязанности; съ другой стороны, въ осуществленіи свободы заключается истинный смыслъ и освященіе всѣхъ *правъ*, безъ коихъ невозможно правильное и стройное развитіе жизненныхъ отношеній. И какъ свобода, будучи средствомъ къ осуществленію общенія, или единства жизни, должна быть подчиняема этой цѣли и ограничиваема сообразно съ требованіями ея, такъ равнымъ образомъ и всѣ права имѣютъ не самостоятельное, а подчиненное въ отношеніи къ обязанностямъ значеніе и оправдываются только соотвѣтствующими имъ обязанностями. Свобода, отрѣшенная отъ естественнаго для нея подчиненія высшимъ цѣлямъ жизни, заключающимся въ *любви*, обращается въ *эгоизмъ* и *произволъ*; съ другой стороны, дѣла любви, исполняемыя *по принужденію*, а не по свободному избранію души преданной долгу, превращаются въ пустой, безжизненный *формализмъ*.

Любви противоположна *ненависть*; свободѣ противоположно *насиліе*. Только добро имѣетъ значеніе безусловное; такова именно любовь съ неотдѣлимою отъ нея свободою; напротивъ, зло имѣетъ природу всегда относительную, условную; иначе зло было бы другимъ безусловнымъ началомъ, имѣющимъ равную силу и власть какъ и добро, а это невозможно. Поэтому, и ненависть, и насиліе только условно, съ ограниченіемъ, могутъ быть признаны зломъ. Любовь, безъ всякаго ограниченія и условія, есть благо; можно, конечно, сказать, что не просто

любовь, а только любовь къ добру есть благо, но вѣдь только и возможна любовь къ добру; такая любовь, которая и есть любовь истинная, очевидно, требуетъ *самоотреченія*, яснѣйшимъ образомъ свидѣтельствуемаго *любовію ко врагамъ*, т. е. пренебреженіемъ ко вреду, который лично намъ причиняютъ другіе, и обращеніемъ вниманія на добро, которое, хотя бы въ нашихъ врагахъ встрѣчалось, должно быть предметомъ любви. Любить же зло нельзя: зло творится или потому, что доставляетъ выгоды и удовольствія, или же изъ ненависти къ добру, но ни въ какомъ случаѣ не по любви ко злу, такъ же точно какъ истинная свобода возможна только для любящаго, т. е. для человѣка, стремящагося къ добру, между тѣмъ какъ ненавидящій добро—рабъ грѣха. Такъ какъ зло имѣетъ всегда характеръ условный, относительный, то посему и ненависть, противоположная любви, есть зло не безотносительно, а только относительно, условно, именно: ненависть къ добру есть зло; но вѣдь ненависть можно также имѣть ко злу, грѣху, и тогда, очевидно, она не только не есть зло, напротивъ есть обратная, т. е. отрицательная, сторона любви. И Богъ ненавидитъ грѣхъ. Зло должно быть для насъ ненавистно, хотя бы оно оказывалось въ близкихъ къ намъ лицахъ, такъ же точно какъ все доброе должно быть для насъ достолюбезно, хотя бы мы видѣли его у своихъ враговъ. Только равнодушный къ добру и злу неспособенъ чувствовать ненависть. Ненависть къ добру называется *зложелательствомъ*, *злобою*; ненависть ко злу есть *негодованіе*, *гнѣвъ*. Насиліе также есть зло, только въ качествѣ нарушенія свободы духовнаго развитія, въ смыслѣ подавленія духовныхъ дарованій, преслѣдованія всякаго духовнаго превосходства и препятствованія всякимъ дѣятельнымъ стремленіямъ къ добру. Но, съ другой стороны, и насиліе иногда является необходимымъ средствомъ ко благу, когда употребляется для охраненія и защищенія добра.

Хотя любовь и есть выраженіе жизненнаго единства, но какъ такое единство не исключаетъ, а, напротивъ, содержитъ въ себѣ различія, то, поэтому, разнообразны должны быть и проявленія любви. Цѣль одна—единство, общеніе; но къ осуществленію ея ведутъ разные пути. Всякая дѣятельность, на-

правленная къ добру, если только она свободно развивается, по чувству долга, есть выраженіе любви. Любовь всегда *дѣятельна*, а потому только дѣятельность и можетъ быть ея выраженіемъ, именно: любовь всегда стремится къ тому, чтобы добро торжествовало надъ зломъ, отсюда руководящее правило любви: *побѣждай добромъ злое*. Напротивъ, ненависть къ добру можетъ обнаруживаться и *пассивно* и *активно*; она проявляется то въ видѣ косности, безпечности, нерасположенности ко всякому напряженію духовныхъ силъ и отвращенія отъ высшихъ интересовъ и цѣлей духовной жизни (эгоизмъ, страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, корыстолюбіе и т. д.), то въ видѣ дѣятельнаго возбужденія между людьми враждебныхъ чувствъ, страстей, раздоровъ, единственно съ цѣлью достиженія собственнаго благополучія и возвеличенія своей личности (самолюбіе, тщеславіе, гордость, властолюбіе). Насиліе, какъ зло противоположное свободѣ, имѣетъ родство съ ненавистью къ добру въ томъ, что воодушевляется завистью и зложелательствомъ въ отношеніи ко всякому духовному превосходству, — чувствами, имѣющими, очевидно, источникъ свой въ ненависти къ добру; съ другой стороны, насиліе нерѣдко оправдываетъ себя приверженностію къ миру, тишинѣ и спокойствію; въ послѣднемъ случаѣ главною виною этого зла является, очевидно, *неразуміе*, непониманіе истиннаго блага и неумѣнье различать оное отъ зла (не вѣдятъ что творять); при неразуміи — зло нерѣдко творится съ добрымъ намѣреніемъ, или по крайней мѣрѣ съ увѣренностію, что чинимое зло не есть зло, а добро. Тишина, спокойствіе и миръ дѣйствительно суть блага, но только не сами по себѣ, а какъ условія или признаки безпрепятственнаго развитія дѣятельныхъ стремленій къ осуществленію идеаловъ добра. Ибо тишина, спокойствіе и миръ могутъ означать также бездѣятельность, неподвижность, мертвенный покой; означенныя блага, будучи отрицательнаго характера, сами по себѣ означаютъ лишь отсутствіе золъ противоположныхъ имъ, а не присутствіе истинныхъ, положительныхъ благъ, достигаемыхъ только чрезъ свободное развитіе дѣятельности по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ только осуществленіе положительныхъ цѣлей дѣятельности даетъ цѣну и выше-

названнымъ отрицательнымъ благамъ; слѣдовательно, обезпеченіе этихъ послѣднихъ благъ ни коимъ образомъ нельзя признать безотносительною, т. е. вполне самостоятельною цѣлью, которою всегда и во всякомъ случаѣ могло бы оправдываться насиліе, какъ необходимое средство. Дѣятельность, воодушевляемая сильною любовью къ добру, истекающая изъ стремленія къ совершенству, иногда сопровождается ошибками, увлеченіями. Любовь къ добру давно указала на средства противъ ошибокъ и увлеченій, заключающіяся въ томъ, чтобы обличить, вразумить и должнымъ образомъ направить. Но употребленіе этихъ средствъ требуетъ большой мудрости; несравненно легче прямо положить конецъ дѣятельности, представляющейся сомнительною. Но поступать такъ не значитъ ли зарывать таланты данные Богомъ? Всякое умѣнье и всякая способность, направленныя къ добру, суть драгоцѣнные дары Божіи, которые требуютъ попеченія и ухода, дабы они могли принести плодъ свой. Только злая воля, упорство въ заблужденіи, рѣшительное противленіе добру, дѣлаютъ необходимымъ насиліе.

Въ изложенныхъ выше понятіяхъ о Богѣ мы находимъ основанія и для опредѣленія того, каковъ вообще долженъ быть характеръ проявленій какъ самой любви, такъ и тѣсно связаннаго съ нею стремленія къ свободѣ?

По своему всемогуществу Богъ есть причина всякаго бытія. А какъ причина бытія, Богъ никогда не прекращаетъ своей дѣятельности; Богъ непрерывно и вѣчно дѣтеленъ (Отецъ мой дѣлаетъ и я дѣлаю). Поэтому, ближайшее назначеніе и основной долгъ человѣка не въ томъ, чтобы наслаждаться жизнью, но чтобы быть дѣтельнымъ; непрестанный трудъ—это не необходимость, а *обязанность*. Какъ по своему *всегомоществу* Богъ есть причина всякаго бытія, такъ своею *мудростію* Богъ есть основаніе всякой истины. Посему, и дѣятельность человѣческая должна быть сообразна съ истиною: ея отличительными свойствами должны быть правда и справедливость. Человѣкъ не обладаетъ творческою силою такою, какова свойственна Богу; ничего не можетъ онъ создать совершенно не существовававаго; но существующія свойства и отношенія ве-

щей, какъ равно и принадлежащія собственной его природѣ, онъ различнымъ образомъ видоизмѣняетъ и преобразуетъ: понятно какъ необходимо человѣку познаніе природы вещей, а также и собственной природы. Всякій, хотя бы и малозначительное занималъ положеніе, долженъ нести отвѣтственность за свои дѣла предъ Богомъ и людьми, а для этого каждому необходимо *знать* обязанности своего званія, дабы исполнять ихъ съ *разумніемъ*, т. е. сообразно съ *истиною*, или иначе, съ правильнымъ представленіемъ дѣйствительнаго положенія вещей и требованій долгаго. Хотя порядокъ и интересъ дѣла нерѣдко требуютъ непрекословнаго повиновенія волѣ другаго лица, однако это не значитъ, что кому либо изъ людей, подобно животнымъ, предназначено быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другаго. Вотъ почему христіанство требуетъ *наученія* и *просвѣщенія* для cadaго человѣка. И повинующійся волѣ другаго лица долженъ разумѣть необходимость повиноваться, дабы могъ искренно и съ *убѣжденіемъ*, т. е. по совѣсти повиноваться. Человѣкъ всегда долженъ дѣйствовать и поступать такъ, какъ подобаешь разумному существу,—не по слѣпому увлеченію страстей, не по внушенію страха предъ властію карающею и милующею, а *по совѣсти*. Поэтому, для тѣхъ, кому дана власть, должно представляться дѣломъ наиболѣе важнымъ воспитаніе совѣсти въ подвластныхъ, чрезъ что только и можетъ быть обезпеченъ порядокъ, не враждебный, напротивъ благопріятный свободѣ. Съ другой стороны, при такомъ характерѣ дѣятельности никакой трудъ не есть бремя неудобноносимое, но источникъ довольства и счастья; равнымъ образомъ, всецѣлая преданность долгу возможна тогда лишь, когда самъ исполнитель своего дѣла несетъ на себѣ и отвѣтственность за него, а неся отвѣтственность, самъ же и управляетъ со своимъ дѣломъ, такъ что безпрепятственно можетъ прилагать къ нему свой трудъ и знаніе, вмѣсто того, чтобы заботиться лишь объ угожденіи другому лицу. При такихъ условіяхъ дѣятельности было бы невозможно, очевидно, брать на себя дѣло, не обладавъ необходимыми для того знаніями и безъ увѣренности въ своей пригодности для него. Наконецъ, если Богъ все создалъ для блага тварей и ради славы Своей, то

очевидно, что и цѣль дѣятельности человѣческой есть благо другихъ, общее благо. Но это благо должно заключаться не въ чемъ иномъ, какъ только въ нравственномъ совершенствѣ, ибо въ томъ только и можетъ состоять прославленіе Бога, чтобы люди были столь-же совершенны, какъ совершенъ самъ Богъ, а потому это же самое должно быть и ихъ благомъ. Отсюда слѣдуетъ, что и знаніе, необходимое человѣку для выполненія лежащихъ на немъ обязанностей, не должно служить лишь праздному любопытству, т. е. не должно быть мелочнымъ, но способствовать нравственному усовершенію людей.

П. Липницкій.

ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

Какую путаницу въ понятія вноситъ забвеніе той простой истины, что каменные и бронзовыя вещи и орудія нельзя еще считать древнѣйшими и первобытными на томъ только основаніи, что они суть именно каменные и бронзовыя орудія, п насколько археологи склонны прсувеличивать ихъ древность, это видно изъ слѣдующаго случая. На томъ же археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ мы излагали гипотезу о дѣйствительномъ существованіи исполиновъ, о которыхъ свидѣтельствуесть книга Бытія, и представляли различныя, — историческія и археологическія, — доказательства въ пользу этой гипотезы. Четверо оппонентовъ, почтившихъ насъ своими ученными замѣчаніями, не соглашались допустить эту гипотезу, и въ числѣ возраженій однимъ изъ нихъ высказано было и то, что бронзовые ручки, находимые въ землѣ, не больше, а скорѣе даже меньше окружностію нынѣшнихъ браслетовъ. Но достопочтенный оппонентъ забылъ самое главное: доказать принадлежность видѣнныхъ имъ бронзовыхъ ручниковъ тому времени и тому мѣсту, когда и гдѣ жили библейскіе исполины. Дстойно замѣчанія и порицанія не то, что онъ не привелъ такихъ доказательствъ и даже вообще не доказалъ, что эти ручки очень древни, — сдѣлать это очень трудно, — а то, что онъ и не попытался сдѣлать это и даже, повидимому, не считалъ этого и нужнымъ, потому что высказалъ свое возра-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г.—№ 16.

женіе безъ оговорки и съ полнымъ убѣжденіемъ въ его пригодности. Безъ сомнѣнія, у него предносилась мысль, что бронзовый ручникъ eo ipso есть древнѣйшая вещь.

Но если, по сейчасъ изложеннымъ причинамъ, ящикъ съ ярлыкомъ «до-историческая археологія» нагружается вмѣстѣ памятниками и до-историческими и историческими, и пока нѣтъ возможности въ большинствѣ случаевъ отличить первые отъ послѣднихъ и правильно рассортировать, то не лучше-ли сорвать эту надпись, какъ не соответствующую обозначаемому ею содержанію ящика, говоря иначе, нужно изгнать изъ науки самый терминъ «до-историческая археологія», употребленіе котораго пока преждевременно, который вводитъ въ заблужденіе и вноситъ путаницу въ понятія, а пользы наукѣ оказать не можетъ.

Надѣмся, мы достаточно твердо обосновали свою мысль объ изгнаніи изъ науки термина «до-историческая археологія».

Но такъ какъ этотъ терминъ употребляется авторитетными учеными, западными и русскими, и можно сказать, сдѣлался достояніемъ науки, то мы считаемъ нужнымъ раскрыть свою мысль частіе и подтвердить ее указаніями на несостоятельность классификаціи первобытныхъ эпохъ, на произволь въ опредѣленіи ихъ продолжительности и взаимнаго между ними отношенія, а равно и отношенія ихъ къ временамъ историческимъ, на крайнюю неопредѣленность и неустойчивость термина «до-историческій» и т. д. Къстати это даетъ намъ возможность охарактеризовать употребляемые въ этой отрасли археологіи научные приемы.

Прежде всего мы не можемъ обойти вниманіемъ и оставить безъ критики нѣкоторыхъ относящихся сюда сужденій графа Уварова въ его сочиненіи «Каменный вѣкъ въ Россіи», въ начальныхъ главахъ котораго излагаются основныя понятія до-исторической археологіи вообще.

Въ первой главѣ этого сочиненія сказано, что та отрасль археологіи, которая на основаніи вещественныхъ остатковъ временъ, нигдѣ не упоминаемыхъ, раскрываетъ обширный горизонтъ для начала исторіи всѣхъ народовъ, *вполнѣ достойна названія до-исторической.*

Но есть-ли такія времена, о которыхъ нигдѣ не упоминается?

Далѣе, кто знаетъ, къ какой эпохѣ относятся каменные орудія, найденныя въ Россіи и описанныя въ книгѣ графа Уварова? Быть можетъ, они явились во времена, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать до-историческими. Быть можетъ, первые поселенцы въ Россіи уже имѣли желѣзные орудія, когда жили въ Азіи, а переселившись въ Россію, гдѣ руды не было, вынуждены были дѣлать и употреблять каменные орудія; принесенныя-же ими съ собою желѣзные орудія не дошли до насъ потому, что изоржавѣли. Вѣдь желѣзо въ долговѣчности далеко уступаетъ крѣпкимъ породамъ камней, изъ которыхъ дѣлались орудія. Мы въ дѣтствѣ находили, въ самомъ поверхностномъ слоѣ земли, гвозди, до такой степени перержавѣвшіе, что, по снятіи ржавчины, они оказывались вдвое тоньше своей первоначальной толщины, и могли быть согнуты и сломаны даже дѣтской рукой. Можетъ быть, достаточно нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ для того, чтобы, при благоприятныхъ для окисленія условіяхъ, гвозди и даже болѣе крупныя желѣзныя вещи были окончательно съѣдаемы ржавчиной. Въ той-же первой главѣ упоминается о находящемся въ Стокгольмскомъ музеѣ кругломъ камнѣ, на желобкѣ котораго есть желѣзный обручъ, почти совсѣмъ съѣденный ржавчиной. Но кто въ состояніи опредѣлить, сколько подобныхъ обручей и другихъ желѣзныхъ орудій не *почти*, а до тла были уничтожены ржавчиной?

Во 2-й главѣ своего труда графъ Уваровъ говоритъ, что въ грубо обтесанныхъ или отбитыхъ орудіяхъ (не шлифованныхъ) самая грубость отдѣлки,—едва отличивъ, что сдѣланы рукой,—свидѣтельствуетъ объ ихъ древности. —Странное заключеніе! Грубость отдѣлки сама по себѣ свидѣтельствуетъ не о древности народа, а о дикости его, а дикіе народы есть и теперь. Точность требовала-бы выразиться слѣдующимъ образомъ: иныя каменные отбивныя орудія, повидимому, очень древни, другія относятся къ временамъ сравнительно позднѣйшимъ, наконецъ, о времени происхожденія третьихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Не самъ-ли авторъ, и въ той же главѣ, говоритъ, что Кукъ засталъ въ Тихомъ Океанѣ племена въ со-

стояніи каменнаго вѣка и что въ Калифорніи и теперь есть племя, которое имѣетъ только каменные и деревянные орудія? Кромѣ того, мы можемъ сослаться на Катрфажа, который доказалъ, что жители австралійскихъ коралловыхъ острововъ нѣкогда имѣли желѣзные орудія и стояли на довольно высокой ступени развитія, а потомъ, по недостатку руды, перешли къ каменнымъ орудіямъ, и одичали. Спрашивается, одни-ли эти островитяне сдѣлали такой переходъ отъ желѣзнаго вѣка къ каменному? Въ той-же 2-й главѣ графъ Уваровъ говоритъ, что каменные орудія были дѣлаемы и употреблялись долго и послѣ окончанія каменнаго періода на землѣ, но что эти послѣднія должны быть отличаемы отъ издѣлій собственно каменнаго вѣка. Но какъ ихъ отличишь? Въ этомъ вся трудность. По отдѣлкѣ судить о древности орудій нельзя, потому что многіе народы уже давно бросили не только отбивныя, но и шлифованныя каменные орудія, перестали употреблять и бронзу и перешли къ желѣзнымъ издѣліямъ, тогда какъ другіе народы въ это время и даже много позже употребляли отбивныя каменные орудія. Самъ же графъ Уваровъ говоритъ, что каменный вѣкъ продолжался не одинаковое число вѣковъ у разныхъ народовъ и не кончился въ одно время. Но можно добавить, что разница между концомъ каменнаго вѣка у древнѣйшихъ цивилизованныхъ народовъ и позднѣйшихъ простирается на цѣлыя тысячелѣтія. Правда, графъ Уваровъ признаетъ древности каменныхъ орудій и принадлежности ихъ къ первобытному каменному періоду находить въ древности геологическихъ пластовъ, въ которыхъ были погребены нѣкоторыя изъ найденныхъ орудій. Но этотъ признакъ крайне ненадеженъ. Землетрясенія и изверженія, опусканіе и подъемъ суши или дна морского, сползаніе почвы, перемѣна русла рѣкъ, появленіе рѣкъ въ одномъ мѣстѣ и исчезновеніе въ другомъ, наводненія, измѣненія поверхности земли вслѣдствіе вывѣтриванія и разныхъ физическихъ вліяній, искусственныя углубленія, сдѣланныя человекомъ и потомъ засыпанныя и т. п., въ теченіе тысячелѣтій измѣняли расположеніе геологическихъ пластовъ, особенно тѣхъ, которые близки къ поверхности земли. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ переворотовъ и постоянныхъ измѣ-

неній, которые, притомъ, въ древности были, повидимому, сильнѣе, нежели теперь, первобытныя издѣлія человѣка могли быть выброшены на поверхность земли, а позднѣйшія погребены въ глубинахъ ея. Самъ графъ въ 1-й главѣ своей книги заявляетъ, что каменныя орудія большею частію попадаютъ или на поверхности земли, или въ верхнемъ слою пашни. Но кто рѣшится утверждать, что всѣ эти орудія—позднѣйшаго происхожденія? Нѣтъ ничего удивительнаго, что позднѣйшіе народы, копая землю, могли извлекать изъ земли орудія своихъ предковъ и пользовались ими, или же бросали на землю.

Повидимому, до-исторической эпохой всего естественнѣе было-бы признать каменный вѣкъ ¹⁾, т. е. то время, когда никому на землѣ не было извѣстно употребленіе металловъ, и для издѣлій всѣ народы употребляли камень, дерево, кость; ни одинъ изъ такихъ народовъ не можетъ быть названъ историческимъ, и всѣ они, конечно, находились на низкой ступени развитія. Но затрудненіе въ томъ, что археологамъ неизвѣстны ни начало, ни конецъ, ни продолжительность этого періода. О происхожденіи перваго человѣка на землѣ и о первомъ ковачѣ металловъ—этихъ двухъ конечныхъ пунктахъ каменнаго вѣка говорится только въ книгѣ Бытія, а наука объ этомъ ничего не знаетъ. Но и въ самой книгѣ Бытія до-потопная хронологія излагается различно въ еврейскомъ, самаританскомъ и греческомъ текстахъ этой книги; разногласіе доселѣ не примирено, хотя и были предприняемы попытки, такъ что и книга Бытія не даетъ намъ твердыхъ и несомнѣнныхъ отвѣтовъ на вопросы о томъ, сколько протекло времени отъ появленія человѣка на землѣ до перваго ковача, до потопа, до Авраама и до событій, время которыхъ извѣстно и по другимъ источникамъ.

Не зная, даже и приблизительно, продолжительности каменнаго вѣка, археологи склонны опредѣлять ее не меньше какъ въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ и дѣлаютъ попытки дѣле-

1) Гельвальдъ основательно предлагаетъ названіе «каменный вѣкъ» замѣнить названіемъ «до-металлическій вѣкъ». «Естественная исторія племенъ и народовъ», т. 1, стр. 42.

нія этого періода на эпохи, изъ которыхъ каждая считается почти безмѣрной.

Такъ, Брока, раздѣляя, подобно многимъ другимъ археологамъ, каменный вѣкъ на двѣ эпохи: эпоху *тесаного камня* (отбивныя орудія), или *палеолитическую*, иначе *археолитическую* эпоху, и эпоху *полированного* (шлифованнаго) *камня* или *неолитическую*, считаетъ обѣ эти эпохи, и особенно первую, чрезвычайно продолжительными, почти безмѣрными. «Длинный рядъ вѣковъ,—говоритъ онъ,—протекъ прежде, нежели появилась бронза и окончился каменный вѣкъ. Продолжительность эпохи полированного камня была весьма значительна. Въ сравненіи съ нею весь періодъ времени историческихъ очень коротокъ; а между тѣмъ, вся эта эпоха полированного камня, какъ ни длинна она намъ кажется, несравненно короче, чѣмъ каждый изъ тѣхъ періодовъ, изъ которыхъ состоитъ эпоха тесаного камня»¹⁾. А такихъ періодовъ въ палеолитической эпохѣ онъ насчитываетъ четыре. Начался каменный вѣкъ, когда жилъ мамонтъ, съ началомъ образованія послѣ-третичныхъ слоевъ, или такъ называемыхъ четвертичныхъ образованій (дильувій, аллювій), а кончился въ періодъ образованія новѣйшихъ слоевъ и когда уже существовали теперь живущія животныя. Способъ дѣленія палеолитической эпохи на четыре періода Брока заимствовалъ у Мортилье, при чемъ основаніемъ дѣленія служить различіе въ типахъ орудій и въ ихъ отдѣлкѣ.

Ларте дѣлитъ палеолитическую эпоху на три періода, принимая въ основаніе дѣленія послѣдовательность существованія ископаемыхъ животныхъ: періодъ пещернаго медвѣдя, періодъ мамонта и періодъ сѣвернаго оленя.

Дюпонъ на томъ же началѣ дѣлитъ ту же эпоху на два періода: 1) періодъ мамонта, пещернаго медвѣдя и всѣхъ вымершихъ животныхъ и 2) періодъ сѣвернаго оленя.

Ворсо, принимая въ соображеніе, кромѣ палеонтологическихъ остатковъ, остатки археологическіе, дѣлитъ палеолитическую эпоху на два періода: 1) періодъ мамонта и 2) періодъ сѣвернаго оленя и кухонныхъ остатковъ.

¹⁾ Упомянутая статья, стр. 132—136.

Другой принципъ дѣленія у Реневье. Онъ дѣлитъ палеолитическую эпоху на періоды: до-ледниковый, ледниковый, послѣ-ледниковый и періодъ свайныхъ построекъ.

Того же начала дѣленія держится и Мортилье, но насчитываетъ большее число эпохъ. Онъ устанавливаетъ слѣдующую классификацію эпохъ существованія человѣка; эпоха *Шеллийская* (Сентъ-Ашель), продолжавшаяся будто-бы 78 т. лѣтъ и предшествовавшая ледниковому періоду; единственнымъ орудіемъ и утварью человѣка въ эту эпоху былъ каменный топоръ, употреблявшійся въ борьбѣ на подобіе кастета; люди этой эпохи были подобны тѣмъ, типъ которыхъ хотятъ видѣть въ неандертальскомъ черепѣ, они не знали употребленія огня и не умѣли говорить. Эпоха *Мустьерская* (пещера Мустье въ Дордоньи). Характернымъ орудіемъ этой эпохи было «остріе Мустье». Оно насаживалось на копье, было огранено съ одной стороны, съ другой сколото; но не обоюдо-выпуклое, какъ топоръ первой эпохи, а плоско-выпуклое. Попадаются еще скребокъ и многочисленные осколки кремней. Костяныхъ орудій совсѣмъ нѣтъ. Эта эпоха, совпадавшая съ ледниковымъ періодомъ въ Европѣ, продолжалась 100 т. лѣтъ. Эпоха *Сомтррейская*, послѣ-ледниковая, тянувшаяся 11 т. лѣтъ. Въ эту эпоху употреблялись кремневое остроконечіе на подобіе лавроваго листа, скобель, ножи, пилы, буравы. Эпоха *Маделенская*, продолжавшаяся 33 т. лѣтъ. Въ это время жила кроманьонская раса (Везерскіе троглодиты), употреблявшая, кромѣ каменныхъ орудій, костяныя орудія и утварь, на которыхъ иногда есть рисунки.—Эти четыре эпохи составляютъ одинъ палеолитическій, продолжавшійся 222 т. лѣтъ, вѣкъ, въ теченіе котораго орудія и утварь приготовлялись посредствомъ оббивки, ударовъ и тесанія, но не были шлифуемы. Во все это время человѣкъ не имѣлъ религіи, такъ какъ будто-бы нѣтъ слѣдовъ погребанія мертвецовъ. Послѣ этого изъ Западной Азіи пришла другая раса, предки Арійцевъ, которая имѣла религію, принесла съ собой въ Европу хлѣбныя растенія (пшеница, рожь, ячмень, ленъ) и домашнихъ животныхъ (собака, корова, лошадь, овца, коза, свинья), обрабатывала землю, имѣла шлифованныя орудія, строила дома на сваяхъ (въ Швейцаріи) и воздвигала громадныя (мегалитическія)

памятники изъ необдѣланныхъ камней, умѣла выдѣлывать ткани, сѣти и горшечную посуду. Эту эпоху Мортилье называетъ *Рабеншюзской*, она-же *неолитическая*, потому что въ это время были въ употребленіи шлифованныя орудія. Она началась, приблизительно, за 16 т. лѣтъ до нашего времени. За неолитической эпохой послѣдовали вѣка: мѣди, бронзы (сплавъ мѣди и олова) и желѣза. Изъ сказаннаго видно, что, по мнѣнію Мортилье, человѣкъ живетъ въ Европѣ почти 240 т. лѣтъ.

Карталякъ указаніе на чрезвычайную отдаленность отъ насъ каменнаго вѣка находитъ въ томъ, что даже у самыхъ древнихъ историческихъ народовъ не сохранилось воспоминанія о томъ, что нѣкогда люди употребляли каменные орудія: какъ извѣстно, народъ приписываетъ имъ небесное происхожденіе.

Другіе ученые начало каменнаго вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начало человѣческаго рода относятъ къ еще болѣе глубокой древности. Четверть вѣка тому назадъ аббатъ Буржуа нашелъ въ третичныхъ формаціяхъ небольшіе камни, какъ бы оббитые рукой человѣка, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли такой видъ, что какъ будто-бы подвергались дѣйствию огня. Подобные же камни, и тоже въ третичныхъ пластахъ, нашли два другихъ ученыхъ, Рамесъ и Рибейро.

Мортилье, какъ дарвинистъ, приписалъ ихъ не человѣку, а его предшественнику, котораго такъ старательно и напрасно ищутъ дарвинисты, назвалъ его аитропопиѳикомъ и раздѣлилъ на три вида, по именамъ трехъ ученыхъ, нашедшихъ камни въ третичныхъ отложеніяхъ; а самую эпоху, когда жилъ аитропопиѳикъ, Мортилье назвалъ *эолитической* (заря каменнаго вѣка) или *ѳенейской* (по мѣстности, въ которой Буржуа нашелъ камни). Другіе же ученые, и въ числѣ ихъ Катрфажъ, признали эти камни произведеніемъ человѣка, который, такимъ образомъ, является современникомъ образованія третичныхъ формацій, т. е. съ геологической точки зрѣнія человѣку приписывается необычайная древность.

Уже изъ разногласія ученыхъ касательно археологическихъ эпохъ, времени ихъ продолжительности и взаимнаго между ними отношенія обнаруживается шаткость всѣхъ сейчасъ при-

веденныхъ мнѣній, преждевременность и несостоятельность дѣлений первобытныхъ временъ на эпохи.

Совершенно не установленъ принципъ дѣленія на эпохи. Въ основаніе дѣленія полагаются то археологическія, то палеонтологическія, то геологическія данныя. А такъ какъ отношенія и связь между фактами этихъ наукъ не опредѣлены, то нельзя даже сказать, какое дѣленіе нужно признать наиболѣе правильнымъ и какой наукѣ нужно предоставить первенство въ рѣшеніи вопроса о до-историческихъ эпохахъ. Такая неустановленность начала для классификаціи эпохъ и ихъ характеристики влечетъ за собой невозможность ученымъ воспользоваться, какъ должно, всѣми имѣющимися на лицо фактами касательно этихъ эпохъ. Вся сумма относящихся къ древнѣйшимъ эпохамъ человечества фактовъ геологіи, палеонтологіи, археологіи, исторіи, географіи, даетъ пока неупорядоченный наборъ отрывочныхъ, безсвязныхъ свѣдѣній, и опредѣлить истинное значеніе и взаимную связь огромнаго большинства этихъ фактовъ пока еще нельзя. Поэтому, археологи не только не дѣлаютъ попытокъ строить свои гипотезы на совокупности фактовъ всѣхъ этихъ наукъ, но и не могутъ ихъ дѣлать. Каждый изъ нихъ для характеристики эпохъ беретъ данныя какой-либо одной, много двухъ наукъ; такъ, напр., Ларте и Дюпонъ дѣлятъ палеолитическую эпоху на періоды по даннымъ палеонтологіи, Брока и Мортилье— по даннымъ археологіи, и отчасти геологіи, то же и Реневье и Ворсо. Но что фактовъ одной и даже двухъ наукъ оказывается для уснѣха въ дѣлѣ недостаточно, это видно изъ того, что, пользуясь одними и тѣми же палеонтологическими данными, Ларте дѣлитъ палеолитическую эпоху на три періода, а Дюпонъ на два; Реневье причисляетъ свайныя постройки къ палеолитической эпохѣ, а Мортилье— къ неолитической; по счету Реневье до времени свайныхъ построекъ было только три эпохи, а по расчету Мортилье— четыре, а между тѣмъ у того и другого ученаго исходнымъ началомъ для классификаціи эпохъ служитъ ледниковый періодъ. Лучшихъ результатовъ нельзя и ожидать, если принять во вниманіе, что первобытные археологическіе памятники сами по себѣ никакихъ хронологическихъ датъ не имѣютъ, и ар-

хеологамъ приходится обращаться для установки своей хронологіи къ палеонтологіи и геологіи. Но эти науки сами не имѣютъ хронологіи, и могутъ только сказать, да и то рѣдко, что то-то было раньше, а это позже; а когда именно—онѣ хранятъ молчаніе.

Самый крупный недостатокъ въ изслѣдованіяхъ о первобытной старинѣ вообще и, въ частности, въ построеніи классификаціи первобытныхъ эпохъ состоитъ въ томъ, что археологи допускаютъ необоснованность и произволъ въ выводахъ, даютъ излишній просторъ фантазіи въ догадкахъ и гипотезахъ.

Прежде всего, много произвола въ самыхъ принципахъ счисленія времени первобытныхъ эпохъ, напр., по толщинѣ отложеній, происходящихъ въ данный періодъ въ настоящее время въ рѣкахъ, дельтахъ и озерахъ, заключаютъ о количествѣ лѣтъ, въ которое образовался слой извѣстной толщины. Но такія вычисления были бы вѣрны лишь въ томъ случаѣ, если бы рѣки всегда отлагали ежегодно такой же толщины слои, какъ и въ настоящее время. А между тѣмъ, несомнѣнно, условія теченія рѣкъ въ разныя времена измѣнялись, и отложенія совершались не равномерно. Въ частности, въ ледниковую эпоху и въ непосредственно слѣдовавшее за нею время воды было больше и отложенія въ рѣкахъ совершались быстрее. Рѣки настолько измѣнчивы, что иногда даже на памяти старожилъ мѣняють свое русло. Поэтому, по глубинѣ лежащихъ въ рѣчныхъ отложеніяхъ предметовъ нельзя заключить, даже и приблизительно, о времени происхожденія этихъ предметовъ, не говоря уже о томъ, что въ мягкомъ наносномъ грунтѣ тяжелые и малые по объему предметы могли углубиться отъ собственной тяжести и давленія верхнихъ слоевъ. Не смотря на это, геологи и археологи дѣлають подобныя заключенія и насчитываютъ сотни тысячъ лѣтъ такимъ предметамъ, которые, быть можетъ, произошли на памяти исторіи.

Въ Кентской пещерѣ найдены были погребенными подъ сталагмитами и сталактитами кости человѣка и животныхъ, орудія и утварь; а такъ какъ сталактиты и сталагмиты образуются крайне медленно, часть дюйма въ столѣтіе, то отсюда сдѣлали выводъ, что человѣкъ, которому принадлежали

найденныя кости и утварь, жилъ за много десятковъ тысячъ лѣтъ до нашего времени. Но при этомъ забываютъ, что въ иныхъ случаяхъ сталактиты и сталагмиты образуются быстро.

Мортилье изъ наблюдений надъ движеніями современныхъ Альпійскихъ ледниковъ заключаетъ, что ледниковый періодъ продолжался 100 т. лѣтъ, до-ледниковый 78 т. лѣтъ, а отъ ледниковаго періода до нашихъ дней прошло около 60 т. лѣтъ. Но его вычисленія такъ мало обоснованы, что онъ и самъ-то вѣритъ имъ быть можетъ потому, что ему, какъ дарвинисту, во что-бы-то ни стало нужно доказать, что человѣкъ существуетъ на землѣ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ. Выдавая свои фантастическія вычисленія за несомнѣнную истину, Мортилье не обращаетъ вниманія на факты, свидѣтельствующіе о пезначительной отдаленности отъ насъ ледниковаго періода, именно: 1) на горахъ сохранились царапины отъ движенія ледниковъ, а царапины успѣли бы ступеваться чрезъ вывѣтриваніе, если бы съ тѣхъ поръ протекло 60 т. лѣтъ; 2) по новой, весьма правдоподобной, астрономической гипотезѣ происхожденія ледниковъ, ледниковый періодъ кончился только за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашихъ дней, и продолжительность его была незначительна ¹⁾.

Еще болѣе произвола допускается въ мнѣніяхъ о смѣнѣ формъ органической жизни на землѣ и о послѣдовательности и продолжительности фазъ развитія человѣческаго рода: а отъ этого и самое ученіе объ археологическихъ эпохахъ является паткимъ и сбивчивымъ. Очень мало выяснено, что за чѣмъ въ первобытныя времена слѣдовало, и на какомъ разстояніи слѣдовало, и что совершалось одновременно. Такъ, напр., на основаніи факта вымиранія однихъ животныхъ и появленія другихъ, совершавшагося во время существованія человѣка неоднократно, заключаютъ о громадной продолжительности существованія человѣка. Ларте, Дюпонъ и другіе ученые построили, какъ мы видѣли, на этомъ фактѣ классификацію первобытныхъ эпохъ. Но они раздѣлили эпохи по наиболѣе характернымъ и чаще встрѣчающимся въ извѣстную эпоху животнымъ. А между тѣмъ, животное первой эпохи могло суще-

1) «Русское Богатство», 1888 г., октябрь.

ствовать и во вторую эпоху, только въ маломъ количествѣ, почему и не сохранилось отъ второй эпохи его остатковъ, равнымъ образомъ и животныя второй эпохи появились еще въ первую эпоху, но только не были распространены, такъ что, напр., эпоха мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ могла въ значительной своей части совпадать съ эпохой сѣвернаго оленя. Невозможность точно отграничить эпохи по палеонтологическимъ остаткамъ ясно обнаружилась въ томъ, что, между тѣмъ какъ Ларте выдѣляетъ особую эпоху для пещернаго медвѣдя, и особую для мамонта, Дюпонъ относитъ этихъ животныхъ къ одной эпохѣ.

Еще труднѣе установить послѣдовательность эпохъ и опредѣлить ихъ продолжительность и взаимное отношеніе въ первобытныя времена по археологическимъ памятникамъ. Трудность эта зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что жизнь человѣческаго рода всегда проявлялась слишкомъ разнообразно, многосторонне и, скажемъ, капризно, чтобы легко можно было уложить ее въ рамки, предписанныя школьной доктриной. Притомъ, хотя первобытныхъ археологическихъ памятниковъ открыто во многихъ странахъ земнаго шара очень много, но для того, чтобы составить достовѣрную характеристику быта, жизни и развитія всѣхъ расъ, племенъ и народовъ первобытнаго человечества, ихъ слишкомъ-слишкомъ мало, не говоря уже о томъ, что они памятники безгласные, малопонятные и по своему характеру, такъ сказать, внѣшніе. Какъ мы сказали, и пласты земные образовывались, смотря по времени, мѣсту и другимъ условіямъ, разнообразно и неравномѣрно; но несравненно болѣе разнообразна въ своихъ проявленіяхъ жизнь органическая, и чѣмъ выше видъ и развитіе этой жизни, тѣмъ болѣе она многосложна, измѣнчива и разнообразна, а жизнь человѣческаго рода, какъ высшій видъ жизни на землѣ, по сложности и разнообразію далеко превосходитъ всѣ прочіе виды жизни и движенія на землѣ. Разнообразіе это условливается самымъ устройствомъ богато-одаренной и крайне-сложной психическо-физической природы человѣка, необычайной эластичностію и воспримчивостію этой природы и способностію ея къ развитію. Благодаря такому устройству, произошли расы,

племена, языки, народности; различныя части и особи чело-вѣчества оказались стоящими на различныхъ до безконечности ступеняхъ развитія, и природныя способности получили безгранично-разнообразныя оттѣнки и характеры. Чрезвычайно много значило также, въ какой мѣстности приходилось жить тому или другому народу— жаркой, теплой, или холодной, гористой, или низменной, сухой или сырой, приморской, или материковой, плодородной, или скудной, богатой металлами, или лишенной ихъ. Огромное вліяніе, то благопріятное, то вредное, оказывали еще международныя отношенія, какъ мирныя, такъ и враждебныя; они, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, служили толчкомъ къ переселеніямъ народовъ, которыя въ небольшихъ размѣрахъ совершались и доселѣ совершаются непрерывно, а въ иныя эпохи, какъ, напр., въ началѣ среднихъ вѣковъ, принимали обширныя размѣры. Великіе завоеватели, вродѣ Нимврода, Навуходоносора, Кира Персидскаго, Александра Македонскаго, Чингисхана, Тамерлана и Наполеона въ нѣсколько десятковъ лѣтъ измѣняли этнографическую и политическую карту земли до неузнаваемости: цвѣтушія и многолюдныя царства превращались въ безлюдныя, усѣянныя развалинами, пустыни, а вдругихъ мѣстахъ возникали новыя многолюдныя центры; богатые и образованные народы были порабощаемы, разорялись и дичали, а полудикіе кочевники, достигшіе господства, напротивъ, богатѣли и цивилизовались. Жизнь въ одномъ мѣстѣ либо быстро замирала отъ какого-либо грознаго переворота, либо постепенно ослабѣвала и истощалась отъ постояннаго дѣйствія тѣхъ или другихъ причинъ; но, зато, въ другихъ мѣстахъ она зарождалась и пышно разцвѣтала. Цивилизація какъ въ цѣломъ челоуѣческомъ родѣ, такъ и въ отдѣльныхъ племенахъ его, никогда не шла прямолинейно и никогда не двигалась равномерно; смотря по времени, мѣсту, народу и другимъ многочисленнымъ обстоятельствамъ, развитіе совершалось то медленно, то быстро, приобрѣтало то такой, то другой характеръ, останавливалось; иногда начиналось движеніе назадъ, то временное, то окончательное, завершавшееся упорнымъ одичаніемъ или вымираніемъ народа и племени. Рѣка жизни челоуѣческаго рода раздробилась на

многочисленные рѣчки и ручьи, которые, отличаясь другъ отъ друга длиной, шириной, быстриной и направлениемъ теченія, и сами различны въ разныхъ мѣстахъ своего теченія: то мелки, то глубоки, то узки и быстротечны, то широки и тихи, и всѣ вообще имѣютъ до крайности извилистое теченіе. Само собой понятно, что на основаніи изслѣдованія, которое притомъ часто бываетъ очень поверхностно. незначительной части теченія любого изъ этихъ ручьевъ, невозможно дѣлать опредѣленные заключенія и точные выводы о теченіи всего ручья, и еще меньше—о теченіи прочихъ ручьевъ. Но историки и археологи, увлекаясь идеей о постепенности и непрерывности прогресса человѣческаго рода, забываютъ это; заполняя огромные пробѣлы въ фактическихъ знаніяхъ о первобытныхъ временахъ измышленіями фантазіи. они, на основаніи отрывочныхъ и мало-понятныхъ данныхъ, классифицируютъ эпохи и даже исчисляють ихъ продолжительность, и въ концѣ концовъ, съ увѣренностію рѣшаютъ вопросъ о томъ, сколько тысячъ лѣтъ существуетъ человѣкъ. Расчисленія основаны на томъ началѣ, что развитіе у всѣхъ народовъ началось, такъ сказать, съ нуля, совершалось повсюду одинаково, вездѣ было прямолинейное и въ первичныя эпохи до такой степени медленное, что оно почти равнялось стоянію на одномъ мѣстѣ. Но такъ какъ это начало, принимаемое многими археологами за несомнѣнную истину, не вѣрно, или, по крайней мѣрѣ, должно быть во многомъ ограничено и поправлено, то понятно, какія огромныя ошибки неизбѣжно должны закрасться въ основанные на этомъ началѣ счисленія. Опытъ подтверждаетъ это; представимъ примѣры и приведемъ нѣкоторыя соображенія.

Камни, найденные въ третичныхъ формаціяхъ Буржуа, Рамесомъ и Рибейро, Мортилье не только призналъ за орудія, сдѣланныя предшественникомъ человѣка антропопиномъ, но и нашелъ въ нихъ указаніе на три послѣдовательныя стадіи развитія антропопинома, на три эпохи, которыя онъ и назвалъ именами трехъ упомянутыхъ ученыхъ, какъ будто эти камни, найденные въ трехъ разныхъ мѣстахъ, не могли быть сдѣланы одновременно. До какой степени произвольно это дѣленіе, объ этомъ можно судить уже по тому, что всѣ эти камни, по причинѣ неопредѣленности ихъ формы и непригодности для

какой бы то ни было цѣли, съ самого начала, и особенно теперь признаны многими учеными за натуральные камни. Теперь наблюденіями и опытомъ дознано, что отъ дѣйствія натуральныхъ причинъ кремни разбиваются на мелкіе рѣзущіе куски ¹⁾, а таковы именно и есть камни Буржуа. Ученый Арселенъ сталъ собирать кремни изъ болѣе древнихъ слоевъ, во время образованія которыхъ человѣкъ положительно не могъ существовать, и изъ нихъ многіе могли бы быть приняты за орудія, если бы они были найдены въ новѣйшихъ формаціяхъ. Очень естественно, что подобные камни оказались и между камнями Өнейскими (мѣстность на Луарѣ и Шерѣ), найденными аббатомъ Буржуа, въ большомъ количествѣ. Замѣченные на нѣкоторыхъ камняхъ признаки дѣйствія огня ученые объяснили такъ, что кремни были съ примѣсью руды, которая отъ соприкосновенія съ мѣломъ (они лежали между мѣловой и четвертичными формаціями) окислялась, отъ чего развивалась теплота. Кромѣ того, иные высказали предположеніе, что третичные слои на Луарѣ могли образоваться въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ начались четвертичныя отложенія. Вообще, существованіе третичнаго человѣка доселѣ не подтверждено ни однимъ несомнѣннымъ фактомъ.

Тотъ-же Мортилье, какъ мы видѣли, опредѣляетъ вѣкъ человѣчества въ 240 тысячъ лѣтъ, исчисляетъ и продолжительность всѣхъ эпохъ, пережитыхъ человечествомъ. Но такъ какъ единицей мѣры послужило для него протяженіе ледниковаго періода, а это протяженіе онъ опредѣлилъ совершенно произвольно и до крайности преувеличилъ, то и всѣ его расчеты и цифры нужно признать рѣшительно невѣрными и фантастичными. Кстати сказать, Солотрейская эпоха, продолжавшаяся будто бы 11 тысячъ лѣтъ, на самомъ дѣлѣ совпадаетъ съ Маделенской эпохой, потому что и въ Солотра найдены были не одни каменные, но и костяныя орудія, которыя Мор-

1) Это замѣтилъ Дезоръ и Эшеръ въ Сахарѣ, Фраасъ въ Египтѣ; а Вертрапъ подвергъ тѣ камни Буржуа, которые всѣми признаны за натуральные, дѣйствию воздушныхъ перемѣнъ и получилъ осколки, похожіе на камни Буржуа, считаемыя нѣкоторыми учеными за издѣлія человѣка, или его предшественника.

тилье призналъ характерною особенностію Маделенской эпохи. Мы не говоримъ уже о томъ, что Шеллійская, Мустьерская и Маделенская эпоха, изъ которыхъ каждая будто-бы продолжалась десятки тысячъ лѣтъ, могли существовать одновременно, а не слѣдовать одна за другой: въ то время, какъ одно племя употребляло сентъ-ашельскій топоръ, другое пользовалось топоромъ Мустьерскимъ, подобно тому, какъ и теперь одни народы имѣютъ усовершенствованныя ружья, другіе — ружья старинныя, третьи вовсе не пользуются огнестрѣльнымъ оружіемъ, а четвертые даже и холодное-то металлическое оружіе имѣютъ чрезвычайно несовершенное, или даже пользуются только каменными, костяными и деревянными орудіями. Населеніе въ Европѣ было пришлое, и переселявшіеся въ нее въ разныя времена изъ Азіи разныя народы могли приносить съ собою образцы орудій. Это подтверждается и тѣмъ, что найденныя въ Европѣ первобытныя орудія не представляютъ послѣдовательнаго перехода отъ палеолитическаго вѣка къ неолитическому, отъ неолитическаго къ бронзовому и отъ этого послѣдняго къ желѣзному. По мнѣнію Мортилье, человѣкъ жилъ въ Европѣ до-ледниковаго періода въ теченіе 78 тысячъ лѣтъ и въ теченіе ледниковаго 100 тыс. лѣтъ. Но факты показываютъ, что все это выдумка, ни на чемъ почти не основанная. Правда, человѣкъ жилъ въ Европѣ одновременно съ мамонтомъ, пещернымъ медвѣдемъ и сѣвернымъ оленемъ, вообще съ животными ледниковаго періода; но не доказано, что они исчезли вмѣстѣ съ ледниковой эпохой; даже скорѣе можно предполагать противное, такъ какъ доказано, что они существовали раньше ледниковаго періода, слѣдовательно, не были вызваны этимъ послѣднимъ и не зависѣли отъ него въ своемъ существованіи. Кромѣ того, нигдѣ не найдено остатковъ человѣческаго существованія ниже ледниковъ и въ ледникахъ, а только надъ ледниками. На этомъ основаніи Вирховъ и другіе ученые предполагаютъ, что человѣкъ явился въ Европѣ послѣ-ледниковаго періода. По наблюденіямъ Пенка (Penc), остатки палеолитическаго человѣка находятся на мѣстахъ древнѣйшихъ моренъ; и нѣтъ ихъ тамъ, гдѣ лежатъ морены, спустившіяся съ горъ послѣдними; эти мѣста, судя по остаткамъ, были заняты нео-

литическими племенами. Пенкъ полагаетъ, что палеолитическія племена не заняли этихъ послѣднихъ мѣстъ потому, что они были еще покрыты льдомъ. Выводъ тотъ, что палеолитическій человѣкъ явился въ концѣ ледниковаго періода. Явился ли человѣкъ въ Европѣ въ концѣ ледниковаго періода, какъ думаетъ Пенкъ, или послѣ него, какъ предполагаетъ Вирховъ, оба эти основательныя мнѣнія совершенно ниспровергаютъ мнѣніе Мортилье какъ о чрезвычайной продолжительности вѣка человѣчества, такъ и о продолжительности и послѣдовательности эпохъ. Если человѣкъ явился послѣ ледниковаго періода, то выйдетъ, что даже по хронологіи Мортилье человѣкъ существуетъ только 60 тысячъ, а не 240 тысячъ лѣтъ; а если принять не фантастическую хронологію Мортилье, а астрономическую гипотезу о времени существованія и продолжительности ледниковаго періода, то окажется, что человѣкъ существуетъ приблизительно столько, сколько показываетъ библейская хронологія. Вотъ какъ достовѣрны археологическія хронологіи и классификаціи эпохъ, построенныя Мортилье и другими учеными!

Держась принципа, что человѣчество всегда и во всѣхъ своихъ частяхъ постепенно, хотя и медленно, двигалось впередъ, археологи-доктринеры рѣшили, что сначала былъ вѣкъ палеолитическій, тянувшійся будто бы чрезвычайно долго, потомъ вѣкъ неолитическій, менѣе продолжительный, но все-таки очень длинный въ сравненіи съ историческимъ періодомъ человѣчества, затѣмъ слѣдовалъ вѣкъ мѣдно-бронзовый, смѣненный вѣкомъ желѣзнымъ; что эти вѣка выражаютъ четыре главныхъ стадій развитія человѣческаго рода, переходившаго изъ дикаго состоянія (вѣкъ палеолитическій) въ менѣе дикое (вѣкъ неолитическій), сдѣлавшагося потомъ полу-культурнымъ (мѣдно-бронзовый вѣкъ) и наконецъ культурнымъ (желѣзный вѣкъ); что эти стадіи проходили и эти вѣка переживали всѣ народы. Но многіе факты показываютъ, что послѣдовательность вѣковъ и соотвѣтствіе ихъ со стадіями развитія человѣчества и отдѣльныхъ племенъ его не всегда и не вездѣ имѣли такой видъ, и ученіе археологовъ объ эпохахъ оказывается не строго научнымъ и слишкомъ широкимъ обобщеніемъ, основаннымъ на

недостаточномъ количествѣ фактовъ, которые, притомъ, разрознены, дурно поняты и произвольно истолкованы.

Во-первыхъ, мнѣніе многихъ иностранныхъ ученыхъ, повторенное изъ нашихъ археологовъ графомъ Уваровымъ, будто теперь доказано, что всѣ народы начинали съ каменнаго вѣка, не вѣрно, какъ не вѣрна и основа этого мнѣнія, будто начало каждаго народа есть состояніе дикости. Это мнѣніе не только не доказано относительно многихъ народовъ, но даже есть факты, прямо его ниспровергающіе. Такъ, у алтайскихъ и туранскихъ народовъ, повидимому, не было каменнаго вѣка, потому что по ихъ преданіямъ человѣкъ съ самаго начала пользовался металлами ¹⁾ и, что особенно важно, въ ихъ языкахъ металлы и орудія имѣютъ одни и тѣ же названія, тогда какъ у народовъ, пережившихъ каменный вѣкъ, названія орудій сходны съ названіями камней. Въ Индіи и въ Египтѣ съ древнѣйшихъ временъ употребляли бронзу, а въ Западной Азіи желѣзо, и пока не доказано, что первобытные предки народовъ этихъ странъ имѣли каменные орудія. Въ мѣстахъ обитанія древнихъ образованныхъ народовъ каменныхъ орудій найдено мало, а это даетъ право думать, что одновременно съ каменными орудіями тамъ употребляли и металлическія, и чистаго каменнаго вѣка или со всѣмъ не было, или онъ былъ не долго. Судя по нѣкоторымъ лингвистическимъ даннымъ, иные народы для выковки желѣзныхъ орудій прежде всего воспользовались метеоритами. Метеоритное желѣзо чище горнаго и потому легче плавится. Пользуясь обломками метеоритовъ, какъ каменными орудіями, первобытный человѣкъ очень скоро могъ замѣтить, что отъ огня эти камни размягчаются и тогда легко принимаютъ какую угодно форму, и по охлажденіи опять становятся твердыми и сохраняютъ принятую форму. Обработка этихъ, пропитанныхъ металломъ камней, привела къ обработкѣ похожей на нихъ горной руды. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ странахъ, изо-

¹⁾ Одинъ изъ героевъ-полубоговъ финской Калевалы, Ильмариненъ, соответствующій греческому богу Плутону, сдѣлалъ себѣ жену изъ золота вмѣсто умершей живой жены.

билующихъ металлами и населенныхъ патріархальными, но даровитыми отъ природы народами, случай, нужда, наблюдательность, изворотливость и сметливость скоро научили человѣка обрабатывать металлы.

Во-вторыхъ, между тѣмъ какъ у однихъ народовъ не было каменнаго вѣка, или по крайней мѣрѣ неолитической эпохи его, у другихъ не было бронзоваго вѣка. Бронзовый вѣкъ, повидимому, вовсе не былъ переходной эпохой отъ каменнаго вѣка къ желѣзному. Теперь, кажется, признано, что бронзовый вѣкъ существовалъ только по мѣстамъ и продолжался короткое время. Вѣроятно, онъ существовалъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ были находимы мѣдь и олово. Поэтому, его вовсе нельзя признавать за стадію развитія человѣческаго рода, или даже нѣкоторой части его.

Въ-третьихъ, эпохи палеолитическая и неолитическая, бронзовый и желѣзный вѣкъ существовали въ разныхъ странахъ и у разныхъ племенъ одновременно, а иногда совпадали у одного и того же народа. Прежде думали, и до сихъ поръ многіе полагаютъ, что неолитическая эпоха всегда слѣдовала за палеолитической; но другіе ученые, и въ числѣ ихъ Иностранцевъ ¹⁾, считаютъ ихъ одновременными. Въ то время, какъ въ Европѣ употребляли палеолитическія орудія, въ Азіи и Африкѣ уже давно цвѣла цивилизація и были въ употребленіи орудія мѣдныя и желѣзныя, рядомъ и одновременно съ которыми употреблялись и каменные орудія. Съ другой стороны, и въ Европѣ въ неолитическую эпоху существовали уже металлическія орудія. Въ нѣкоторыхъ свайныхъ постройкахъ находятъ каменные орудія вмѣстѣ съ металлическими, а въ другихъ только каменные; но такъ какъ теперь признано, что эти постройки были воздвигнуты Аріійцами, а Аріійцы еще въ первобытной родинѣ своей, до расселенія по разнымъ странамъ, пользовались металлами, то несомнѣнно, что для обитателей свайныхъ жилищъ каменный вѣкъ прошелъ, хотя они не перестали употреблять каменные орудія. Въ настоящее время эскимосы вмѣстѣ съ каменными орудіями упо-

¹⁾ Геологія, т. 2, стр. 505—507.

требляють и металлическія. Не слѣдуетъ забывать, что народы, перешедши въ бронзовый, или желѣзный вѣкъ, очень долго употребляли каменные, деревянные и костяные орудія, отчасти по привычкѣ къ нимъ и въ силу закона переживанія, отчасти по дешевизнѣ ихъ и общедоступности, отчасти, наконецъ, потому, что нѣкоторыя изъ нихъ были удобнѣе, нежели аналогичныя орудія изъ металла. При трудности обработки металловъ въ странахъ, небогатыхъ рудой, при затруднительности торговаго обмѣна въ первобытныя времена, металлическія орудія очень долго были достояніемъ только богатыхъ, знатныхъ и сильныхъ людей. И въ настоящее время въ средѣ одного и того же народа, напр., русскаго, одни употребляютъ вещи изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, другіе пользуются такими же вещами изъ мѣди, желѣза, бронзы и менѣе дорогихъ камней, а иные изъ кости и дерева. Не должно также опускать изъ вниманія, что если въ какой-либо мѣстности найдены только одни каменные орудія, то отсюда не слѣдуетъ заключать, что вмѣстѣ съ ними не было металлическихъ орудій: они могли быть въ небольшомъ количествѣ, но ихъ съѣла ржа, или они были унесены пришлыми побѣдителями, такъ какъ въ первобытныя времена они были цѣннѣе, нежели теперь золото. Поэтому, ни въ одномъ частномъ случаѣ нельзя, даже и съ приблизительною точностію, опредѣлить конецъ каменнаго вѣка и начало металлическаго. Еще менѣе можно отъ протяженія каменнаго вѣка у одного народа заключать по аналогіи къ продолжительности его у другихъ народовъ; потому что въ странахъ, не имѣющихъ металловъ, у народовъ тупоумныхъ и поставленныхъ въ неблагопріятныя условія, онъ могъ продолжаться тысячелѣтія; а въ земляхъ, богатыхъ металлами, съ роскошной природой, и у народовъ талантливыхъ, особенно если они были окружены образованными сосѣдями, онъ могъ ограничиться нѣсколькими сотнями лѣтъ. Что у обитателей Франціи палеолитическая эпоха продолжалась тысячи лѣтъ, это не даетъ основанія думать, чтобы такую же продолжительность она имѣла у Египтянъ и Индусовъ, Вавлонянъ и Финикянъ. Свое мнѣніе мы основываемъ на томъ, что въ юго-западной

Азіи—этой колыбели человѣческаго рода, въ которой долго обитала талантливѣйшая изъ всѣхъ расъ—бѣлая, каменныхъ орудій почти не найдено. Кратко, иные народы не имѣли каменнаго вѣка, другіе — бронзоваго; одни народы съ незапамятныхъ временъ употребляли металлическія орудія, а другіе и въ настоящее время живутъ въ каменномъ вѣкѣ, и почти у всѣхъ народовъ были смѣшанныя эпохи, въ которыя одновременно употреблялись металлическія и каменные орудія. Поэтому, опредѣлить продолжительность, послѣдовательность и взаимоотношеніе эпохъ чрезвычайно трудно.

Въ-четвертыхъ, путаница во взаимоотношеніи эпохъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что племена и народы отъ разныхъ причинъ ниспадали съ высшихъ ступеней развитія и даже доходили до одичанія и, въ связи съ этимъ, переходили отъ бронзоваго, или желѣзнаго вѣка къ каменному. Другіе народы были вынуждены перемѣнить металлическія орудія на каменные потому, что вслѣдствіе войнъ, или переселеній народовъ, они заняли мѣстности, не имѣющія металловъ, и это могло способствовать ихъ одичанію, а во всякомъ случаѣ должно было болѣе или менѣе уронить ихъ. Думаемъ, что не одни полинезійцы перешли отъ желѣзныхъ орудій къ каменнымъ, а были и другіе подобные случаи, особенно въ первобытныя времена, но ихъ трудно замѣтить. Мысль философа Юма, что люди, разъ научившись строить дворцы, не пожелаютъ жить въ хижинахъ, опровергается какъ ежедневнымъ, такъ и историческимъ опытомъ: люди одного и того же народа въ одно и то же время живутъ—одни въ дворцахъ, другіе—въ хижинахъ; древніе Египтяне, Вавилоняне, Индусы, Мексиканцы, Перуанцы, Фликіяне, воздвигали великолѣпные дворцы, грандіозныя пирамиды и колоннады, изумительные подземные ходы, величественные храмы, а отдаленные потомки ихъ кочуютъ въ шатрахъ, разбѣиваются по дорогамъ, живутъ въ лачужкахъ, или совсѣмъ вымерли и разсѣялись.

Въ-пятыхъ, археологическія эпохи только въ нѣкоторой мѣрѣ могутъ служить выразителями ступеней развитія человѣка. Это и понятно, потому что родъ и совершенство

орудій зависятъ не отъ уровня только образованности, но и отъ другихъ условій: отъ характера мѣстности, отъ мѣры спеціальной способности народа къ техникѣ, отъ характера и степени развитія окружающихъ народовъ и отъ характера сношеній съ послѣдними. Кроманьонское племя имѣло только палеолитическія орудія, и, не смотря на это, рисунки на костяхъ говорятъ о тонкомъ художественномъ вкусѣ и высокомъ развитіи рисовальной техники этого племени; напротивъ, поселившееся на мѣстѣ Кроманьонцевъ другое племя имѣло шлифованные топоры (неолитическіе), что не мѣшало, однако, ему быть дикой ордой въ сравненіи съ Кроманьонцами. Въ Европѣ каменныхъ орудій найдено гораздо больше, нежели въ какой либо другой части свѣта; мы имѣемъ, такимъ образомъ, особенно много матеріала для сужденія по этимъ памятникамъ о ступеняхъ и характерѣ развитія европейскихъ племенъ. Однако, эти топоры, скребки, шила, стрѣлы, копья, ножи и тому подобныя орудія, которыми теперь нагружены многочисленныя музеи всѣхъ странъ Европы, не даютъ основанія заключать о послѣдовательности переходовъ эпохи палеолитической въ неолитическую, вѣка каменнаго въ бронзовый, а бронзоваго въ желѣзный. Никто изъ археологовъ не можетъ указать ни одного европейскаго народа, который-бы послѣдовательно и самобытно переходилъ отъ палеолитическихъ орудій къ неолитическимъ, эти послѣднія смѣнилъ бронзовыми, а бронзовыя—желѣзными, соотвѣтственно постепенному движенію отъ состоянія дикости къ гражданственности. Повидимому, одно племя приходило въ Европу съ палеолитическими орудіями, другое съ неолитическими, третье съ металлическими. Но могли быть и такіе случаи, что какой-либо народъ въ Азіи пользовался металлическими орудіями, а переселившись въ дѣвственные лѣса европейскихъ равнинъ, принужденъ былъ употреблять каменные орудія, палеолитическія или неолитическія, образцы которыхъ онъ видѣлъ въ своей прежней родинѣ, или могъ встрѣтить на пути во время своихъ переселеній. Еще труднѣе судить по каменнымъ орудіямъ о стадіяхъ развитія народовъ, жившихъ въ другихъ частяхъ свѣта, такъ какъ тамъ найдено орудій мало.

Но главная и непреодолимая трудность въ рѣшеніи вопросовъ о ступеняхъ развитія первобытныхъ народовъ заключается въ томъ, что наука не знаетъ, считать ли первобытные племена, употреблявшія каменные орудія, и современныхъ дикарей дикими по природѣ, или же только одичалыми, перешедшими, вслѣдствіе разныхъ физическихъ и психическихъ причинъ, изъ лучшаго состоянія въ худшее. Дарвинисты, согласно съ своимъ ученіемъ о происхожденіи человѣка отъ низшихъ формъ животной жизни, утверждаютъ первое; ученые, довѣряющіе библейскому повѣствованію о происхожденіи и первобытномъ состояніи человѣка, защищаютъ второе. Дарвинисты представляютъ свои доводы, ихъ противники—свои. Но по самому существу предмета ни та, ни другая сторона не можетъ представить такихъ неопровержимыхъ доказательствъ, которыя бы окончательно рѣшили вопросъ въ одномъ направленіи и обнаружили ясно истинность одного взгляда и совершенную несостоятельность другого. Мнѣніе о дикаряхъ, какъ одичалыхъ людяхъ, правдоподобнѣе взгляда дарвинистовъ, которые въ дикаряхъ видятъ представителей первобытнаго человѣчества и считаютъ ихъ за переходную стадію между человѣко-подобными (антропиды) и людьми образованными. Оно подтверждается: 1) многими особенностями ихъ физической организаціи, которыя, какъ, напр., относительная массивность ихъ мозга, свидѣтельствуютъ о болѣе высокомъ духовномъ развитіи ихъ предковъ въ сравненіи съ ними самими; 2) способностію ихъ быстро развиваться при воздѣйствіи на нихъ образованной среды; 3) фактомъ существованія у нихъ такихъ обычаевъ, нравовъ и вѣрованій, которые представляютъ уродство, извращеніе нормы, а не зачатокъ ея; 4) данными, археологическими и историческими, о томъ, что многія племена, напр., полинезійскія, нѣкогда стояли на болѣе высокой ступени развитія, нежели ихъ современные намъ потомки; современные индусы, персы, греки, итальянцы, жители Египта, Месопотаміи, Палестины и Малой Азіи, стоятъ по духовному развитію неизмѣримо ниже своихъ славныхъ предковъ. Однако, каждая сторона остается при своемъ мнѣніи; а такое коренное различіе въ основной

точкѣ зрѣнія на происхожденіе и развитіе человѣчества, радикально измѣняетъ взгляды на археологическіе памятники и ихъ значеніе. Археологъ-дарвинистъ оцѣниваетъ и освѣщаетъ ихъ совсѣмъ не такъ, какъ его противникъ. Напр., такъ какъ дарвинистическое ученіе о происхожденіи человѣка само собой рухнуло бы, если бы было доказано, что человѣкъ живетъ на землѣ не сотни тысячъ и не милліоны, а только нѣсколько тысячъ лѣтъ, то археологи-дарвинисты всячески стараются доказать чрезвычайную продолжительность эпохъ каменнаго вѣка и необыкновенную косность первобытнаго человѣчества въ дѣлѣ развитія. Какъ они при этомъ фантазируютъ, произвольно истолковываютъ факты, преувеличиваютъ ничего не значущія мелочи, единичное и отрывочное возводятъ въ общій законъ, игнорируютъ несогласные съ ихъ теоріей факты, на поверхностныхъ соображеніяхъ и отрывочныхъ или мѣстныхъ фактахъ строятъ цѣлыя теоріи, — примѣръ этого представляетъ классификація эпохъ Мортилье. Въ частности, какое основаніе было у Мортилье считать третичные камни Буржуа, Рамеса и Рибейро орудіями не человѣка, а какого-то антропопнеика? Никакого, кромѣ личнаго произвола и желанія найти подтвержденіе дарвинизма. Почему онъ камни этихъ трехъ ученыхъ призналъ остатками трехъ эпохъ и выразителями трехъ стадій развитія фантастическаго антропопнеика? Опять таки безъ всякаго основанія, единственно по требованію дарвинистической доктрины. Что побуждало его принять шаткія основы для опредѣленія продолжительности археологическихъ эпохъ и, безъ достаточныхъ данныхъ, съ увѣренностію исчислять ее сотнями тысячъ лѣтъ? Опять тотъ-же дарвинизмъ. Желая изобразить первобытнаго человѣка обезьяно-подобнымъ, Мортилье утверждаетъ, что человѣкъ Шеллійской эпохи не имѣлъ способности членораздѣльной рѣчи, такъ какъ въ такъ называемой *Нолетской* челюсти не нашли *apophyses geni*, безъ котораго членораздѣльная рѣчь невозможна. Но, не говоря о томъ, что единичный фактъ ничего не доказываетъ, что эта челюсть могла представлять уродство, Мортилье не доказалъ, что Шеллійскіе люди имѣли именно такія челюсти, а въ настоящее время

Топинаръ, самъ дарвинистъ, открылъ и въ *Нолетской* челюсти *арорlyses geni*, не замѣченный сначала потому, что челюсть была дурно вымыта. Согласно своей дарвинистической точкѣ зрѣнія, Мортилье приписываетъ необычайную древность знаменитому *Неандертальскому* черепу, такъ какъ черепъ этотъ многими учеными считается обезьяно-подобнымъ, и такой же типъ обезьяно-подобнаго черепа, по его мнѣнію, имѣли люди Шеллійской эпохи. Но этотъ черепъ найденъ близко къ поверхности земли, а это сильно говоритъ противъ мнѣнія о его необычайной древности; при немъ не нашли никакихъ орудій и потому нельзя отнести его къ какой бы то ни было эпохѣ; такъ какъ онъ не сохранился въ цѣльномъ видѣ, то размѣры его лицевого угла, по соображеніямъ разныхъ ученыхъ (Шафгаузенъ, Брока), оказываются различными; даже Дарвинъ призналъ этотъ черепъ черепомъ обыкновеннаго человѣка, а Вирховъ считаетъ его патологическимъ и искусственно сдавленнымъ; теперь, вообще, признанъ человѣческой, а не обезьяно-подобный типъ въ этомъ черепѣ; и если соображенія Вирхова справедливы, то онъ могъ принадлежать даже не дикарю, человѣку не низшей расы. Кстати сказать, дошедшіе до насъ немногіе черепа изъ палеолитической эпохи во Франціи по величинѣ не уступаютъ черепамъ теперешнихъ французовъ и много превосходятъ черепа дикарей. Поэтому, можно предполагать, что они не были ни тупоумы, ни дики, а проводили жизнь въ патриархальной простотѣ. Мортилье увѣряетъ, что люди палеолитическаго вѣка не имѣли религіи. Но теперь дознано, что въ Ментонѣ и Солютрѣ въ палеолитическую эпоху хоронили мертвецовъ, клали съ ними оружіе и другіе предметы, а это, какъ показываетъ подобный же способъ погребенія у другихъ, историческихъ и современныхъ намъ народовъ, нужно признать выраженіемъ вѣры въ загробную жизнь. По мнѣнію Брока, люди Маделенской эпохи каменнаго вѣка имѣли талисманы, которые, повидимому, имѣли религіозное значеніе ¹⁾. Притомъ, религія у нецивилизован-

¹⁾ Природа, 1873 г., кн. 2, стр. 158 и 159: Везерскіе троподвты.

ныхъ народовъ имѣеть такъ мало наружныхъ и замѣтныхъ проявленій, что, напр., путешественники у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ не замѣчали никакихъ признаковъ религіи, а между тѣмъ, она у нихъ есть. Тѣмъ менѣе отсутствіе наружныхъ признаковъ религіи можетъ служить доказательствомъ безрелигіозности первобытныхъ племенъ, о которыхъ мы можемъ судить только по каменнымъ и костянымъ орудіямъ и по малочисленнымъ остаткамъ скелетовъ. Напротивъ, каждый положительный, хотя бы и не ясный, признакъ существованія религіи въ столь отдаленныя и совершенно неизвѣстныя намъ эпохи служитъ сильнымъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія въ тѣ времена религіи. Можно принять за правило, что въ сужденіи о первобытныхъ эпохахъ доказательства а silentio не имѣють никакого значенія; напротивъ, при скудости данныхъ, каждый остатокъ отъ тѣхъ временъ получаетъ огромное значеніе. Въ землѣ сохранилась неизмѣримо малая доля остатковъ житія первобытнаго человѣчества; найдена и сохраняется въ музеяхъ, быть можетъ, милліонная часть этой доли; наконецъ, объяснена научно только ничтожная частица этой милліонной части. Можно ли по отсутствію какихъ либо предметовъ въ древнихъ пластахъ земли заключать о дѣйствительномъ несуществованіи ихъ въ то время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ и когда эти пласты наслаивались? Еще менѣе слѣдуетъ по отсутствію религіозныхъ памятниковъ предполагать несуществованіе религіи—начала чисто духовнаго, не говоря о томъ, что въ отдаленныя эпохи и у патриархальныхъ, или дикихъ народовъ могли имѣть религіозное значеніе такіе предметы, въ которыхъ мы, по своимъ понятіямъ, открыть и замѣтить это значеніе не можемъ. Кто бы могъ подумать, что негры почитаютъ религіозно зубы, кости, камушки, раковины, деревяшки, если бы этотъ фактъ не былъ наблюдаемъ въ дѣйствительности? Въ свою очередь, негры, если показать имъ наши иконы, не догадаются, что христіане предъ ними молятся. Мортилье полагаетъ, что въ древнѣйшія эпохи каменнаго вѣка человѣкъ не умѣлъ добывать огонь, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ послѣдняго. Но основательно ли по отсутствію углей и пепла заключать о томъ, что тог-

давніе люди не пользовались огнемъ? Угли были раздавлены тяжестью пластовъ, превращены въ порошокъ, смѣшавшійся, какъ и зола, съ землей и просочившійся отъ дѣйствія воды въ болѣе глубокіе пласты.

Наконецъ, археологи въ сужденіяхъ о первобытныхъ эпохахъ погрѣшаютъ противъ правилъ научнаго наведенія: на основаніи немногихъ, отрывочныхъ, а иногда и единичныхъ фактовъ они строятъ широкія обобщенія и высказываютъ ихъ съ увѣренностію. Причинами этого служатъ: недостатокъ фактическаго матеріала, неразработанность его, несовершенство археологіи и преобладаніе въ ней національнаго направленія, самое свойство памятниковъ, недостатокъ всесторонняго знакомства съ археологическими памятниками, доктринерство. Отъ первобытныхъ эпохъ осталось очень мало памятниковъ, найдено еще меньше, истолковано и правильно объяснено и совсѣмъ мало. Какъ въ древнѣйшія времена исторія была народной, мѣстной лѣтописью, такъ и археологія въ настоящее время есть наука по преимуществу національная и только въ малой мѣрѣ международная. Археологъ-французъ знаетъ почти только одни французскіе памятники, нѣмецъ—нѣмецкіе, итальянецъ—итальянскіе, а русскому археологу, при чрезвычайной обширности его отечества, трудно изучить наглядно и обстоятельно даже только памятники своего отечества. Даже знаменитые европейскіе археологи знаютъ изъ памятниковъ странъ Европы, кромѣ своихъ національныхъ, только важнѣйшіе; а изъ памятниковъ другихъ частей свѣта имъ извѣстны только египетскіе, месопотамскіе, малоазійскіе и палестинскіе памятники. Нѣтъ ни одного археолога, который-бы зналъ, или даже только видѣлъ памятники всѣхъ странъ свѣта. А археологическіе памятники таковы, что ихъ недостаточно изучать и знать только по статьямъ, ученымъ рефератамъ, книгамъ, даже рисункамъ, или устнымъ рассказамъ и описаніямъ: нужно видѣть и изучить самому какъ памятники, такъ и мѣстность, гдѣ они были найдены. Но ученые даже и книжный-то археологическій матеріалъ знаютъ только отчасти, напр., иностраннымъ ученымъ русскія археологическія статьи и книги недоступны по причинѣ незнанія русскаго языка. Мѣстные и

международныя археологическія съѣзды только въ слабой мѣрѣ восполняютъ такую разобщенность.

Результатами скудости и разбросанности археологическаго матеріала, безгласія и трудности уясненія археологическихъ памятниковъ, недостатка эрудиціи и доктринерства археологовъ, націонализма и несовершенства археологіи, являются ненаучныя приемы. Чѣмъ менѣе разработана какая-либо наука, чѣмъ темнѣе освѣщаемая ею область, тѣмъ больше ученые даютъ простора фантазіи, тѣмъ беззастѣнчивѣе проводятъ свои излюбленныя воззрѣнія, тѣмъ произвольнѣе обращаются съ фактами, тѣмъ менѣе стѣсняются правилами логики въ построеніи гипотезъ, смѣлыхъ, но неосновательныхъ, и обобщеній широкихъ, но поверхностныхъ и ненаучныхъ. Все это есть въ теперешней археологіи.

Напр., Мортилье устанавливаетъ послѣдовательность и продолжительность эпохъ всего первобытнаго человѣческаго рода по каменнымъ и костянымъ орудіямъ, найденнымъ только въ трехъ-четырехъ мѣстностяхъ Франціи и принадлежавшихъ двумъ-тремъ племенамъ; подобнымъ образомъ, Ворсо классифицируетъ первобытныя эпохи исключительно по скандинавскимъ памятникамъ. Это похоже на то, какъ если-бы будущій антропологъ, по дошедшему до него отъ насъ описанію типа негровъ, сталъ утверждать, что въ нашу эпоху всѣ люди на землѣ имѣли курчавые, шерстистые волосы, толстыя губы и черный цвѣтъ кожи. Мало того, что ненаучно на основаніи небольшого количества мѣстныхъ памятниковъ дѣлать такія широкія обобщенія, но даже самые мѣстные-то памятники слѣдовало-бы истолковывать путемъ сравненія съ аналогичными памятниками другихъ странъ, другихъ народовъ и другихъ эпохъ. Во всѣхъ наукахъ примѣненіе сравнительнаго метода принесло добрые плоды. Тѣмъ болѣе онъ необходимъ и можетъ быть полезенъ въ археологіи: такъ какъ изучаемыя ею памятники нѣмы, позволяютъ дѣлать только гадательное объясненіе ихъ и, поэтому, истолковываются каждымъ ученымъ совершенно произвольно и своеобразно. Вотъ почему не только нѣтъ научныхъ основаній примѣнять классификацію эпохъ, построенную Мортилье, ко всѣмъ народамъ земного шара, но

она оказывается не вѣрной даже въ примѣненіи къ первобытнымъ обитателямъ Франціи: орудія этихъ послѣднихъ изъяснены не научно и произвольно.

Другой примѣръ. Брока свое мнѣніе о томъ, что прошелъ длинный рядъ вѣковъ отъ эпохи древнѣйшихъ Везерскихъ троглодитовъ, которые населяли пещеру Мустье, до позднѣйшихъ, жившихъ въ пещерѣ Маделенъ, основываетъ только на томъ фактѣ, что пещера Мустье находится теперь на 27 метровъ выше уровня рѣки Везеры, а когда-то она была вся занесена рѣчнымъ пескомъ и, слѣдовательно, находилась не высоко надъ поверхностію рѣки; между тѣмъ какъ пещера Маделенъ и доселѣ немного возвышается надъ уровнемъ рѣки въ полповоде. Выводъ Брока тотъ, что съ того времени, какъ жили въ пещерѣ Маделенъ троглодиты, какъ ни давно это было, рѣка не углубилась, а въ теченіе Мустьерской эпохи она углубилась приблизительно на 27 метровъ ¹⁾. По нашему мнѣнію, это соображеніе остроумно, но выводъ изъ него крайне ненадеженъ, потому что онъ поконя не меньше, какъ на полдюжинѣ предположеній, превратить которыя въ положенія нѣтъ никакой возможности и которымъ можно противопоставить другія соображенія. Не вдаваясь въ подробности, упомянемъ только, что Везера течетъ не по равнинѣ, и потому могъ быть такой комплексъ условій ея теченія, что русло около Мустье быстро углублялось, а русло около Маделена, лежащаго нѣсколькими верстами ниже, затягивалось наносами сверху. При однихъ условіяхъ рѣка можетъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ углубить свое русло больше, нежели въ сотни и тысячи лѣтъ при другихъ условіяхъ. Изъ того обстоятельства, что пещера Мустье нѣкогда была занесена рѣчнымъ пескомъ, нѣсколько не слѣдуетъ, что она въ то время находилась не высоко надъ уровнемъ Везеры: могло случиться ужасное наводненіе, которое подняло уровеньъ рѣки на нѣсколько сажень. Быть можетъ, это былъ библейскій потопъ, или наводненіе, происшедшее отъ быстра-

1) Приведенная статья, 136 и слѣд. страницы.

го таянія ледниковъ. Весьма возможно, что именно отъ этого наводненія погибли Везёрскіе троглодиты, которые и по мнѣнію Брока исчезли вдругъ и безслѣдно, отъ какой-то катастрофы. По мнѣнію Брока, они были истреблены другимъ племенемъ, владѣвшимъ болѣе совершеннымъ (шлифованнымъ) топоромъ, нежели какой былъ у троглодитовъ; но въ такомъ случаѣ могли остаться слѣды борьбы, а троглодиты исчезли безслѣдно. Однимъ словомъ, фактъ заноса пещеры Мустье пескомъ можно истолковывать всячески, и изъ него вовсе не вытекаетъ съ необходимостію мнѣніе о чрезвычайной продолжительности Мустьерской эпохи. А между тѣмъ, Брокъ выражаетъ свое мнѣніе не какъ догадку, а какъ твердую аксіому. И это еще одинъ изъ самыхъ положительныхъ и серьезныхъ ученыхъ. Но такъ гуэта тьма, скрывающая отъ насъ первобытныя времена, такъ несовершенна наука о первобытныхъ древностяхъ, такъ велика склонность ученыхъ къ предзанятымъ теоріямъ и влеченіе человѣка къ величественному и необыкновенному!

Все сказанное о наукѣ первобытныхъ древностей можно выразить въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ:

Въ послѣднее время пробудился чрезвычайный интересъ къ изученію древностей, особенно первобытныхъ, очень много открыто древнѣйшихъ памятниковъ, и такъ называемая доисторическая археологія въ нѣсколько десятковъ лѣтъ обогатилась важными находками, и въ настоящее время изобилуетъ фактическимъ матеріаломъ. Фактовъ много и они, несомнѣнно, бросаютъ лучи въ густой мракъ первобытныхъ эпохъ. Но въ то же время они слишкомъ разрозненны и разбросаны, отрывочны и малопонятны, и потому научная цѣна ихъ пока незначительна. Сдѣланы, правда, опыты изъясненія древнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ и на этихъ изъясненіяхъ, въ связи съ геологическими, палеонтологическими и антропологическими данными, построены даже гипотезы о первобытныхъ эпохахъ человѣческаго рода, объ ихъ послѣдовательности и продолжительности и о послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія человѣчества и отдѣльныхъ племенъ; но эти истолкованія большею частію произвольны и поверхностны,

эти гипозеты ненаучны и неправдоподобны, а многое остается и совсѣмъ неизясненнымъ, такъ что наука о первобытныхъ древностяхъ имѣетъ видъ не зданія, хотя бы и дурно построеннаго, а громадной массы мусора, который археологи разбираютъ, и кладутъ предметы въ отдѣльныя кучи. Принципа для раскладки археологическаго матеріала по отдѣламъ не выработано: археологическіе памятники распредѣляютъ по веществу, изъ котораго они сдѣланы (различнаго рода металлы, разные виды камней, кость), по обработкѣ матеріала (оббитыя орудія и шлифованныя и т. п.), по сортамъ орудій (такого или иного вида топоръ), по обстановкѣ, въ которой найдены памятники (глубина и свойства пластовъ, характеръ мѣстности, остатки животныхъ, человѣческія кости), по странамъ и частямъ свѣта, по племенамъ и эпохамъ. Не установлено принципа и для построения гипотезъ: одинъ археологъ руководствуется преимущественно палеонтологическими остатками, другой — археологическими памятниками, третій всего болѣе обращаетъ вниманія на геологическія формаци, а четвертый придаетъ особенное значеніе антропологическимъ и историческимъ даннымъ. При разбросанности археологическаго матеріала по всей землѣ, необработанности его, невизнѣ и безсистемности науки о первобытныхъ древностяхъ, сравнительнаго метода въ изученіи памятниковъ пока не существуетъ, и археологи на основаніи изученія единичныхъ и мѣстныхъ фактовъ строятъ цѣлыя теоріи. Опредѣлить время происхожденія человѣческаго рода археологамъ удалось не больше, нежели геологамъ, палеонтологамъ, антропологамъ и историкамъ. Мнѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, будто человѣкъ существуетъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ, или длинный рядъ вѣковъ, не имѣетъ значенія даже ученой гипотезы, а есть необоснованная научно догадка. Самые принципы для исчисленія времени не обезпечиваютъ вѣрности счета, не говоря уже о трудности примѣненія ихъ. Всѣ классификаціи первобытныхъ эпохъ не выдерживаютъ и снисходительной критики. Археологи не могутъ опредѣлить ни начала, ни конца каменнаго вѣка, какъ абсолютнаго, предшествовавшаго изобрѣтенію и употребленію металлическихъ ору-

дій, такъ и относительнаго, существовавшего у того или другого народа въ частности. Археологи раздѣлили каменный вѣкъ на эпохи, попытались опредѣлить ихъ продолжительность и взаимную послѣдовательность; но въ ихъ построенияхъ и выводахъ много произвольнаго, шаткаго, ненаучнаго, даже легкомысленнаго и фантастическаго, такъ что эти построения нельзя не признать преждевременными. О ступеняхъ развитія первобытнаго человѣчества мы и теперь почти ничего не знаемъ, потому что не знаемъ, какимъ временамъ и какимъ народамъ принадлежали найденныя каменные орудія. Притязанія археологовъ, будто они освѣтили мракъ первобытныхъ эпохъ, заключаютъ въ себѣ не мало самообольщенія и могутъ препятствовать правильному движенію науки впередъ. Однимъ изъ проявленій такого самообольщенія, а вмѣстѣ и научнаго несовершенства археологіи нужно признать терминъ «до-историческая археологія», который по своей неточности и неопредѣленности можетъ приносить вредъ и долженъ быть оставленъ.

Но скажутъ: нужно же какъ-нибудь называть памятники, глубокая древность которыхъ несомнѣнна, или, по крайней мѣрѣ, предполагается; нужно также дать имя наукѣ, которая ихъ изучаетъ; нельзя, наконецъ, оставить археологію совсѣмъ безъ хронологіи.

Съ своей стороны, мы можемъ рекомендовать для археологіи слѣдующее хронологическое дѣленіе, которое, при настоящемъ состояніи этой науки, мы считаемъ наиболѣе удобнымъ, полезнымъ и научнымъ.

Дѣлимъ археологію на двѣ части: къ первой относимъ древности, время происхожденія которыхъ неизвѣстно; вторую наполняемъ памятниками, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія. или основательныя догадки, въ какой годъ, десятилѣтіе, столѣтіе, или эпоху онѣ явились. Эта часть должна быть подраздѣлена на эпохи, которымъ могутъ быть даны названія по какимъ-либо характернымъ признакамъ.

Могутъ быть допущены и другіе способы дѣленія или рас-порядка археологическаго матеріала, о которыхъ мы говорили раньше; но у насъ рѣчь собственно о хронологическомъ дѣленіи.

Предлагаемое нами дѣленіе можетъ принести пользу археологіи, освобождая ее отъ путаницы понятій. При этомъ дѣленіи археологъ не осмѣлится называть каменный топоръ первобытнымъ только по той причинѣ, что онъ каменный, не шлифованный топоръ. Онъ же, производя раскопки, поставитъ своей задачей не отысканіе только древностей, но и опредѣленіе времени ихъ происхожденія, между тѣмъ какъ теперь вторую задачу рѣдко имѣютъ въ виду, отчего памятники почти совсѣмъ теряютъ значеніе, и правильное истолкованіе ихъ становится невозможнымъ. При этомъ дѣленіи археологи будутъ заботиться о приобрѣтеніи права находимые и изслѣдуемые памятники помѣщать во вторую часть археологіи и переводить въ нее памятники, попавшіе въ первую часть. Практика выработаетъ наилучшіе приемы этого дѣла. Строгое различеніе того, что мы знаемъ, отъ того, чего не знаемъ, есть главное условіе движенія науки впередъ!

Мы потому такъ долго остановились на той отрасли археологіи, которая изслѣдуетъ первобытныя древности, что именно она получила особенно широкое развитіе въ послѣднее время и отъ нея ожидаютъ важныхъ результатовъ для общей науки о человѣкѣ, тогда какъ научнаго порядка въ ней меньше, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ археологіи.

Неурядица замѣтна и во всей археологіи; только въ первобытной археологіи ея больше, а въ исторической—меньше. Недостатокъ ученаго строя въ археологіи обнаруживается уже въ самомъ главномъ, — въ понятіи о предметѣ и задачахъ археологіи, которое не отличается опредѣленностію и устойчивостію. Подъ именемъ археологіи разные ученые разумѣютъ не одно и то же; одни понимаютъ ее шире, другіе—уже. Напр., графъ Уваровъ русскую археологію опредѣляетъ, какъ науку о древнемъ бытѣ когда-либо жившихъ въ Россіи народовъ, которая должна быть создана на основаніи не только вещественныхъ памятниковъ, но и другихъ источниковъ—устныхъ и письменныхъ. Но въ такомъ случаѣ, какое-же останется различіе между русской археологіей и древне-русской исторіей? Неужели издавна существующая наука должна быть выброшена за бортъ ради науки, недавно явившейся? Съ дру-

гой стороны, изъ археологiи, такъ понимаемой, нужно будетъ выбросить ученiе о вещественныхъ пѣмятникахъ прошлаго, или запрошлаго вѣковъ, такъ какъ они относятся не къ древнему быту населявшихъ Россiю народовъ, а ко времени сравнительно новому. А между тѣмъ, куда-же мы отнесемъ памятники церковнаго и гражданскаго зодчества, ваянiя и живописи и различные предметы домашняго и общественнаго быта этой эпохи, какъ не къ археологiи. Очевидно, рассматриваемое опредѣленiе русской археологiи, съ одной стороны, слишкомъ обширно, потому что относить къ археологiи то, что принадлежитъ исторiи, а съ другой, слишкомъ узко, потому что не обнимаетъ многихъ предметовъ, которые, безспорно, относятся къ области археологiи. Однимъ словомъ, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что взгляды археологовъ на предметъ, задачи и границы археологiи, и особенно той части ея, которая называется археологiей до-исторической, не одинаковы и не отличаются опредѣленностiю и устойчивостiю.

Въ виду этого, мы считаемъ не излишнимъ высказать свое сильное сужденiе о предметѣ и задачахъ археологiи и объ отношенiи ея къ сопредѣльнымъ съ нею наукамъ, въ особенности къ исторiи, изъ которой она выдѣлилась и съ которой она постоянно переплетается.

А. Буллевъ.

(Обончанiе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30-го Сентября № 18. 1889 года.

Содержаніе: Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія п замѣтки.—Объявленія.

Епархіальныя извѣщенія.

Протоіерей Николай *Лашенко* указомъ Св. Синода отъ 12 сентября н. г., по прошенію уволенъ отъ должности члена Консисторіи, а на его мѣсто опредѣленъ свящ. церкви Св. Апостола Петра Харьковскаго Тюремнаго замка Стефанъ *Любимій*.

— Священники церкви слободы Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Семьянинъ* и сл. Ново-Ахтырки, того же уѣзда, Меводій *Лядскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Діаконъ Пятицкой церкви сл. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда, Георгій *Рубинскій* опредѣленъ священникомъ къ озпаченной церкви.

— Діаконъ с. Климовки, Сумскаго уѣзда, Успенской церкви, Андрей *Должанскій* перемѣщенъ діакономъ къ Покровской церкви с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

— Церковный староста Николаевской церкви с. Боровеньки, Лебединскаго уѣзда, Николай *Ковалевскій*, по прошенію, уволенъ отъ занимаемой должности.

— Утвержденъ въ должности церк. старосты, на 4 трехлѣтіе, при церк. слоб. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда, купецъ Венедиктъ *Киртѣевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Извѣстія изъ Сербіи.—Католическая пропаганда въ Босніи и Герцеговинѣ.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.—Православіе въ Японіи.—Неудовлетворительность надзора за церковно-приходскими школами.—По поводу преувеличенныхъ требованій отъ церковно-приходскихъ школъ.—Церковныя бібліотеки.—Расходы священниковъ на церковно-приходскія школы.—Завладѣніе храма въ Петербургѣ въ память событія 17 октября 1888 года.—Причины труднаго распространенія православія среди язычниковъ.—Памятникъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.—Дѣятельность Общества распространенія Св. Писанія.—Помощь духовенства своему собрату.—Пастырское воззваніе къ духовенству противъ частой перемѣны мѣстъ служенія.—Учрежденіе въ Кіевѣ противощуцкихъ миссіонеровъ.—Проектъ закона относительно исключенія изъ русскаго подданства.—Вопросъ о практическихъ работахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Эксплуатація религіознаго чувства.—Преосвященные, вызванные для присутствованія въ Св. Синодѣ.—Результаты пріемныхъ испытаній въ Московскую духовную Академію.—Миссіонерское училище въ Екатеринбургѣ.—О епархіальныхъ попечительствахъ.—Привлеченіе монастырей къ расходамъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній.—«Троицкія книжки» съ образками и «Троицкіе образки».—Проектъ устройства причетническихъ классовъ съ педагогическимъ курсомъ.—Организація дешевыхъ начальныхъ школъ въ Псковской губерніи.—Общепользныя свѣдѣнія.

— Въѣздъ ея величества королевы Сербской, Наталіи, въ Бѣлградъ, состоявшійся 17 сентября вызвалъ, какъ этого и должно было ожидать, взрывъ народнаго энтузіазма, какого давно уже не видала столица Сербіи. Берегъ Дуная, къ которому присталъ пароходъ, привезшій королеву, и главныя улицы города были покрыты многочисленными массами народа, почти всего наличнаго населенія Бѣлграда, собравшагося для встрѣчи и привѣтствія горячо любимой «матери Сербской». При появленіи королевы, оваціи приняты колоссальныя размѣры: воздухъ оглашался громкимъ, несмолкаемымъ ликованіемъ; дѣвицы осыпали королеву цвѣтами и вѣнками; экипажъ слѣдовалъ шагомъ, едва пролагая путь между рядами привѣтствовавшихъ; женщины, дѣти цѣплялись за экипажъ; толпы не расходились до поздняго вечера, окружая помѣщеніе королевы и привѣтствуя ее кликами живіо и ура.

Этотъ пламенный восторгъ, не подготовленный никакими официальными предписаніями или распоряженіями, но вырвавшійся изъ глубины сердца народнаго, искренно любящаго и почитающаго свою законную королеву, долженъ былъ служить для нея высокимъ утѣшеніемъ въ скорбяхъ и нравственныхъ терзаніяхъ перенесенныхъ ею за послѣднее время. Проявившіяся столь ярко чувства народной привязанности свидѣтельствовали, что королева Наталія не стала менѣе дорога Сербскому народу оттого, что Ми-

ланъ Обреновичъ самовольно разорвалъ брачныя узы, соединявшія его съ нею; мало того, своею восторженною встрѣчей Сербскій народъ заявилъ предъ всею Европой, что если бывший король его не носить болѣе своей короны, вѣнецъ королевы Наталіи тѣмъ ярче сіяетъ на челѣ ея, вѣнчанной матери короля-отрока.

Но въ эти высокія минуты сознанія незыблемости своего величества въ глазахъ Сербскаго народа, королева Наталія испытывала глубокую личную скорбь, не искупаемую никакими другими благами для ея сердца, сердца женщины и матери!

Пробывъ болѣе года въ изгнаніи изъ своего отечества, королева стремилась возвратиться въ него не изъ жажды власти, не изъ честолюбивыхъ замысловъ, а влекомая непреодолимымъ чувствомъ материнской любви къ своему единственному сыну, съ которымъ она столь долгое время была насильственно разлучена безсердечною интригой своего развѣнчаннаго супруга. Она рвалась на свиданіе со своимъ сыномъ, чтобы снова заключить его въ свои объятія и прижать къ груди своей... Но, увы, сынъ ея носитъ теперь титулъ короля Сербіи, а за его малолѣтствомъ, королевская власть его передана въ руки регентства, правящаго страной его именемъ и рѣшившагося, изъ какихъ-то политическихъ расчетовъ, воспрепятствовать королю-отроку первому встрѣтить свою мать у вратъ своего столичнаго города, воспрепятствовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и королевѣ Наталіи переступить порогъ дворца своего, чтобъ услышать изъ устъ своего сына дорогой привѣтъ въ моментъ возвращенія въ отечество...

Какія бы услуги ни оказали Сербіи ея теперешніе регенты, ихъ поступокъ 17 сентября 1889 года есть поступокъ неслыханный, и чернымъ пятномъ ложится онъ на ихъ имена. Никакія политическія соображенія, никакія обязательства, принятія на себя по отношенію къ бывшему королю Милану, не могутъ служить оправданіемъ того, какъ отнеслись къ возвращающейся въ страну королевѣ Наталіи г. Ристичъ и его товарищи по сану и должности...

Политическіе интриганы Австро-Венгріи, испугавшись обаянія королевы Наталіи, способнаго обратить Сербскій народъ къ истинно-національнымъ идеаламъ, дѣйствительно, распускали въ послѣднее время недостойныя клеветы, будто она является въ свое отечество со злыми замыслами захватить власть въ свои руки, дабы поработить свой народъ и лишить его самостоятельности. Но, вѣдь, не могли же этому повѣрить сербскіе государственные люди, если только они руководятся истинно-патріотическимъ чув-

ствомъ: они имѣли слишкомъ много доказательствъ высоты и благородства помышленийъ своей королевы, которая, не смотря на трагическую участь, на которую она обречена по винѣ своего недостойнаго супруга, никогда ни словомъ, ни дѣломъ не проявляла никакой иной склонности, кромѣ горячаго желанія возвеличить и осчастливить свое отечество. Регентовъ ничто не могло смущать въ образѣ дѣйствій королевы, ничто не могло внушить имъ недовѣрія къ ней, и нравственный долгъ обязывалъ ихъ протестовать противъ низкихъ чужеземныхъ клеветъ: они во главѣ всего Сербскаго народа должны были бы первые привѣтствовать возвращавшуюся королеву и оказать ей подобающія почести. Они уклонились отъ этой прямой своей обязанности, и на нихъ всюю тяжестью обрушатся могущія проистечь изъ ихъ поступка послѣдствія.

Обязательства, принятыя на себя регентами предъ бывшимъ королемъ, сами собою падаютъ послѣ отреченія Милана отъ престола и передачи имъ королевской власти сыну. Во всякомъ случаѣ, сила этого обязательства можетъ простираться лишь на лицъ заключившихъ его, но никоимъ образомъ не можетъ вліять на права третьяго лица, въ особенности, если это третье лицо облечено королевскимъ достоинствомъ, неотъемлемымъ и ненарушимымъ.

Новая сербская конституція вовсе не предусматриваетъ исключительнаго права отца на воспитаніе будущаго короля, и если въ ней не упоминается о правахъ матери заботиться о благосостояніи и счастья короля-сына своего, то только потому, что права материнскаго сердца не устанавливаются писанными законами, а зиждутся на непоколебимомъ союзѣ вѣчной любви, созданномъ Провидѣніемъ для блага человѣчества. («Моск. Вѣд.»).

— Корреспондентъ «Моск. Вѣдом.» повѣствуетъ о настойчивой католической пропагандѣ во всѣхъ главныхъ центрахъ Босніи и Герцеговины.

Политики въ Вѣнѣ, повидимому, пришли къ убѣжденію, что лучшимъ средствомъ для поработченія населенія въ Босніи и Герцеговинѣ является католическая пропаганда среди крестьянъ, такъ какъ политическій терроръ не оказалъ въ этомъ отношеніи должнаго успѣха. Вслѣдствіе этого, богатые фонды іезуитскихъ братствъ и монастырей щедро открылись, чтобы наравнѣ съ государственными фондами помочь общему дѣлу.

Перемѣна въ Сербіи сильно огорчила Австрію и отреченіе короля Милана отъ престола равняется для нея проигранному ге-

неральному сраженію. Немного спустя послѣ этого событія, Боснія и Герцеговина объявлены были на военномъ положеніи. Мѣра эта чрезвычайно усилила католическую пропаганду. Спасителями угнетенному и напуганному народу, которому ежеминутно угрожаютъ тюрьма и кандалы за малѣйшій проступокъ, явились іезуитскіе и всевозможные другіе католическіе пропагандисты, суля и дѣйствительно предлагая деньги, лишь бы его переманить въ лоно католической церкви. Выбравъ крестьянскую среду главнымъ предметомъ своихъ заботъ, іезуиты и «фратры», видя, что крестьянъ трудно привлечь къ католицизму, выбираютъ, главнымъ образомъ, людей самыхъ бѣдныхъ между ними и посредствомъ всевозможныхъ подарковъ и подачекъ добиваются отъ родителей позволенія воспитать ихъ дѣтей. Въ этомъ направленіи они вездѣ дѣйствуютъ одинаково и не особенно сильно настаиваютъ на привлеченіи къ католицизму взрослыхъ, хотя ни разу не упускаютъ удобнаго случая привлечь и этихъ.

Забравъ такимъ образомъ дѣтей, они ихъ отдаютъ въ закрытое заведеніе, куда очень рѣдко допускается входъ постороннимъ и лишь разъ въ 15 дней родителямъ. Такихъ закрытыхъ заведеній въ Босніи нѣсколько. Въ настоящее время правители Босніи намѣрены открыть до начала зимы еще нѣсколько такихъ большихъ заведеній. Между прочими самая обширная будутъ открыты въ Мостарѣ и Бихачѣ.

— Недавно въ Сераевѣ происходило торжественное освященіе новаго католическаго собора, построеннаго на деньги православнаго населенія Босніи и Герцеговины, о чемъ не преминулъ упомянуть въ своей рѣчи по поводу этого освященія еп. Штроссмайеръ. Въ этой же рѣчи католическаго епископа упоминалось и о томъ, что «въ Вѣнѣ существуетъ подъ покровительствомъ эрцгерцога Карла Лудвига «Общество для вспоможенія католикамъ на Востоѣ», состоящее подъ верховнымъ управленіемъ римской коллегіи de propaganda fide. Это вѣнское общество заботится, подъ покровительствомъ брата австрійскаго императора, о томъ, чтобы на Востоѣ, а главнымъ образомъ въ Болгаріи, Босніи и Герцеговинѣ распространять и утверждать среди православнаго населенія ученіе «единственно спасающей (!) католической церкви». Съ этою цѣлью оно посылаетъ на Балканскій полуостровъ своихъ агентовъ и собираетъ для этого нужныя средства. Общество это основало уже въ Босніи нѣсколько католическихъ церквей и монастырей и также іезуитскую гимназію въ Травникѣ. Въ этомъ

году предполагають открыть еще двѣ гимназіи: одну въ Нищѣ, другую въ Мостарѣ. Предполагается также открыть школу при одномъ изъ двухъ монастырей въ Баньялукѣ, во-первыхъ для того, чтобы распространять католическую религію и во-вторыхъ, чтобы дать занятіе громадному количеству монаховъ, число которыхъ въ Баньялукскомъ монастырѣ «трапистовъ» простирается до 120 человекъ! Такихъ монастырей въ Босніи и Герцеговинѣ уже болѣе десятка.

О вліяніи этихъ монастырей «Моск. Вѣд.» сообщаютъ крайне печальные для православнаго міра факты. «Лишь только построятъ въ какой-либо мѣстности монастырь, православное благочестіе населенія начинаетъ быстро ослабѣвать. Народъ, вмѣсто того, чтобы идти въ свою православную церковь, идетъ въ католическій монастырь, чтобы тамъ послушать музыку органовъ, или получить отъ вѣжливыхъ монаховъ разнаго рода кресты, молитвенники и т. п. приманки. Ведетъ ихъ сюда единственно любопытство и жажда подарковъ. Но кромѣ этого, католическіе учителя являются здѣсь явными нарушителями своихъ монашескихъ обѣтовъ и убійцами нравственности въ молодомъ поколѣніи; они распространяютъ среди населенія безнравственность и нерѣдко превращаютъ свои монашескія келіи въ дома разврата. И многіе неопытные льнутъ къ этимъ фарисеямъ, которые свои злодѣянія стараются прикрыть іезуитскими поученіями и разными подарками. Но старшіе босняки и герцеговицы относятся къ нимъ въ высшей степени враждебно, они проклинаютъ и презираютъ ихъ и терпятъ только по нуждѣ, какъ слабые угнетенные своего господина.

— Самыми мрачными красками рисуютъ «Новости» болгарскую интеллигенцію и общее положеніе дѣлъ въ Болгаріи. «Трудно представить себѣ,—пишетъ газета,—народъ съ болѣе развращеннымъ интеллигентнымъ классомъ, чѣмъ въ Болгаріи. Интеллигенціи въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. хорошо воспитанныхъ людей, получившихъ серьезное образованіе, тамъ совсѣмъ не имѣется. Поэтому, всѣ болгарскіе политическіе дѣятели, министры и т. п. постоянно задаются цѣлью кого-нибудь перехитрить или, лучше сказать, понадуать. Побудительной причиной всѣхъ ихъ поступковъ является личный и, преимущественно, денежный интересъ. О любви къ отечеству и самопожертвованіи ради него болгарскіе народники постоянно толкуютъ, но между словомъ и дѣломъ у нихъ существуетъ, въ данномъ случаѣ, величайшій разладъ.

Во всякомъ случаѣ,—продолжаетъ газета,—нынѣшнее положеніе

въ Болгаріи не можетъ длиться. Въ настоящее время управляютъ Болгаріей съ помощью штыковъ, но никто не можетъ поручиться, что эти самые штыки не обратятся противъ нынѣшнихъ правителей. При такихъ обстоятельствахъ можно ежеминутно ожидать въ Болгаріи какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ случайностей. Такъ называемая, оппозиція, состоящая, по преимуществу, изъ цанковистовъ, теперь совершенно присмирѣла и ожидаетъ грядущихъ событій, рассчитывая тогда жестоко расплатиться съ нынѣшними правителями, если они будутъ только имѣть неосторожность дальше, чѣмъ слѣдуетъ, засидѣться въ Болгаріи».

— Корреспондентъ «Моск. Вѣд.» сообщаетъ изъ Токио нѣсколько свѣдѣній, касающихся положенія православія въ Японіи. За истекшій годъ число вновь присоединенныхъ къ православію 1,751 человекъ, стало-быть итогъ всѣхъ православныхъ японцевъ въ настоящемъ году: 17,293. Число священнослужителей: русскихъ только 4, японцевъ 19. Проповѣдниковъ—141. Слава Господу Богу за это. Но если-бы у насъ было больше миссіонеровъ, то гораздо больше было-бы и православныхъ японцевъ. Но число русскихъ православныхъ миссіонеровъ нельзя и сравнивать съ числомъ болѣе, чѣмъ 200 миссіонеровъ и миссіонеровъ инославныхъ и даже злоеретическихъ миссій. Но и въ этомъ проявляется слава православія, въ которомъ дѣйствуетъ сила Господня не по числу проповѣдниковъ, а по силѣ и правдѣ слова истинной апостольской Церкви. У всѣхъ сектантовъ, вмѣстѣ взятыхъ, послѣдователей немного больше, чѣмъ у насъ. Лучшіе изъ нихъ—епископалы; у нихъ есть очень хорошія школы. Сектанты-же вызываютъ только смѣхъ у японцевъ своими странными, устраиваемыми на улицахъ и дорогахъ, яко-бы проповѣдями. Болтаютъ что-то, махаютъ руками,—и никто ихъ не понимаетъ; раздаютъ какія-то книжечки, которыхъ никто не можетъ читать.

По трактату, заключенному 8-го (20-го) іюля русскимъ правительствомъ съ японскимъ, всѣмъ русскимъ съ 19-го января (11-го февраля) будущаго года дозволяется ѣздить, жить и покупать дома по всей Японіи. Какъ-бы было хорошо, если-бы теперь было у насъ хотя 5—6 молодыхъ миссіонеровъ. Японцы умны,—они латинства не любятъ, потому что оно не можетъ обходиться безъ политики, и они уже испытали отъ нихъ предательство въ XVII вѣкѣ, когда японцы изгнали ихъ и запретили христіанство. Кромѣ того, католики запрещаютъ читать священное писаніе на своемъ языкѣ и спорить съ нами или протестантами. Но японцы съ образова-

ніемъ не терпятъ подобныхъ запрещеній, и католичество здѣсь меньше всѣхъ имѣетъ шансовъ на распространеніе.

— Одинъ изъ очевидцевъ рассказываетъ любопытныя подробности о православномъ богослуженіи у японцевъ. Во все время богослуженія въ храмѣ царилъ удивительный порядокъ и благочиніе. Пѣвчіе размѣщались по обѣ стороны церкви правильными рядами. Богомольцы тихо и спокойно входили въ храмъ, а когда стали прикладываться ко кресту, никто не спѣшилъ, не старался протиснуться впередъ раньше другихъ, хотя ни одинъ человѣкъ не удалялся изъ храма, не приложившись. Передъ причастіемъ, Семенъ Мін, кончившій курсъ кандидатомъ кievской духовной академіи, сказалъ, за отсутствіемъ преосвященнаго, проповѣдь и, притомъ, очень умѣло. Вся служба исполнялась на японскомъ языкѣ. Передъ проповѣдью всѣ прихожане сѣли на полъ по японскому обычаю. Многіе изъ стариковъ и старушекъ все богослуженіе оставались на полу и часто на колѣняхъ горячо молились и клали земные поклоны. Между православными японцами есть даже и подвижники, — къ числу ихъ принадлежалъ приходскій священникъ Іоаннъ Сакай. Онъ питался нѣсколькими щепотками риса и водой въ теченіе цѣлаго дня и умеръ отъ истощенія силъ послѣ сорокадневнаго поста, наложеннаго имъ на себя добровольно. Кромѣ отца Іоанна, бывали еще и другіе примѣры удивительнаго подвижничества.

— «Церк. Вѣстн.» обращаетъ вниманіе на слабый надзоръ за церковно-приходскими школами. Одною изъ слабыхъ сторонъ теперешней жизни церковно-приходскихъ школъ, — говоритъ онъ, — по справедливости признается всѣмъ надзоръ за этими школами. И дѣйствительно, возьмемъ ли мы этотъ надзоръ въ смыслѣ руководства, или въ смыслѣ контроля за ходомъ школьнаго дѣла, мы не найдемъ ни учрежденій, ни лицъ, спеціально и исключительно занятыхъ и посвящающихъ свои силы и энергію церковно-приходской школѣ. Всякому, конечно, извѣстно, что члены епархіальнаго училищнаго совѣта и священники-наблюдатели за школами, какъ бы ни были опыты въ школьномъ дѣлѣ и преданы ему, но тѣмъ не менѣе всегда могутъ отдавать на него столько времени и силъ, сколько у нихъ остается отъ исполненія ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Такая постановка дѣла можетъ быть допущена лишь временно и чѣмъ скорѣе она прекратитъ свое существованіе, тѣмъ для школьнаго дѣла будетъ выгоднѣе. Но при этомъ, естественно, возникаетъ вопросъ о томъ, на какихъ же началахъ и основаніяхъ

устроить этотъ надзоръ, т. е. учредить ли особый институтъ инспекторовъ и директоровъ для церковно-приходскихъ школъ въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ для надзора и руководства за земскими и министерскими школами, или подчинить церковно-приходскія школы уже существующимъ директорамъ и инспекторамъ министерства народнаго просвѣщенія, объединивъ, конечно, всѣ типы существующихъ школъ въ томъ одномъ, который представляетъ изъ себя высшая церковно-приходская школа. Вотъ что пишетъ по этому поводу издатель «Гражданина»: «Имѣлъ сегодня педагогическій разговоръ на тему, которая покажется съ перваго раза странною и какъ будто не въ духѣ «Гражданина», но тѣмъ не менѣе я ею очень дорожу, какъ твердымъ убѣжденіемъ. Мой собесѣдникъ, привѣтствуя, какъ я, осуществленіе мысли постепеннаго высвобожденія изъ-подъ вѣдѣнія земствъ народнаго образованія, желаетъ всецѣло переводить его въ область церковно-приходской школы, подъ руководство и хозяйственное распоряженіе духовенства. Вотъ на этомъ я съ нимъ разошелся и объ этомъ сталъ спорить. Есть двѣ народныя школы: школа грамотности и сельская школа. Школа грамотности—это церковно-приходская школа, низшая; сельская школа, съ курсомъ первоначальныхъ наукъ для кончающихъ курсъ школы грамотности,—это церковно-приходская школа, высшая. Обѣ должны быть одинаково въ вѣдѣніи или, вѣрнѣе, въ лоутѣ церкви, но въ то же время обѣ должны быть въ вѣдѣніи правительственнаго, непосредственнаго надзора, то есть дирекціи народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Правительство есть тотъ органъ власти и надзора, который долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы сельская школа обоеихъ разрядовъ была въ лоутѣ, подъ сѣнью православной церкви. Что же это значитъ? Значитъ ли это, что школами должно завѣдывать духовенство? Нѣтъ, по моему, это значитъ, что школа должна быть при церкви; это значитъ, что не должно существовать сельской школы безъ церкви; это значитъ, что священникъ долженъ быть попечителемъ школы, етиторомъ ея; но отнюдь не хозяиномъ ея и не непремѣннымъ въ ней учителемъ, по той простой причинѣ, что другія обязанности по приходу безусловно мѣшаютъ священнику аккуратно давать уроки, а разъ нѣтъ аккуратно въ урокахъ, нѣтъ и школы. Дѣло въ томъ, что желаніе поставить сельскую школу виѣ дурнаго свѣтскаго или либеральнаго вліянія земства вызвало учрежденіе церковно-приходской школы. Отсюда явилось противопоставленіе церковно-приходской школы, вѣдѣнія духовенства, не только земской шко-

лѣ, но и правительственной школѣ министерства народнаго просвѣщенія. Мало того, отсюда явилось почти уже совсѣмъ новое и аномальное! Явилась мысль объ учрежденіи церковно-приходской школы съ двумя и тремя классами, т. е. съ программю не только обученія грамотѣ, но и образовательною, отдѣленною отъ казенной съ такою же программю школы. Очевидно, все это могло имѣть смыслъ—поколику правительство поддерживало земскія школы съ ихъ самобытною программю и вело свои казенныя сельскія училища въ разобщеніи съ Церковію. Но теперь, когда министерство народнаго просвѣщенія смотритъ на народную школу совершенно такъ же, какъ церковное вѣдомство, и смотритъ такъ не только по убѣжденію, но во исполненіе Царской воли, то обособленіе церковно-приходской школы, въ видѣ новой не правительственной, а церковнаго вѣдомства школы, да еще съ совершенствованіемъ ея въ видѣ двухклассныхъ и трехклассныхъ школъ, является фальшью, и въ то же время подрывающей авторитетъ правительства въ глазахъ народа двойственностью. Народу какъ будто говорить Церковь: ты иди въ мою церковную, а въ царскую школу не иди,—она безбожная. Этотъ non sens надо уничтожить во что бы то ни стало. Всѣ сельскія школы должны быть при приходяхъ,—слѣдовательно, всѣ должны быть церковно-приходскія въ этомъ смыслѣ; но въ нихъ учить долженъ учитель подъ надзоромъ: съ одной стороны—священника и съ другой—правительства, а подчинена должна быть школа дирекціи училищъ, на общемъ основаніи. Священникъ же долженъ дополнять дѣло школы воскресными и праздничными бесѣдами съ дѣтьми въ церкви, и въ свободное отъ трудовъ время священникъ долженъ слѣдить за обученіемъ въ школѣ. Мнѣ кажется, что мысль эта вѣрна».

Трудно согласиться съ воззрѣніемъ автора, по крайней мѣрѣ въ той части, которая касается сужденія его о надзорѣ за школами. Правительственный чиновникъ «долженъ будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы сельская школа была въ лонѣ, подъ сѣнію православной Церкви». А что же остается на долю священника и духовной власти вообще? «А священникъ долженъ быть попечителемъ, ктиторомъ ея (т. е. строителемъ); но отнюдь не хозяиномъ». Духовной же власти предоставляется, вѣроятно, только право созерцать, какъ министерскіе чиновники будутъ внѣдрять въ сельскихъ школахъ православіе, такъ какъ по общему смыслу статьи г. Мецкерскаго выходятъ, что эти чиновники «православнѣе» самого духовенства. Ну, а если въ министерскихъ сферахъ произойдетъ новое вѣяніе,

совершенно противоположное теперешнему, то при чемъ останется духовенство и духовная власть, устранивающія нынѣ съ большимъ самопожертвованіемъ церковно-приходскія школы? Если и можно съ чѣмъ согласиться изъ вышесказаннаго, то съ тѣмъ лишь, что священникъ, за рѣдкими счастливыми исключеніями, не можетъ быть единственнымъ учителемъ въ школѣ, потому что у него есть слишкомъ много обязанностей и занятій, могущихъ часто и даже постоянно отрывать его отъ школы. Между тѣмъ у насъ, къ сожалѣнію, рѣдко обращаютъ вниманіе на это, и къ школамъ, которыя созданы и ведутся исключительно домашними средствами причтовъ, прилагаются тѣ же мѣрки и требованія, какъ и къ правильно организованнымъ.

По поводу преувеличенныхъ требованій отъ церковно-приходскихъ школъ, находимъ слѣдующее сужденіе въ журналѣ «Русская Мысль». «Если, — говоритъ журналъ, — причты берутъ школьное дѣло на себя, то нельзя же отъ нихъ и требовать чего-либо болѣе кромѣ обученія грамотѣ и катехизису. Къ сожалѣнію, у насъ часто не знаютъ мѣры для этихъ требованій. Такъ, напр., по сообщенію одного епархіальнаго изданія, одинъ изъ ревизующихъ требовалъ недавно въ одной епархіи, чтобы церковно-славянское чтеніе въ каждой церковно-приходской школѣ было псалмодическое распѣвное, по издревле принятому въ церкви примѣру; чтобы ученики церковно-приходскихъ школъ во второмъ году обученія обязательно знали наизусть, въ разбивку, пѣніе на всѣ восемь гласовъ; каждый ученикъ школы обязательно долженъ знать житіе святого, имя котораго носить; ученики должны знать тропари великихъ праздниковъ, болѣе чтимыхъ святыхъ и дней недѣли; по временамъ, среди недѣли, завѣдующіе школами священники должны совершать въ школахъ, при участіи учителей и учениковъ, вечернія службы или акафисты, не только для пріученія учениковъ къ порядку, но и для развитія въ нихъ благоговѣнія и благочестія, для освященія молитвою самой школы. Спрашивается, — заключаетъ журналъ, — если у сельскаго священника находится одна приходская школа, въ которой преподаетъ онъ самъ и кто-нибудь изъ домашнихъ, да нѣсколько школъ грамотности, въ которыхъ учатъ отставные писцы и солдаты, подъ надзоромъ священника, и если за всю эту дѣятельность священникъ не получаетъ ничего, то можно ли исполнять хотя половину того, что выше перечислено? Спрашивается еще, кто во всемъ приходѣ, кромѣ самого священника, знаетъ тропари на всѣ восемь гласовъ

въ «разбивку» и на всѣ праздники, чтобы могъ обучить имъ дѣтей? Ясно, что такія преувеличенныя требованія прямо ведутъ къ тому, чтобы самыя школы существовали только на бумагѣ. Наконецъ, какое право имѣютъ ревизоры предъявлять требованія, далеко превосходящія установленную для церковно-приходскихъ школъ программу?»

— Несомнѣнна и значительна нужда многихъ приходо въ церковныхъ библіотекахъ. На этотъ предметъ нынѣ начинаютъ жалѣть денегъ. Одинъ изъ приходскихъ священниковъ новгородской епархіи недавно просилъ разрѣшенія — ежегодно отчислять на пополненіе церковно-приходской библіотеки 50 руб. изъ церковныхъ суммъ, и это разрѣшеніе ему дано, подъ условіемъ, если такой расходъ не будетъ обременительнымъ для церкви.

— Многія духовныя лица продолжаютъ нести не малые расходы для церковныхъ школъ. Такъ, по вновь полученнымъ извѣстіямъ, одинъ изъ священниковъ екатеринбургской епархіи платитъ изъ своихъ средствъ ежегодно по 50 руб. учителю открытой имъ школы грамотности въ одной деревнѣ своего прихода; другой священникъ снабдилъ открытую имъ церковно-приходскую школу письменными принадлежностями и платитъ по 2 руб. въ мѣсяць за квартиру для школы, и т. п. Въ одномъ изъ селъ минской епархіи на средства приходскаго священника произведенъ ремонтъ церковнаго домика для школы, устройство классной мебели и общежитія, покупка органа для пѣнія; псаломщикъ въ этомъ приходѣ, по отзыву священника, работаетъ въ школѣ до самоотверженія и въ общежитіи почти замѣняетъ дѣтямъ ихъ матерей, оставаясь при нихъ до ихъ отхода ко сну.

— 8 сентября, въ Петербургѣ, при торжественной обстановкѣ, происходила закладка церкви подворья андреевскаго авонскаго скита, сооружаемой на Пескахъ, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августѣйшею Семьею отъ опасности, угрожавшей Ихъ жизни, во время крушенія поѣзда, 17 октября 1888 года. Богослуженіе при закладкѣ храма совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ съ лаврскимъ духовенствомъ.

— Въ появившемся сообщеніи о недавнемъ обозрѣніи преосвященнымъ Діоцисіемъ уфимской епархіи объясняется, почему православіе не такъ легко прививается здѣсь къ язычникамъ, какъ магометанство. Одна изъ причинъ заключается въ ограниченномъ числѣ церквей и большомъ количествѣ мечетей въ уфимской епар-

кін. Въ рѣдкихъ уѣздныхъ городахъ можно видѣть двѣ или три церкви, а мечетей не въ рѣдкость видѣть во многихъ селахъ по 5 и по 6. Есть нѣкоторыя деревни крещеныхъ чувашъ въ 200 и болѣе домовъ безъ церкви и священника. Онѣ приписаны къ какой-нибудь церкви за 10 или за 15 верстъ, по временамъ къ нимъ навѣзжаетъ священникъ для исправленія христіанскихъ требъ, но въ существѣ его посѣщеніе, по большей части, бываетъ бесплодно, потому что приходскіе священники инородческихъ языковъ не знаютъ.

— Въ «Сынѣ Отечества» пишутъ: давно уже было высказываемо желаніе о сооруженіи памятника въ Возѣ почившей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ имени которой воспитываются тысячи дѣтей. Въ настоящее время послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на осуществленіе этой мысли. Первыми жертвователями на сооруженіе памятника явились Ихъ Императорскія Величества и члены Августѣйшей Семьи, пожаловавшіе для этой цѣли изъ своихъ средствъ 24.750 рублей. Предсѣдатель комитета по сооруженію памятника, статсъ-секретарь Дурново, какъ сообщаютъ, обратился съ предложеніемъ къ городскимъ головамъ о приѣмѣ подписки на памятникъ въ Возѣ почивающей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровны.

— Изъ годоваго отчета общества распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1888 г. видно, что составъ общества состоитъ изъ 35 дѣйствительныхъ членовъ и 1.249 членовъ сотрудниковъ и сотрудницъ. Дѣятельность общества заключалась въ распространеніи во всѣхъ предѣлахъ Россіи священныхъ книгъ. Всего распространено за отчетный годъ 67.934 экземпляра разныхъ книгъ Св. Писанія на сумму 17.442 р. 5 коп. Къ 1 января осталось на лицо 43.792 книги на сумму 9.252 р. 3 коп. Всего съ основанія общества распространено по Россіи въ теченіе 25 лѣтъ 1.296.978 экз. Денежныя средства общества выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: въ отчетномъ году поступило въ кассу общества пожертвованій, % съ капитала, членскихъ взносовъ и другихъ поступленій на сумму 15,465 р. 24 к. Израсходовано 1,106 р. 87 к. Капиталъ общества заключается въ деньгахъ, книгахъ и % бумагахъ на сумму 9,581 р. 45 к. Всѣ же средства общества къ 1 января 1889 г. равняются 24,178 руб. 30 коп. Долговъ у общества имѣется на сумму 12,073 р. 47 коп. Главный лоходъ общества заключается въ различныхъ пожертвованіяхъ книгами и деньгами. Въ отчетномъ году пожертвовано Государемъ Императоромъ, Государыней Императри-

цей, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и другими Высочайшими Особами 895 р. Американское Библейское общество пожертвовало на даровую раздачу священныхъ книгъ и въ возвратъ произведенныхъ расходовъ по распространенію св. книгъ въ дальнихъ мѣстностяхъ Россіи 5,716 р. 20 к. Частными лицами и различными учрежденіями пожертвовано 1,104 р. 76 к. Кромѣ того пожертвовано американскимъ библейскимъ обществомъ 2,170 р. 15 к. на распространеніе св. книгъ въ дальнихъ мѣстностяхъ Россіи и на бесплатную раздачу ихъ, и на образованіе фонда пособій для кнгопошъ пожертвовано разными лицами 353 р. 23 к.

— Въ «Курскихъ Епарх. Вѣд.» мы встрѣтили слѣдующее, заслуживающее полного вниманія и сочувствія, постановленіе съѣзда духовенства 3 благочинническаго округа Тимскаго уѣзда. Одинъ изъ священниковъ округа лишился всего своего имущества отъ пожара. Съѣздъ по этому случаю постановилъ: ассигновать въ пользу разорившагося отъ огня, изъ собственныхъ средствъ духовенства 3 благочинническаго округа (75) семьдесятъ пять рублей, сдѣлавъ раскладку на каждый причтъ, соображаясь съ средствами онаго. Раскладка означенной суммы 75 рублей, въ случаяхъ разоренія отъ огня кого-либо изъ лицъ духовнаго званія 3-го благочинническаго округа, должна вѣдаться и впредь, при случаяхъ одиночныхъ—на долю священника 75 рублей, діакона—37 и псаломщика—18; потерпѣвшій священникъ съ причтомъ дѣлитъ 75 рублей кружечнымъ порядкомъ. Если въ теченіе года будетъ два-три несчастныхъ случая, то взиманіе денегъ переносится на слѣдующій годъ. Заявленіе о пожарныхъ случаяхъ потерпѣвшими подается въ благочинническій совѣтъ, коимъ взимаются деньги и удовлетворяются по расчету потерпѣвшіе, съ донесеніемъ о томъ его преосвященству.

На рапортѣ благочиннаго его преосвященству о вышеизложенномъ послѣдовала такая резолюція: «За доброе дѣло на духовенство 3-го благочинническаго округа призываю Божіе благословеніе». Этотъ примѣръ братской помощи въ нуждѣ заслуживаетъ полного сочувствія и подражанія.

— Въ «Ярославск. Епарх. Вѣд.» напечатано энергическое пастьрское воззваніе преосвященнаго Ярославскаго Іоанавана къ духовенству епархіи, направленное противъ дурнаго обычая лицъ духовныхъ часто мѣнять мѣста своего служенія. «Живите, пастыри, особенно юные, въ какое мѣсто кого Богъ поставилъ,—пишетъ между прочимъ преосвященный,—трудитесь по мѣрѣ своихъ способ-

ностей и силъ: труды Богъ оплодотворяетъ; многолѣтная жизнь на одномъ мѣстѣ при благочестіи привлечетъ необходимо къ вамъ сердечное народное сочувствіе, а съ нимъ придетъ и матеріальное обезпеченіе не только вамъ, а и семействамъ вашимъ. Я знаю васъ всѣхъ, слѣжу за всѣми, и въ нужное время не оставлю никого безъ возможной для меня помощи. Въ моихъ глазахъ два перехода только законны: это 1) въ случаѣ народной или причтовой вражды къ священнику, — отъ чего васъ всѣхъ да избавитъ Богъ, и 2) переводъ по усмотрѣнію начальства для блага дѣятелей и паствъ за благочестное служеніе».

— Въ «Руков. для сельск. паст.» сообщается, что Кіевское епархіальное начальство для противодѣйствія развитію штундизма въ Кіевской епархіи и съ цѣлью возвращенія въ лоно Церкви заблудшихъ, на помощь духовенству, недавно назначило 3 лица, съ высшимъ академическимъ образованіемъ, въ качествѣ свѣтскихъ миссіонеровъ. По городу Кіеву, съ командировкамъ въ вакаціонное время по сельскимъ штундистскимъ пунктамъ были назначены: преподаватель Кіевской семинаріи В. М. Свворцовъ, по епархіи — кандидаты богословія гг. Ольшевскій и Козицкій. Въ обязанность свѣтскихъ миссіонеровъ начальствомъ вмѣнено вести изъяснительныя и полемическія собесѣдованія и увѣщанія въ молитвенныхъ собраніяхъ и въ частныхъ домахъ штундистовъ, а также собраніе свѣдѣній и научное изслѣдованіе этой недавней на Руси, но успѣвшей уже распастся на нѣсколько толковъ ереси, по особой программѣ, выработанной и утвержденной завѣдующимъ миссіонерскими дѣлами епархіи преосвящ. Иринеємъ, епископомъ уманскимъ.

— Газеты сообщаютъ, что, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ окончательно выработанъ проектъ закона относительно исключенія изъ русскаго подданства. Согласно этому проекту изъ русскаго подданства будутъ исключаться: 1) принявшіе иностранное подданство безъ разрѣшенія правительства; 2) вступившіе безъ разрѣшенія правительства въ иностранную службу, военную или гражданскую; 3) не возвратившіеся на родину по вызову правительства въ назначенный срокъ, и 4) обвиняемые въ уголовныхъ и государственныхъ преступленіяхъ, не явившіеся въ назначенный имъ срокъ по вызову подлежащей судебной власти. Въ отношеніи лицъ женскаго пола устанавливается: а) женщины, вступившія въ бракъ съ иностранными подданными, утрачиваютъ права русскаго подданства, б) объ увольненіи изъ подданства могутъ просить вдовы и жены разведенныя, а также совершеннолѣтнія дѣвцы, но по-

слѣднія не иначе, какъ съ разрѣшенія родителей; в) жена увольняемаго изъ подданства можетъ быть уволена вмѣстѣ съ нимъ, но не иначе, какъ съ ея согласія, г) жены, уволенные изъ подданства вмѣстѣ съ мужьями, вновь будутъ признаваться русскими подданными, когда въ продолженіе года со смерти мужа, или же развода съ нимъ, заявятъ о томъ желаніе.

— Въ настоящее время въ разныхъ епархіяхъ озабочены мыслью дать болѣе или менѣе вѣрныя средства къ жизни тѣмъ воспитанникамъ духовныхъ училищъ и семинарій, которые или по малоуспѣшности, или по бѣдности своихъ родителей, принуждены бываютъ увольняться изъ вышеназванныхъ заведеній, не окончивши въ нихъ полного курса. Въ одной, напр., епархіи, для такихъ учениковъ открываютъ ремесленное училище; въ другой школу для приготовленія учителей въ церковно-приходскія школы, учителей пѣнія, псаломщиковъ и т. п. А вотъ для дѣвицъ духовнаго званія, кромѣ епархіальнаго училища, ничего нѣтъ и ничего не проектируется, и поэтому всѣ, не имѣвшія счастья докончить полного курса, остаются на рукахъ родителей недоучками, къ которымъ и отношеніе какъ родителей, такъ равно и постороннихъ лицъ болѣею частію мѣняется не въ ихъ пользу. Впрочемъ, эти недоучки еще находятся въ относительно лучшемъ положеніи, такъ какъ хоть какое нибудь да получили образованіе, — могутъ, по крайней мѣрѣ, при нуждѣ прочесть или написать что нибудь. Но кромѣ нихъ, у насъ есть множество дочерей псаломщиковъ, которымъ отцы совсѣмъ не могутъ дать и этого малаго, тѣмъ болѣе, что и плата за обученіе въ епархіальномъ училищѣ въ послѣднее время еще болѣе увеличена. Вотъ для нихъ-то и не мѣшало бы что нибудь сдѣлать. Въ Екатеринославской епархіи сдѣланъ, впрочемъ, начинъ въ этомъ направленіи. Тамъ возбужденъ весьма важный вопросъ объ открытіи ремесленной школы, или же ремесленнаго отдѣленія при Екатеринославскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Комmissія, назначенная для разсмотрѣнія этого вопроса, пришла къ слѣдующимъ соображеніямъ.

«По справкамъ, сдѣланвымъ изъ клировыхъ вѣдомостей всей екатеринославской епархіи, оказывается, что въ 1886 году у 641 псаломщика было дѣтей женскаго пола отъ 8 лѣтнаго возраста 456 душъ, изъ которыхъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ обучалось только 43 воспитанницы. Слѣдовательно, весьма незначительная часть псаломщическихъ дочерей получаетъ образованіе, большинство остается безъ образованія. Причину этого явленія ком-

миссія видить въ скудныхъ средствахъ, которыми располагають псаломщики, получающіе казеннаго жалованья отъ 19 до 50 руб. въ годъ и изъ кружки четвертую часть противъ священника. Но, съ другой стороны, само образованіе, которое могутъ получать дочери псаломщиковъ въ епархіальномъ училищѣ, недостаточно обезпечиваетъ ихъ будущую судьбу. Не всѣ воспитанницы, окончившія курсъ въ епархіальномъ училищѣ, имѣють возможность получить мѣсто учительницы въ церковно-приходской или земской школѣ, многія изъ нихъ возвращаются въ свои семейства. Дочери псаломщиковъ, оторванные своимъ воспитаніемъ отъ скромной семейной обстановки, не получивъ мѣсть, соотвѣтствующихъ ихъ образованію, дѣлаются бременемъ для семьи и сами тяготятся своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ. Среди такихъ дѣвицъ особеннаго вниманія заслуживаютъ дочери псаломщиковъ — сироты, объ участи которыхъ крайне нужно позаботиться. По мнѣнію комиссіи, для дочерей бѣдныхъ родителей (преимущественно псаломщиковъ), а равно и мало успѣвающихъ, слѣдовало бы открыть особое училище по программѣ одноклассной церковно-приходской школы, полагая 7 уроковъ въ недѣлю для русскаго и славянскаго чтенія, 7 уроковъ для письма и пѣнія и 7 — для изученія молитвъ и Закона Божія. Кроме того, воспитанницъ должно приучать къ внѣшнему благоприличію, скромности, опрятности, бережливости, а равно и къ домашнему хозяйству. Для этого онѣ должны сами для себя шить и починять бѣлье и платье, убирать комнаты и постели, поочередно участвовать въ приготовленіи кушанья на кухнѣ, собирать на столъ и подавать кушанье въ столовой, заниматься садкою и поливкою разныхъ овощей и растений и другими предметами домашняго хозяйства, напримѣръ: заготовленіемъ молочныхъ скоповъ, солений, квашений и проч. Свободное отъ учебныхъ занятій время, по мнѣнію комиссіи, должно быть употребляемо на изученіе ремеслъ и предметовъ домашняго хозяйства, какъ-то: мытья, батанья, глаженья, кройки, шитья платья на машинѣ и безъ оной, духовныхъ костюмовъ и священныхъ облачений и вышиванья разнаго рода».

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку соображеній этой комиссіи, мы только скажемъ, что идея — подготовить къ жизни тѣхъ дѣвицъ, которыя, по бѣдности своихъ родителей-псаломщиковъ, оставлены на произволъ судьбы, сама по себѣ очень хороша, и весьма многихъ, въ особенности старыхъ псаломщическихъ дѣвъ, вывела бы изъ ихъ безвыходнаго положенія и дала бы имъ возможность зара-

богаты себѣ кусокъ хлѣба. Да и вообще, будетъ ли дѣвушка когда нибудь за-мужемъ или нѣтъ, ей всегда необходима будетъ практическая жизненная подготовка; замужнею—она умѣло будетъ вести расходы на жизненные нужды, дѣвушкою—при знаніи ремесла и хозяйства, будетъ имѣть средства къ безбѣдному существованію. Въ особенности знанія какихъ-нибудь ремесла и умѣнье вести хозяйство необходимо въ селѣ, гдѣ не мало бываетъ случаевъ применить свои практическія знанія къ дѣлу и гдѣ простая крестьянка не сумѣетъ, на примѣръ, выгладить бѣлья, приготовить кушанья, а тѣмъ болѣе что нибудь скроить и сшить. При существованіи такого женскаго ремесленнаго училища, и прочіе священно-служители могли бы помѣщать туда тѣхъ своихъ дѣтей, которыя имѣютъ отъ природы недостаточныя способности къ прохожденію курса наукъ епархіальнаго училища и тѣмъ направлять ихъ къ практической дѣятельности; а такихъ, не оканчивающихъ въ епархіальномъ училищѣ полного курса, у насъ не малое число. (Моск. Церк. Вѣд.).

— Въ «Церк. Вѣд.» напечатано любопытное письмо блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго, Никодима, къ оберъ-прокурору Св. Синода по поводу приводимаго ниже подложнаго письма одного изъ многочисленныхъ эксплуататоровъ православнаго русскаго народа, не скупящагося жертвовать на св. мѣста. Приводимъ письмо патріарха цѣликомъ для достиженія той-же цѣли, для которой пишетъ г. оберъ-прокурору и самъ блаженнѣйшій патріархъ Никодимъ. «Препровождая при семъ къ Вашему Высокопревосходительству поддѣльное письмо, написанное, будто-бы, нами и съ приложеніемъ печати, будто-бы настоятеля св. Гроба Господня, архимандрита Серафима, мы имѣемъ честь покорнѣйше просить Васъ не оставить распоряженіемъ о предостереженіи православнаго русскаго народа противъ грубыхъ поддѣлокъ, такъ часто практикуемыхъ разнаго рода обманщиками для наживы денегъ на счетъ святыхъ мѣстъ Палестины. Эти обманщики, которые суть по большей части или армяне, или несторіане изъ Персіи, или, можетъ быть, даже и евреи, бродятъ по Россіи, эксплуатируютъ религіозное чувство русскаго народа, собираютъ деньги и выдаютъ жертвамъ ихъ обмана подобнаго рода письма, какъ-бы въ видѣ росписокъ въ полученіи выпрошенныхъ ими денегъ.

«Для предостереженія людей простодушныхъ отъ такого обмана, было-бы цѣлесообразно неопустительно слѣдить за такими обманщиками и поручать священникамъ время отъ времени дѣлать въ этомъ отношеніи нужныя внушенія своимъ прихожанамъ. Сверхъ

того, было-бы необходимо предостерегать и печатно отъ такихъ поддѣльвателей и обманщиковъ православнаго русскаго народа, охотно дающаго свои жертвы въ пользу святыхъ мѣстъ».

Въ препровожденномъ при этомъ, подложномъ письмѣ значится слѣдующее:

«Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь!

Отъ патріарха Никодима, Господомъ Богомъ благословеннаго, чаду моему Николаю Лисимаку. Извѣщаю тебя, Богомъ любимое чадо, что я отъ тебя 50 руб. получилъ, за что и за 40 руб., а всего 90 руб. пусть тебя наградить Господь Всевышній. Эти деньги употреблены для поминовенія вѣчной жизни. Мы теперь живемъ въ странѣ невѣрной, турецкой, гдѣ кромѣ гоненія и пресѣдованія ничего не имѣемъ, а уповаемъ только на Господа Бога и добрыхъ братьевъ нашихъ. Прошу васъ не оставьте просьбы нашей, во имя спасенія душъ вашихъ, и пришлите намъ еще 50 р. для удовлетворенія нашихъ насущныхъ нуждъ, и Господь Богъ васъ, живущихъ въ христіанской странѣ, за добрыя дѣла васъ не оставитъ своею благодатью. Въ ожиданіи отъ васъ, братія, просимой во имя Бога и нашей святой вѣры, вашей помощи, остаемся молящія за васъ неустанно, денно и ночью. Никодимъ, патріархъ іерусалимскій».

На письмѣ этомъ (вверху и внизу) двѣ печати, съ изображеніемъ храма и съ надписью вокругъ на греческомъ языкѣ: «Св. гроба настоятель Серафимъ. 1858».

Русскій народъ не богатъ деньгами,—замѣчаетъ по этому поводу «Ц. В.»,—но богатъ добрыми душевными качествами; это хорошо понимаютъ разные проходимцы и этимъ пользуются, чтобы отнять и послѣдніе гроши. Духовенству слѣдуетъ всѣми силами вооружиться противъ этого зла. Труды его въ этомъ отношеніи будутъ трудами на пользу народа и Церкви, потому что самозваные сборщики не только наносятъ ущербъ матеріальному благосостоянію русскаго народа, но они забираютъ ту лепту, которая, при другихъ условіяхъ, могла бы поступить въ пользу мѣстной церкви. Недавно въ синод. органѣ и «Прав. Вѣст.» опубликованы данныя, съ помощію которыхъ духовенство можетъ ориентироваться по вопросу о сборѣ пожертвованій въ пользу православныхъ церковныхъ учрежденій на востокѣ. Законный сборъ поданій прибывающими изъ за границы духовными лицами производится не иначе, какъ по особой, выдаваемой для сего за надлежащею скрѣпкою и приложеніемъ печати канцеляріи Св. Синода, кннгѣ. Слѣдовательно, всѣ,

не могущіе представить такой книги, суть самозванные сборщики. Законный путь для направленія пожертвованій на гробъ Господень и на Аѳонъ денежными посылками двоякій: 1) деньги отсылаются въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ, откуда направляются по назначенію согласно волѣ жертвователей (почему и всѣ пожертвованія, присылавшіяся на имя редакціи «Церковнаго Вѣстника», обязательно передавались и впредь будутъ передаваться въ Хозяйственное Управленіе), 2) пожертвованія на аѳонскіе монастыри, по волѣ жертвователей, могутъ отсылаться и непосредственно въ правильно устроенныя монастырскія учрежденія, каковы суть: русскій Пантелеймоновскій, Андреевскій и Ильинскій, имѣющіе въ Одессѣ свои особыя подворья съ правомъ посредничества въ отправкѣ на Аѳонъ посылокъ и корреспонденціи. Но нужно твердо помнить, что число такихъ подворій ограничивается названными тремя, не больше. Всѣ же повѣренныя отъ разныхъ аѳонскихъ келлій (Покровской, Троицкой, Рождественско-Іоанно-Предтеченской, Петра и Онуфрія, св. Георгія и Саввы, св. Артемія, 12 апостоловъ, Крестовоздвиженской, св. Іоанна Златоуста, св. Николая чудотворца, Трехъ святителей, Рождества Богородицы и пр.), имѣющіе пребываніе преимущественно въ Одессѣ и собирающіе со всѣхъ концовъ Россіи пожертвованія тысячами и десятками тысячъ рублей — дѣйствуютъ самовольно, безъ разрѣшенія правительства и деньги, ими собираемыя, не достигаютъ благочестивой цѣли. Всѣхъ этихъ повѣренныхъ слѣдовало бы подвергнуть полицейскому преслѣдованію, чтобы пресѣчь ихъ незаконную дѣятельность по обиранію русскаго народа, русскимъ же добродетельнымъ дателямъ, во избѣжаніе смѣшенія съ незаконными трехъ законно-существующихъ въ Одессѣ учреждений (подворій Пантелеймоновскаго, Андреевскаго и Ильинскаго монастырей), слѣдовало бы принять за правило даянія свои посылать исключительно въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ, а лично сборщикамъ вручать деньги не иначе, какъ послѣ предварительнаго удостовѣренія, что у нихъ есть сборная книга, выданная канцеляріей Св. Синода.

— Вызванные для присутствованія въ Св. Синодѣ въ теченіе зимы 1889 — 1890 гг.: преосвященнѣйшіе — Сергій, архіепископъ кишиневскій и хотинскій, и Θεогностъ, архіепископъ владимірскій и суздальскій, принадлежать къ числу старѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ православныхъ іерарховъ. Преосвященнѣйшій Сергій считается однимъ изъ солиднѣйшихъ современныхъ богослововъ; во второй половинѣ 50-хъ годовъ онъ около пяти лѣтъ со-

стоялъ ректоромъ московской духовной академіи. Въ санъ епископа возведенъ въ 1860 году и около 20 лѣтъ занималъ курскую кафедру; въ 1880 году онъ былъ возведенъ въ архіепископы съ назначеніемъ въ казанскую епархію. Клишневскую архіепископальную кафедру преосвященнѣйшій Сергій занимаетъ съ 1882 года. Преосвященнѣйшій Теофилъ постриженъ въ монашество въ 1853 году, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ занималъ должности ректора орловской и подольской духовныхъ семинарій. Въ епископы возведенъ въ 1866 г. и, послѣдовательно, занималъ кафедры: астраханскую, подольскую и владимірскую; въ архіепископы возведенъ въ 1883 году. Въ отсутствіе преосвященнѣйшаго Теофила его замѣнять будетъ викарій владимірской епархіи, посвященный прошлою зимою, преосвященный Александръ, епископъ муромскій.

— Корреспондентъ «Сын. Отеч.» сообщаетъ слѣдующіе результаты пріемныхъ испытаній для вступленія въ московскую духовную академію. Для испытанія даны были слѣдующія письменныя упражненія: 1) по философіи: «То явленіе, что психическія способности у животныхъ, аналогичныя съ способностями человѣка, находятся въ тѣсной связи съ организмомъ и съ разрушеніемъ его уничтожаются, не ведетъ ли къ заключенію, что и душа человѣка не можетъ быть самостоятельной и бессмертной?»; 2) по библейской исторіи: «Въ горячей борьбѣ между собою во имя одного и того же Іеговы, какими различными путями желали вести народъ еврейскіе пророки—истинные и ложные?»; 3) по Св. Писанію ветхаго завѣта: изъясненіе словъ книги пророка Іереміи о «завѣтѣ новомъ» (Іер. 31 гл., 30—34). Кроме того, были предложены устныя испытанія по общей и русской церковной исторіи, по Св. Писанію новаго завѣта и по одному изъ классическихъ языковъ по выбору экзаменуемыхъ. На двухъ послѣднихъ испытаніяхъ у I группы воспитанниковъ изволялъ присутствовать высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій, Іоанникій. На испытанія явилось 72 желающихъ — 67 изъ воспитанниковъ духовной школы (въ томъ числѣ два вдовыхъ священника), 3 изъ свѣтскихъ (въ томъ числѣ двое изъ гимназіи и одинъ изъ пажескаго корпуса), 2 иностранцевъ — болгарскій архимандритъ Анѳимъ Кличевъ и одинъ сербъ. Изъ этого количества приняты 49, — 30 на казенное содержаніе и остальные на стипендіи. Изъ свѣтскихъ принять только воспитанникъ пажескаго корпуса. О принятіи серба, не знающаго русскаго языка, будетъ возбуждено ходатайство въ Св. Синодѣ. Болгарскій архимандритъ принять на свой коштъ. Оба

священника приняты. Кроме того, принять въ число студентовъ бывший въ прошломъ году вольнослушателемъ грекъ Николай Хри-стодуль. Большой процентъ прѣхавшихъ былъ, по обыкновенію, изъ московской духовной семинаріи—16 ч., изъ коихъ приняты лишь 7. Лучшими воспитанниками приняты одинъ воспитанникъ тамбовской семинаріи, одинъ—московской, одинъ—виленской. Въ числѣ принятыхъ на казенный счетъ находится бывший безпоповецъ, сынъ еедосѣвскаго старца, нынѣ усерднаго православнаго миссіонера, г. Сенатова.—В. Сенатовъ, своими личными трудами безъ руководства добившійся поступленія въ московскую духовную семинарію, выдержавшій испытанія по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса на званіе студента семинаріи и теперь принятый въ число студентовъ академіи. Его имя не безызвѣстно въ противостарообрядческой литературѣ. Въ число вольнослушателей поступили одинъ грекъ—діаконъ изъ Іерусалимскаго патріаршаго училища и врачъ М. Цвѣтаевъ, бывший послушникъ геесиманскаго скита, кончившій курсъ въ московскомъ университетѣ. Въ заключеніе нельзя не сказать, что общій уровень державшихъ приемныя испытанія оказался весьма слабымъ. При возможности принять большее количество ограничились принятіемъ 49 восп. Особенно много неудовлетворительныхъ балловъ оказалось по сочиненію на тему пзъ ветхаго завѣта.

— Для подготовленія къ миссіонерскому служенію среди раскольниковъ и сектантовъ существуетъ въ Екатеринославѣ миссіонерское училище. Въ прошломъ іюнѣ епархіальный миссіонерскій комитетъ при екатеринославской семинаріи производилъ повѣрку годичныхъ работъ четырехъ воспитанниковъ этого училища и, на основаніи веденныхъ воспитанниками обстоятельныхъ дневниковъ и представленныхъ ими годичныхъ сочиненій, а также въ виду ихъ устныхъ отвѣтовъ, заключилъ, что воспитанники добросовѣстно трудились надъ уясненіемъ для себя задачъ миссіонерской дѣятельности и способовъ ихъ выполненія, съ должнымъ вниманіемъ старались изучить зло, съ которымъ они должны будутъ бороться въ мѣстахъ своего пастырскаго служенія. По уставу этого училища, занятія въ немъ для каждаго поступившаго въ него продолжаются не менѣе года.

Это училище составляетъ одну изъ особенностей названной епархіи, такъ же какъ и существующіе въ ней въ весьма значительномъ числѣ и, повидному, не бездѣйствующіе миссіонерскіе комитеты. 15 прошлаго іюля этихъ комитетовъ числилось въ епархіи 17. Въ

числѣ членовъ комитетовъ преобладаютъ протоіерей и священники, затѣмъ есть двое діаконовъ и одинъ псаломщикъ, нѣсколько дворянъ и мѣщанъ и весьма не мало крестьянъ, далѣе—1 кунецъ, 1 приставъ, 1 гласный, 1 унтеръ-офицеръ. Цифры интересныя.

При существовавшемъ въ прежнее время способѣ замѣщенія священно-церковно-служительскихъ мѣстъ, осиротѣвшія семейства духовныхъ лицъ, получая вспомошествованіе отъ родственниковъ, занявшихъ мѣсто ихъ родителей, нерѣдко обходились безъ пособія отъ епархіальныхъ попечительствъ. Теперь положеніе дѣла измѣнилось и расходы попечительствъ увеличились. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сожалѣнію, доходы нѣкоторыхъ попечительствъ уменьшились. Такъ было, напр., въ орловскомъ попечительствѣ, гдѣ еще въ 1883 г. обнаружился дефицитъ. Казначей этого попечительства причину этого явленія усматриваетъ и печатно указываетъ въ маломъ усердіи нѣкоторыхъ благочинныхъ къ дѣламъ попечительства.

Къ расходамъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній иногда настойчиво привлекаются и монастыри. Такъ, бывший въ прошломъ іюнѣ томскій епархіальный съѣздъ, узнавъ объ отказѣ настоятельницы томскаго женскаго монастыря въ принятіи на монастырское содержаніе стипендіатки епархіальнаго женскаго училища, по неимѣнію на то у обители средствъ, постановилъ: вновь покоряѣйше просить томскій женскій монастырь содѣйствовать мѣстному духовенству въ содержаніи томскаго епархіальнаго женскаго училища. Епархіальный преосвященный предписалъ исполнить это постановленіе.

— Редакція «Троицкихъ листковъ» съ недавняго времени стала нѣкоторые №№ «листковъ» печатать въ форматѣ копѣчныхъ книжекъ, очень удобныхъ для употребленія. Теперь она пошла дальше и стала издавать «Троицкія книжки» съ приложеніемъ хромолитографированныхъ «Троицкихъ образковъ», печатанныхъ въ 16 красокъ съ золотомъ, на плотной бумагѣ, мѣрою въ 2 вершка. Вышло до сихъ поръ три книжки (№ 21 Преображеніе Господне, № 5 Успеніе пресв. Богородицы и № 186 Рождество пресвят. Богородицы). Цѣна книжекъ съ образкомъ 3 к., а за 100 экземпляровъ 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р. Книжки съ образками будутъ хорошимъ подаркомъ для дѣтей въ народныхъ школахъ. Благодаря типографу И. Е. Ефимову, болѣе десяти лѣтъ печатающему «Троицкіе листки» въ своей типографіи, съ текущаго сентября отърывается отдѣленіе его типографіи въ Сергіевомъ Посадѣ, въ домѣ лавры, что дастъ редакціи болѣе удобствъ въ перепечаткѣ

листочковъ въ форматѣ книжечекъ, такъ что всѣ заказы (а таковыхъ можно ожидать не мало) исправно будутъ удовлетворяться.

«Троицкіе образки» издаются не только въ видѣ приложенія къ «Троицкимъ книжкамъ», но и отдѣльно, и продаются по цѣнѣ 2 р. за 100 экземпляровъ съ пересылкою. (Менѣе 100 экз. не высылаются). Такихъ образковъ (двухвершковаго размѣра) отпечатано уже 20. Рисунки работаны художникомъ спеціально для редакціи «Троицкихъ листковъ». Нѣкоторые рисунки составлены по подлинникамъ Румянцевскаго музея (Рождество пресв. Богородицы, Входъ въ храмъ пресв. Богородицы, Срѣтеніе Господне, Крещеніе Господне, Успеніе пресв. Богородицы, Воздвиженіе Креста Господня), причемъ заимствовались указанія и изъ «Ерминіи» Діонисія Фурноагіографіота (Входъ Господень въ Іерусалимъ, Сшествіе Спасителя во адъ); другіе—согласно древнимъ мозаикамъ, хранящимся въ разныхъ мѣстахъ (Пресвятая Троица—по римской мозаикѣ V в., Преображеніе Господне—по мозаикѣ Синайскаго монастыря VI в.); третьи—по тексту книгъ каноническихъ и апокрифическихъ (Вознесеніе Господне по 1-й гл. Дѣяній апостольскихъ, Воскресеніе Христово по апокриф. евангелію Назореевъ II вѣка); наконецъ, четвертые—по древне-греческимъ образцамъ и хранящимся въ разныхъ русскихъ монастыряхъ и церквахъ оригиналамъ (Нерукотворенный Образъ Христовъ, Рождество Христово, Благовѣщеніе пресв. Богородицы, св. Николай чудотворецъ, преп. Сергій радонежскій чудотворецъ и иконы Богоматери—Иверская, Казанская и Черниговская). На оборотной сторонѣ образковъ напечатаны краткія объясненія сюжета и указанія—откуда заимствованы тѣ или другія детали, напримѣръ, на оборотѣ образа «Благовѣщенія пресв. Богородицы» читаемъ: «Богоматерь изображена сидящею, какъ на древнѣйшемъ мраморномъ изваяніи, на солунскомъ амвонѣ. Свѣтлая радость праздника выражена въ торжественной обстановкѣ и блестящей одеждѣ небеснаго посланника—архангела (одежда Началь и Властей), согласно лучшимъ древнимъ памятникамъ византійскаго искусства.—Жезлъ—символь посланничества. Садъ напоминаетъ слова апостолу: рай пышный процвѣтаетъ». Въ общемъ, рисунки выполнены вполне удовлетворительно, особенно нѣкоторые, такъ что можно надѣяться—по мѣрѣ своего распространенія они сослужатъ немалую службу, очистивъ испорченный суздальскими «богомазами» эстетическій вкусъ простаго русскаго народа и познакомивъ его съ надлежащими изображеніями священныхъ лицъ и событій. Въ этомъ

отношеніи нельзя не принести глубокой благодарности неутомимому редактору «Троицкихъ листковъ», подъявшему этотъ новый трудъ—изданія образковъ. Разумѣется, строгіе критики найдутъ въ образкахъ и слабыя стороны, но такимъ критикамъ съ полною справедливостію можетъ быть уязано на то, что никакое искусство не представляетъ столько трудностей, какъ иконописаніе, такъ какъ тутъ художнику приходится имѣть дѣло не только съ исторіей и археологіей, но и съ символикой, аллегоріей, идеализаціей изображаемыхъ событій.

Образки пущены въ обращеніе не только отпечатанными на бумагѣ, но и наклеенными на папье-маше. Это новый, кажется, способъ наклейки хромолитографированныхъ иконъ. Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько экземпляровъ на папье-маше и можемъ засвидѣтельствовать, что папье-маше имѣетъ преимущества предъ деревомъ: 1) такой образокъ несравненно прочнѣе, и сырости не боится, потому что масса пропитана смолою, а лакъ не уступитъ въ прочности стеклу; 2) гораздо легче и удобнѣе къ пересылкѣ почтой и для путешествій. А вставленный въ рамочку, такой образокъ и по виду чище и изящнѣе, чѣмъ на деревѣ. Правда, простой человѣкъ любитъ иконы, именно, на деревѣ; но для такихъ любителей «Троицкіе образки» имѣютъ и наклеенные на липѣ по той же цѣнѣ, какъ на папье-маше, т. е. по 10 к., и на кипарисѣ по 15 к. Для братствъ и при значительныхъ требованіяхъ дѣлается уступка. Къ сожалѣнію, новыя почтовые правила не даютъ возможности назначить одну опредѣленную цѣну за пересылку наклеенныхъ образковъ; цѣна за посылку въ 1 фунтъ въ-сомъ простирается отъ 26 к. до 1 р. и болѣе, смотря по разстояніямъ.

Желающіе могутъ получить и *въ двенадцатые* праздники на *одной* доскѣ или на папье-маше, мѣрою въ 8×6 вершковъ. Цѣна на бумагѣ 35 к., на деревѣ и папье-маше 1 руб. 50 к. Средній образъ (4×3)—Сошествіе Спасителя во адъ—есть и отдѣльно. («Церк. Вѣстн.» №—37).

— Подборъ удовлетворительныхъ учителей для церковно-приходскихъ школъ продолжаетъ составлять предметъ не малыхъ заботъ и мѣропріятій для нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ. Потребность въ школахъ громадная, часто находятся и средства для открытія ихъ, но совсѣмъ нѣтъ учителей, да и взять ихъ негдѣ. Вотъ, напр., что читаемъ мы по этому поводу въ «Енисейскихъ Еп. Вѣд.». «Обращаясь къ статистическимъ даннымъ по-

слѣднаго времени о состояніи у насъ церковно-приходскихъ школъ, мы найдемъ въ нихъ слишкомъ ничтожное количество правоспособныхъ учителей; большинство же ихъ прошли только или элементарную школу, или мимоходомъ ознакомились съ приемами преподаванія въ начальной школѣ при учительской семинаріи; наконецъ, въ нѣкоторыхъ школахъ обученіе вѣдряется поселенцамъ. Среди церковнаго клира у насъ трудно встрѣтить діакона, а тѣмъ болѣе псаломщика хотя бы изъ неокончившихъ семинарскій курсъ; обыкновенно эти лица не окончили даже училища; да едва ли не цѣлая половина въ епархіи и священниковъ, которые не выслушали полнаго семинарскаго курса. Спрашивается теперь,—продолжаетъ епархіальный органъ,—можетъ ли принести пользу школѣ такой учитель, который самъ не прошелъ общеобразовательнаго курса и совсѣмъ не знакомъ даже съ самыми элементарными требованіями обученія? Наблюдатели за школами, преимущественно благочинные, за немногими исключеніями, могутъ посѣщать ихъ только разъ въ годъ, приурочивая свою ревизію школъ преимущественно къ обычной поѣздкѣ въ зимнее время по благочиніямъ, которыя по территоріи равняются цѣлому уѣзду, а иногда и нѣсколькимъ уѣздамъ внутреннихъ губерній Россіи. О результатахъ такого случайнаго наблюденія за школами—говорить излишне.

Въ виду, съ одной стороны, такого положенія дѣла, а съ другой—неимѣнія въ енисейской епархіи своей духовной семинаріи, мѣстный преосвященный озабоченъ устройствомъ учебнаго заведенія—«причетническаго класса съ педагогическимъ курсомъ». Цѣль такого учебнаго заведенія заключается въ томъ, чтобы готовить такихъ псаломщиковъ съ діаконами, которые могли бы совмѣщать эти обязанности съ учительскими въ церковно-приходскихъ школахъ. Съ этою цѣлью, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ: священной исторіи, краткихъ свѣдѣній изъ церковной исторіи, пространнаго катихизиса, церковнаго устава, нотнаго и простаго пѣнія, русскаго и славянскаго языковъ, ариѳметики и краткаго курса географіи и исторіи Россіи, вводятся еще въ преподаваемую школу—главныя основанія педагогики и дидактики, практическое ознакомленіе учениковъ съ церковнымъ и школьнымъ письмоводствомъ, хозяйствомъ, столярнымъ и переплетнымъ мастерствомъ. Приниматься въ школу будутъ мальчики преимущественно изъ духовнаго званія, прошедшіе два класса духовнаго училища, или двухклассную церковно-приходскую школу. Курсъ преподаваемой школы будетъ трехгодичный.

Едва ли можно назвать, — замѣчаетъ по этому поводу «Церк. Вѣст.», такую постановку дѣла цѣлесообразною и желательною. Для псаломщиковъ такая школа будетъ слишкомъ обширна и сложна (особенно если имѣть въ виду, что цѣлая половина священниковъ енисейской епархіи не имѣетъ полного семинарскаго образованія), для учителей же проектируемая школа окажется совершенно недостаточною. Прежде всего, контингентъ поступающихъ туда будетъ состоять преимущественно изъ учениковъ, уволенныхъ изъ духовнаго училища за малоуспѣшность, или дурное поведеніе, а такой исключительный составъ учащихся мало общается хорошаго. Затѣмъ, программа училища, состоящая преимущественно изъ «краткихъ» курсовъ и въ общемъ едва ли достигающая программы духовнаго училища, слишкомъ недостаточна для подготовки учителя народной школы и еще менѣе для того, чтобы воспитанникъ такой школы могъ усвоить хотя бы «общія основанія» педагогики и дидактики. Если эти предметы не безъ затрудненія усвоятся въ семинаріяхъ, гдѣ они проходятся въ послѣднихъ классахъ и уже послѣ того, какъ воспитанниками бывають пройдены логика, психологія и обзоръ философскихъ системъ, то какого же усвоенія можно ожидать отъ еле—грамотныхъ мальчиковъ? Рѣшая такой вопросъ, нужно помнить, что въ дѣлѣ воспитанія и обученія полуграмотный учитель можетъ принести болѣе вреда школѣ и ученикамъ, чѣмъ совсѣмъ безграмотный. И если учительскія семинаріи и институты вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія признаются неудовлетворительными, то что же скажутъ о «причетническихъ классахъ съ педагогическими курсами?»

— *Средства противъ обжоговъ.* Образующіеся послѣ обжоговъ и обваровъ кипяткомъ пузыри, по обыкновенію, лопаются и послѣ этого остаются болящія мокрыя раны. Весьма полезнымъ средствомъ для успѣшнаго заживленія такихъ ранъ оказалося накладываніе на обнаженные отъ кожи мѣста чистаго, мягкаго пуха. Разъ положенный пухъ остается до тѣхъ поръ, пока больное мѣсто совершенно затянетъ корочкой, подсохнетъ, и по уничтоженіи жара струпъ самъ собою отвалится. Сказаннымъ способомъ исцѣлялись такія крупныя пораженія, за благопріятныя послѣдствія которыхъ иногда не ручались даже и врачи. Однажды пятилѣтній ребенокъ уронилъ на себя полный кипящій самоваръ и подвергся обвару всей нижней половины туловища, вслѣдствіе каковаго несчастія ему предстояла неминуемая смерть, тѣмъ болѣе, что обычныя аптекарскія снадобья ничего не помогали. Случайно сообщили о полезномъ

дѣйствіи пуха. Обружающіе немедленно распороли подушку и вынутымъ пухомъ въ изобиліи обложили обнаженные ноги ребенка; ужасная боль моментально затихла, лишенная кожи поверхность тѣла перестала мокнуть, въ скоромъ времени покрылась корочкой и затѣмъ, по благополучномъ заживленіи, постепенно сваливалась, оставивъ послѣ себя новую кожицу, безо всякихъ дурныхъ послѣдствій.

— Въ «Под. Еп. Вѣд.» помѣщено слѣдующее свѣдѣніе больной, получившей обжогъ и излѣчившейся. «Сообщаю средство отъ обжоговъ, которое я испытала сама на себѣ не одинъ разъ, и которое узнала совершенно случайно, а именно слѣдующимъ образомъ: обжегши ладонь правой руки, я начала, послѣ того, готовить для больного ребенка миндальное молоко, и послѣ того, какъ я нѣсколько разъ выжала миндаль, я почувствовала облегченіе въ рукѣ, а затѣмъ боль совершенно прекратилась. Послѣ этого, я при всякомъ обжогѣ клала на больное мѣсто растолченный и смоченный водой миндаль, и боль скоро утихала; миндаль лучше дѣйствуетъ, чѣмъ всѣ извѣстныя средства, въ родѣ картофельной муки или тертаго картофеля, или ваты. Вотъ рецептъ, котораго я рекомендую придерживаться. Взять нѣсколько штукъ сладкаго миндаля, истолочь его мелко, смочить немного водой и прикладывать къ обожженному мѣсту, перемѣнять нѣсколько разъ миндальную массу, и черезъ часъ, много два, боль значительно утихнетъ. Образовавшійся пузырь не надо прокалывать, онъ самъ по себѣ опадетъ черезъ дня два-три».

Средство отъ зубной боли. Набрать листьевъ подорожника въ то время, когда онъ уже начинаетъ отцвѣтать, настричь ихъ ножницами или искрошить помельче сѣчкой, засыпать ими бутылку водки и дать постоять нѣсколько недѣль, затѣмъ настой слить и держать готовый для употребленія. Нѣсколько капель на ватѣ, приложенныя къ больному зубу, унимаютъ самую сильную боль почти мгновенно. Необходимо только, чтобы настой былъ самый крѣпкій, иначе онъ не подѣйствуетъ. Средство это совершенно безвредное, такъ какъ подорожникъ (*plantago major*) растеніе вовсе не ядовитое. Его можно, какъ извѣстно, найти вездѣ, гдѣ только есть трава. Не худо прибавить къ настою нѣсколько капель обыкновенной валерьянной тинктуры, но это не составляетъ необходимости. Часто случалось видѣть, какъ это средство помогало въ такихъ случаяхъ, когда всякія другія оказывались безсильными.

Средство противъ боли и опухоли при ужаленіи. Корреспондентъ «Сына Отечества» въ № 138 за настоящій 1889 годъ опубликовалъ слѣдующее, испытанное имъ средство противъ боли и

опухоли при ужаленіи. Это настой изъ растенія *plantago major*. Придавая полное довѣріе сообщенному общепольному средству и сдѣлавъ рекомендованный настой, я, однако, не примѣнялъ его еще на практикѣ. Между тѣмъ, мнѣ случайно удалось примѣнить сказанное полезное растеніе и въ другомъ отношеніи. На дняхъ, жестоко ужаленный залетѣвшей ко мнѣ въ комнату осой, я почувствовалъ въ ужаленномъ мѣстѣ жгучую боль и тотчасъ появившуюся опухоль. Сдѣлавъ же въ больному мѣсту изъ настоя *plantago major* примочку, я тотчасъ почувствовалъ облегченіе и опухоль прекратилась, хотя настой травы у меня заготовленъ только четвертый день.

Средство противъ лихорадки. Населеніе Кавказа и Поволжья давно уже пользуется обыкновеннымъ подсолнечникомъ, какъ противулихорадочнымъ средствомъ. Д-ръ Казачковъ обращаетъ вниманіе на это народное леченіе болотныхъ лихорадокъ и приводитъ наблюденія, когда самыя упорныя лихорадки, мѣсяцами не уступавшія хинину, мышьяку и проч., прекращались въ теченіе 3—7 дней послѣ приемовъ крѣпкой настойки подсолнечника. Особенно интересенъ «случай съ больной, которая въ продолженіе 4 лѣтъ страдала лихорадкой... Хинину она принимала страшное количество до тѣхъ поръ, пока не явились признаки отравленія имъ, затѣмъ принимала іодъ и проч.» Но ничто не помогало и состояніе больной становилось все хуже. Послѣ же приемовъ настойки подсолнечника, въ продолженіе 3-хъ дней, лихорадка исчезла окончательно. Для внутренняго употребленія берется водочная настойка изъ цвѣтовъ и ствола подсолнечника и даже только изъ ствола, все-равно, свѣжаго или сухого. Въ бутылку, наполненную цвѣтами и стружками ствола, наливаютъ водку и, закупоривъ, настаиваютъ въ теченіе 2—3 дней на солнцѣ, или въ тепломъ мѣстѣ. По истеченіи 1—3 дней получается настойка, цвѣта средней крѣпости чая изъ сухихъ стволовъ и зеленаго цвѣта изъ свѣжихъ, съ запахомъ и вкусомъ подсолнечника. Взрослымъ даютъ по маленькой рюмкѣ 3 раза въ день. Приемы приходится продолжать не болѣе одной недѣли. Нельзя не обратить вниманіе на это народное средство въ виду его простоты и дешевизны и не указать, что «въ Америкѣ подсолнечникъ, наравнѣ съ эйкалиптомъ, предлагали сажать въ болотныхъ мѣстностяхъ для осушенія болотъ, причемъ результаты оказались удовлетворительные».

Средство отъ водняки. Всѣмъ извѣстно, сколь тягостными симптомами характеризуется довольно распространенная болѣзнь—во-

дянка. Прекрасное народное средство отъ водянонь, развившихся послѣ сильной простуды, остановившагося пота и скрывшихся внутреннихъ сыпей, составляетъ отваръ чернобыльника, приготовленный по слѣдующему рецепту: взявъ цвѣтныхъ верхушекъ обыкновеннаго чернобыльника, наложить ихъ до половины въ кубинишъ, налитый водой, покрыть крышкою, замазать тѣстомъ и поставить на два-три часа въ большую печь; горячаго этого отвара давать: слабымъ больнымъ по 2 чайныя чашки, а крѣпкимъ по 3 чашки утромъ и вечеромъ. При этомъ употребляютъ слѣдующія ванны: взявъ корчагу, наполнить ее до половины свѣжимъ лошадинымъ навозомъ, на который набросить 3—4 накаленныхъ кирпичей и подливать хлѣбнымъ (краснымъ) уксусомъ; на отдѣляющіеся пары каждое утро сажаютъ больнаго, раздѣвъ его до нага и завернувъ въ теплыя одѣяла; продолжать это до тѣхъ поръ, пока камни не остынутъ, или столько времени сколько больной можетъ вытерпѣть. Кромѣ кашицы или похлебки съ бѣлымъ хлѣбомъ и вышеозначеннаго питья, больнымъ ничего не дозволяется.

Средство отъ коклюша у дѣтей. Заварить въ небольшомъ чайникѣ горсть сушеной малины и дать ей хорошенько настояться на самоварѣ; настой слить въ другой чайникъ и распустить въ немъ полную столовую ложку краснаго меду. Смѣсь эту надобно давать больному дитяти теплою, по столовой ложкѣ, не менѣе трехъ разъ въ день, и притомъ всегда прибавлять отъ 3 до 6 капель свѣчнаго сала, которое хотя очень не вкусно, но приноситъ большую пользу въ этой мучительной и нерѣдко смертельной болѣзни. Къ груди больнаго нужно также прикладывать свѣчное сало, напятавши имъ сахарную бумагу, проткнутую булавками во многихъ мѣстахъ, а чтобы она не отваливалась и не холодила груди, укрѣпить ее длиннымъ и довольно широкимъ кускомъ бумаги. Весьма полезно также треніе фланелью или шерстяными перчатками груди, спины и членовъ больнаго дитяти. Чѣмъ заблаговременнѣе употребляютъ эти средства, тѣмъ вѣрнѣе будетъ успѣхъ. (Под. Еп. Вѣд.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА.

СБОРНИКЪ ПРАВИЛЪ И ПРОГРАММЪ ДЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ

съ относящимися къ нимъ опредѣленіями Св. Синода, распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія и другими узаконеніями. Составилъ Д. Тихомировъ. Изданіе 2-е, значительно увеличенное. С.-Петербургъ, 1889. Ц. 45 к.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ книжный складъ Д. Д. Полу-боярнинова, Николаевская, 18. Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ дѣлается уступка на 30%.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

Опроверженіе Эпикуреизма. Первая и вторая книги произведенія Цицерона „О ВЫСШЕМЪ БЛАГѢ И КРАЙНЕМЪ ЗЛѢ“, въ русскомъ переводѣ проф. Гвоздева. Казань. 1889. Цѣна 75 коп.

ПСИХОЛОГІЯ ОПЫТНАЯ (руководство для изучающихъ). Преподав. духовн. семина., свящ. А. Аристова. Выпускъ первый. Рига. 1889. Ц. 50 к., съ перес. 60 к., складъ изданія: у автора и въ редак. *Рижскихъ Епарх. Вѣд.*

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ? Публичная лекція В. Л. Ланкова. Одесса. 1889. Ц. 30 к.

Съ 1 Ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры новый журналъ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

При участіи Московскаго Психологическаго Общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. | Изданіе А. А. Абрикосова.

Программа журнала предполагается слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, — опытнал и физиологическая психологія, психопатологія; 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналъ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа специалистовъ по философіи: профес. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, профес. М. И. Владиславлевъ, профес. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Галаровъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Лалге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. П. Челановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерит. ун.), Э. О. Масарпль, (проф. Пражскаго унив.) и др. лица, — 2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, проф. А. П. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Грингутъ, Д. А. Дриль, проф. Н. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. П. Карѣевъ, проф. А. Я. Коллежниковъ, М. С. Кореличъ, д-ръ С. С. Корсаковъ, д-ръ И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Э. П. Шереметьевскій, Н. И. Шишкинъ, В. И. Штейнъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 руб., съ доставкою въ Москвѣ;—6 р. 50 коп. съ пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ—4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к.—Подписка будетъ приниматься съ 1 сентября нын. года въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярова, кв. Николай Яв. Грота), въ редакціи журнала «Русская Мысль» и въ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

О П О С Т Ъ,

Ректора Семинаріи Архим. Никанора. Ц. 15 к.

Выписывающимъ 50—100 экземпляровъ уступается 25⁰.о.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

въ 1889—90 подписномъ году (съ 1 августа 1889 г. по 1 августа 1890 г.).

Съ 1 августа 1889 года журналъ «ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА» вступаетъ въ третій годъ изданія. Оставаясь неизмѣнно-вѣрнымъ своей главной задачѣ—оказывать посильную помощь трудящимся въ школахъ пастырямъ и учителямъ въ ихъ великомъ и святомъ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія народа, журналъ по прежнему будетъ вмѣстѣ и органомъ, при посредствѣ котораго дѣятели на поприщѣ народнаго образованія могутъ обмѣниваться между собою взглядами на различные вопросы, относящіеся къ такой или иной постановкѣ школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, а равно и выражать указываемыи школьною практикою и жизнью нужды, желанія и потребности школы и ея непосредственныхъ дѣателей. Отдѣлъ для чтенія учащихъ и въ новомъ подписномъ году будетъ печататься такъ, чтобы изъ него легко было затѣмъ составить особия книжки для выдачи на руки ученикамъ школы.

Программа журнала остается прежняя.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ. Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ. Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ. Свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ въ епархіяхъ. Изъ школьнаго міра (хроника). Педагогическое обозрѣніе. Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію. Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію. Корреспонденціи. Небольшія статьи для чтенія въ школахъ и дома: а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной; б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой; в) Повѣсти и рассказы религиозно-нравственнаго содержанія; г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи; д) Притчи.

Журналъ будетъ выходить по прежнему *ежемесячными книжками отъ 4 до 5 и болѣе печатныхъ листовъ* съ 1 августа 1889 года по 1 августа 1890 года.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ТРИ РУБ. СЕР.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ: 1) въ редакціи журн. «Церк.-приход. школа», при Кіевск. Епархіальн. Училищн. Совѣтѣ; 2) въ редакціи журн. «Руковод. для сельскихъ пастырей» при Кіевск. духовн. семинар.; 3) въ Южно-Русскомъ книжн. магазинѣ Динтера. *Въ С.-Петербурѣ:* 1) въ Синодальной книжной лавкѣ; 2) въ книжн. магаз. П. А. Тузова.

Въ Москвѣ: въ Учебномъ магазинѣ «Начальная Школа» Е. П. Тихомировой.

Въ редакціи журнала можно также получать и оставшіеся отъ первыхъ двухъ подписныхъ годовъ экземпляры:

Годъ I (съ 1 августа 1887 года по 1 августа 1888 г.) цѣна ТРИ руб. съ перес.
Годъ II (съ 1 августа 1888 года по 1 августа 1889 г.) цѣна ТРИ руб. съ перес.